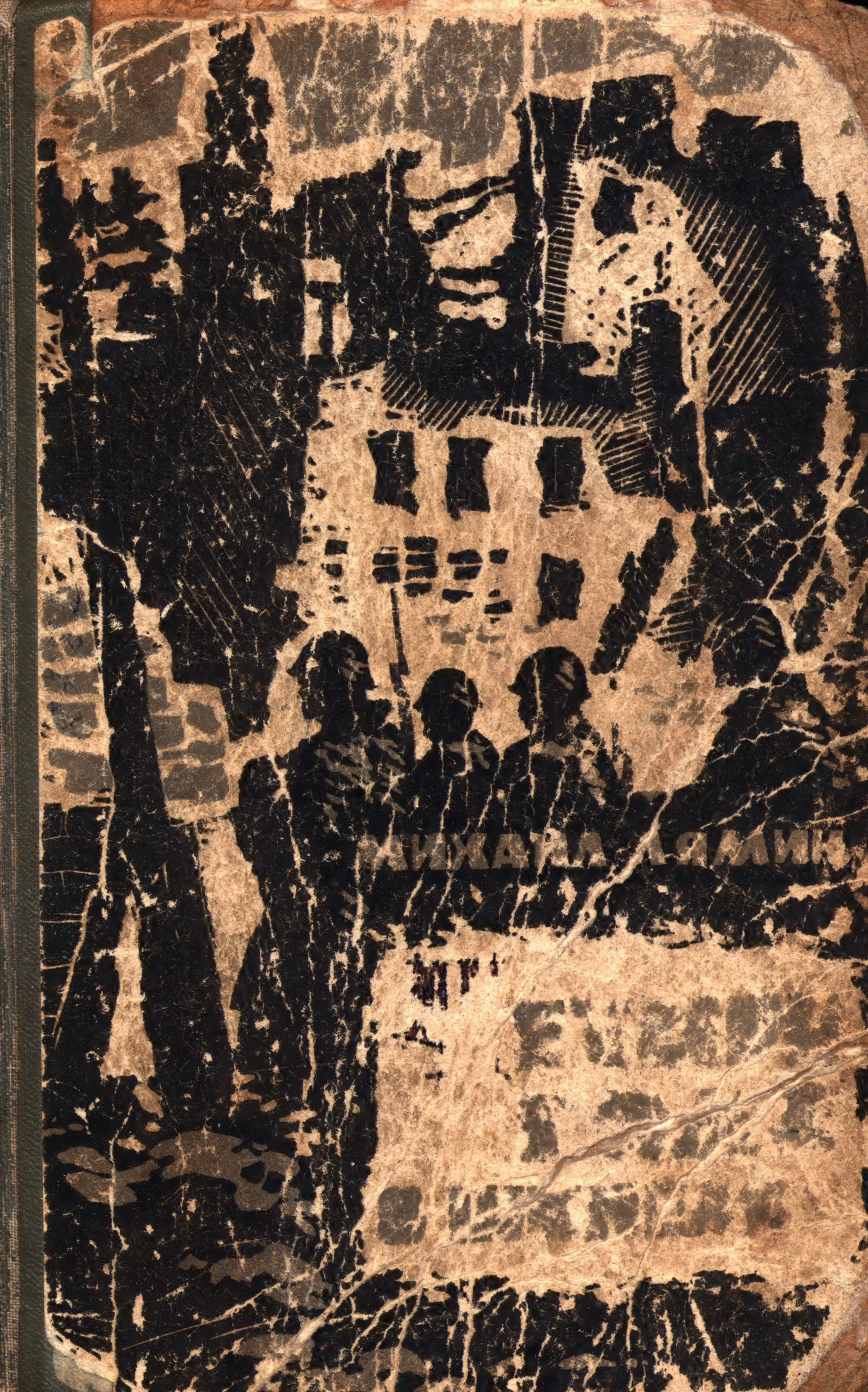

Кандава

Рига

Бауска

Шяуляй

Биржай

Полоцк

Лынтупы

Клайпеда

Неве

Лепель

МИХАИЛ
ЛЯМИН

ПОВЕСТЬ О РОДНОЙ ДИВИЗИИ

Авторизованный перевод с удмуртского
Алексея Никитина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «УДМУРТИЯ» ИЖЕВСК — 1970

дм.)
37

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Автор настоящей повести — бывший воин, народный писатель Удмуртской республики Михаил Андреевич Лямин. В минувшей Отечественной войне от начала и до конца ее он служил в 357 ордена Суворова 2 степени стрелковой дивизии, сформированной осенью 1941 года на удмуртской земле. За боевые заслуги Михаил Лямин награжден орденами Отечественной войны 2 степени, Красной Звезды и медалями, за трудовые заслуги — орденом «Знак Почета».

Будучи участником великих сражений, в короткие минуты затишья между боями он писал о мужестве своих земляков. Написанные по горячим следам событий его очерки печатались в газетах, а в дальнейшем вышли в сборниках, которые и легли в основу данного повествования.

Не претендуя на широкие обобщения, писатель нарисовал правдивую картину ратного подвига советского народа, в который внесли свою лепту и сыны Удмуртии. Перед глазами читателя проходят десятки героев. Они совершали подлинные легендарные подвиги. Тысячи из них — свидетелей и участников подвигов — и ныне здравствуют.

Авторизованный перевод повести с удмуртского сделал ветеран 357 ордена Суворова 2 степени стрелковой дивизии писатель Алексей Иванович Никитин.

В книгу входят фронтовые зарисовки художников бывших воинов дивизии Сергея Павловича Викторова и Леонида Петровича Мяготина.

Учитывая многочисленные просьбы организаций и читателей, издательство «Удмуртия» выпускает книгу вторым изданием.

7-3-3
37-70

СЛОВО О 357 СТРЕЛКОВОЙ

Немало славных боевых подвигов совершила 357 ордена Суворова 2 степени стрелковая дивизия, сформированная на удмуртской земле суровой осенью 1941 года. Трудящиеся Советской Удмуртии снарядили и благословили ее на смертный бой с фашистскими захватчиками, и она с честью оправдала доверие своего народа. Боевые знамена дивизии и ее полков, украшенные орденами, овеяны немеркнущей славой.

Свой первый вклад в дело победы над фашистскими захватчиками воины дивизии внесли в калининских лесах и на Смоленщине. А в ожесточенном штурме неприступных вражеских позиций под древним городом Великие Луки дивизия обрела воинскую зрелость.

Много ратных подвигов совершила дивизия в боях на белорусской земле. И поныне жители Лепельского района помнят ее воинов, не щадивших своих жизней, чтобы вызволить из концлагеря обреченных на уничтожение.

При освобождении Литвы и Латвии 357 входила в 1 Прибалтийский фронт, которым мне довелось командовать. Я не раз отмечал мужество и стойкость воинов этой дивизии.

Напомню только один боевой эпизод, случившийся в августе 1944 года в районе литовского города Биржая. Контратакующему противнику удалось окружить вырвавшуюся вперед 357, но дивизия проявила несгибаемую стойкость, успешно отбила атаки врага, нанесла ему серьезный урон, провела обманный маневр и вышла с победой.

В небольшой статье, к сожалению, не перескажешь обо всех бессмертных подвигах дивизии.

Четыре года в серых шинелях двигались по дорогам Великой Отечественной войны солдаты прославленной 357 стрелковой. Не все дошли до победного конца, но память о погибших свято берегут живые. Ветеран дивизии писатель-боец Михаил Лямин написал книгу «Четыре года в шинелях» — памятник тем, кто сражался за нашу Родину, кто громил врага, не жалея сил, и, самое главное — книга показывает массовый подвиг народа, руководимого великой ленинской партией.

Маршал Советского Союза
И. БАГРАМЯН.

ПРЕЗРЕВШИЕ СМЕРТЬ

РОЖДЕНИЕ ДИВИЗИИ

Прощай, Ижевск!

Жарко и душно. Не шелохнувшись, стоят деревья. Безлюдно на Ижевском пруду. Отполированной кажется водная гладь, растянувшаяся на многие километры. Осиротел славный и красивый уголок нашего города, где совсем недавно раздавались песни и смех, шумели лодочные моторы.

Притих и весь город. На улицах суровые, задумчивые лица. Женщины сменили модные платья на строгие рабочие костюмы. И все куда-то торопятся. Всем некогда.

Город как бы сжался, напружинился в ожидании неведомого. Ощетинился неприступностью заводских труб.

Они, несмотря ни на что, дымят и дымят, как бы глубоко дышат. Много труб. Многих заводов рабочего Ижевска.

Не наступили перемены только в скверах с газонами не политых, но все еще красивых цветов. Там, как всегда, бабушки с внучатами. Скакалочки-выручалочки. Баю-баюшки. И только изредка нестерпимое:

— Господи, неужели наши оставили Ригу?..

Все это я вижу и слышу каждый день, направляясь из дома в райвоенкомат, где меня определили в первый же день войны членом мобилизационной комиссии.

Ежедневно идет отправка эшелонов. Прощальные песни, гармошки, оркестры.

Слез не хотелось замечать. Их старались сдерживать. Когда к горлу подступал комок — человек беспричинно улыбался. «Ну, ничего, ничего. Перемелется — мука будет». И тут же: «Крутится, вертится шар голубой...».

А на другой день опять военкомат. Встреча новых партий мобилизованных. Беседы, напутствия. Читки сводок Совинформбюро.

Я проводил на фронт многих своих товарищей из республиканского издательства, редакций газет и Союза писателей. Успел получить несколько писем с адресами полевых почт. Друзья уже воюют. Молодцы!

Так проходит день за днем в нетерпеливом ожидании, в беспокойных снах, в страстном желании поскорее попасть на фронт.

Проходят эшелоны с ранеными. С пожилыми мастеровыми, женщинами и детьми. И все на восток, на восток. А на запад — эшелоны солдат, составы с орудиями и танками.

Каждый день не раз я слышу по радио песню «Священная война». И каждый раз спрашиваю: когда же я?

В один из дней второй половины августа военком встретил меня необычно оживленно.

— Читай!

Я впился в строчки машинописного текста. Это был приказ Верховного Главнокомандующего о формировании в Удмуртской республике новой, 357 стрелковой дивизии.

— Здорово!— невольно вырвалось у меня.

— Вот туда и получай направление.

— Спасибо, товарищ военком.

— Тебе спасибо, помог нам. А теперь пора. Формируется очередная, удмуртская. Если бы разрешили, махнул и я.

Странное чувство охватило меня в тот день и особенно в тот последний вечер прощания с родным городом, когда мы с женой вышли побродить перед разлукой. Не раз и не два уезжал я из Ижевска, но никогда так не волновался. Перед глазами проплыло прошлое.

Сиротское детство. Река Ува. Крестьянский дом. Помощь матери в сенокос и жатву. Ночное. Посиделки и рождественские гадания девушек. Поршурская школа. Отмена закона божьего. Последний приход недовольного батюшки. А потом — кружки, собрания. Бурная жизнь комсомольской ячейки. Сходки мужиков. Обыкновенная судьба сына удмуртского крестьянина.

Все дала моему поколению Советская власть. После школы — педагогический техникум. После техникума — институт. Служба в армии. Знакомство с Баку и Киевом, с побережьем Черного моря и Москвой. Крестьянский парень стал педагогом-журналистом. Рос вместе со своей родной Удмуртией, со всей страной. Готовился засесть за книгу. И вот все это пытается перечеркнуть жестокий ворог.

Никогда не казался мне Ижевск таким красивым и милым, как в тот августовский вечер. Большой, могучий. Город металлургов и машиностроителей, искусных оружейников и первых мотоциклостроителей России. Город-завод.

Он жил тогда, как и многие другие города, с притушенными огнями. Но в нем еще не было светомаскировки. Просто меньше горело на улицах фонарей. От этого город казался задумчивым и сосредоточенным. О чем ты горюешь, родной мой?

Я хорошо понимал думы своего города, они были моими думами. Неужели враг будет наступать и дальше?

Не хотелось говорить о последних сводках с фронта. Не хотелось мучиться догадками, почему они именно такие — невеселые, тревожные. Не хотелось вспоминать и песню «Если завтра война», которую мы очень легко распевали всего лишь два-три месяца назад.

Душу давила тяжесть необъясненных сомнений, чего-то и кем-то недоговоренного, скрытого. Как это все случилось? Почему так молниеносно враг сумел смять наши пограничные кордоны?

Давно ли были торжественные приемы дипломатов Германии в Кремле. Завтраки, речи, обязательства. А потом запреты таких картин, как «Профессор Мамлок», слова «фашист» в газетах и книгах.

И вот этот фашист топчет сегодня нашу землю. Рвется к тому же Московскому Кремлю, только не с речами и обещаниями, а с огнем и мечом. Какая превратность судьбы!

Мы говорим с женой об итогах двух месяцев войны, только что опубликованных в газетах. О крахе хвастливых планов командования германской армии, об уложенных на дорогах к Москве и Ленинграду фашистских дивизиях, о провале молниеносной войны, об оставленных нами городах...

А кругом тишина и настороженность. Только красный флаг на башне машиностроительного завода не поддается этому безмолвию. Он, как всегда, продолжает шелестеть на высоте нескольких десятков метров. Я смотрю на этот флаг, который знаю, кажется, со дня рождения, и он возвращает мне всегдашнюю бодрость. Выше голову, старина,— приказываю я себе.

Обыкновенная станция

Откровенно говоря, до 23 августа тысяча девятьсот сорок первого года я ничего не знал об этой станции, куда мы приехали. Знал Воткинск и Глазов, Балезино и Кез, Сарапул и Можгу, Кизнер и Уву, десятки других сел, поселков, деревень и станций, а этой в памяти не было.

Малюсенькая станция с миниатюрным деревянным домиком вместо вокзала. Кругом сосновый бор. В его владениях, как свечи, стоят шеренгами корабельные сосны. От них расстилается смолистый запах нагретой хвои. Поют птицы. Слышно: где-то долбит дятел, словно играет в бубен.

В первые же минуты появления на станции я подумал: как мало иногда мы знаем родной край. Клянемся в любви к нему, пишем об этом статьи и книги, а сами не удосужимся за всю жизнь пройтись по нему пешочком из конца в конец. Знаем село или город, где родились, учились, начинали работать, и этим ограничиваем свои познания и любопытство. А край-то, оказывается, вон какой раздольный и обширный. Как он дорог мне, особенно сейчас.

В. А. Малков

Я и прибывшие со мной несколько офицеров ищем штаб формируемой дивизии. Проходим мимо построек местного леспромхоза, спрашиваем встречных. Никто ничего толком не знает.

Оказывается, никакой дивизии, собственно, и нет. Есть недостроенный двухэтажный дом, предназначенный для штаба. Вот и все, как говорится, хозяйство.

Мы входим в этот дом. Кругом следы неустроенности, походной жизни, неумелого новоселья. Где-то тюкают плотники, женщины выносят из помещения строительный мусор. В комнатах нижнего этажа сидят молодые люди в армейской форме и что-то сосредоточенно пишут.

Мы находим штаб будущей дивизии. Нас встречает полный, коренастый, круглолицый, очень спокойный майор Малков. Он почему-то улыбается, завидев нас, встает из-за стола.

— Вот и первые ласточки,— приветливо говорит майор.— С вашей легкой руки и начнем. Пока вся дивизия вот в этих трех комнатах. Нет ни командира дивизии, ни комиссара, ни командиров полков, кроме вот меня, майора Малкова, да еще нескольких офицеров. Значит, так...

Майор меняет настроение: хмурится, поигрывает желваками, стучит пальцами по столу и повторяет:

— Значит, так. Пойдете в полки. Там есть по десятку человек. Живут в лесу, кто как может. Будете жить там и вы. Строить землянки. Принимать пополнение, обмундировывать, мыть в бане, стричь, водить строем в столовую, на занятия.

Майор снова улыбается, отчего его полные щеки становятся похожими на две половинки арбуза. Добродушный человек, очень похожий на учителя. Он назы-

вает нам номера полков, показывает в окно, где они примерно расположены, говорит «ну, с богом», отпускает всех, а меня задерживает.

— Значит, вы не только строевой офицер, но и писатель,— просматривая мои документы, говорит Малков.

— Пока не писатель, а только журналист,— поправляю я майора.

— Это одно и то же,— по-своему заключает майор.— Такие люди очень нужны будут дивизии. Начинайте присматриваться с первого дня. Чем черт не шутит. Останемся живы...

Он не договаривает, опять хмурится, опять говорит «ну, с богом», и я выхожу из помещения.

Теплый день конца августа. Со стороны железнодорожной станции слышатся паровозные свистки. Оттуда же доносится рокот тракторов. Это или эмтээсовские или леспромхозовские.

И опять тишина. Запах смолы. Долбежка дятла. Чириканье пичужек.

На маленькой полянке в глубине соснового бора я нахожу штаб 1190 стрелкового полка, куда направил меня майор. Штаб — в дощаном помещении, похожем на барак. На подходе к штабу меня встречает старший лейтенант.

Он высок и строен, этот старший лейтенант, с русыми волосами и голубыми глазами. Выправка и походка выдают в нем кадрового офицера. Старший лейтенант щеголеват и, что самое интересное, с пушистыми бакенбардами, отчего мне сразу пришел на память книжный Андрей Болконский.

Я представился как положено, по форме. Старший лейтенант принял мой рапорт тоже по форме и, пробежав глазами мои документы, громко сказал:

— Вот и отлично, будете работать при нашем штабе.

Фамилия старшего лейтенанта Григорьев. Имя и отчество — Александр Степанович. Средних лет. Успел уже повоевать в Эстонии. Прибыл сюда из госпиталя. Он тоже обрадовался моей гражданской профессии и сказал примерно то же самое, что и майор Малков.

— Да, да, это было бы здорово.— И вздохнув:— А пока, товарищ младший лейтенант, принимать штыки и срочно строить землянки. Видите, как живем?

Так начались наши армейские будни. Вслед за мной нахлынул поток мобилизованных. Через несколько дней

прибыл командный состав дивизии. Командир, полковник Киршев, высокий, худощавый, сердитый на вид. На груди — орден Красной Звезды. Ему что-нибудь под сорок. Говорили — кадровик, сибиряк, в последнее время служил на Дальнем Востоке.

Под стать командиру оказался и военком, полковой комиссар Кожев. Он был немного старше полковника, солиднее и спокойнее его. Местный, из Удмуртии, в прошлом партийный работник республики, а потом кадровый политработник армии.

Вместе с командиром и военкомом прибыли начальник политотдела батальонный комиссар Шиленко, начальник штаба дивизии майор Щербаков. За ними командиры полков майоры Ганоцкий, краснознаменец, и Коновалов, участник гражданской войны. Оба кадровики, оба, как на подбор, маленькие ростом. Только Ганоцкий щупленький и живой. Коновалов же, наоборот, кряжистый, с твердым и неторопливым шагом.

Один за другим прибывали мои земляки, многие знакомые и товарищи. Из политработников появились бывшие комсомольские вожаки республики Николай Корепанов, Григорий Перевозчиков, Иван Лукин, Михаил Булдаков, Александр Хомяков, Георгий Попов, вчерашние журналисты Андрей Веретенников, Николай Щербаков, Павел Шиляев и партийные работники Константин Вячкилев, Николай Смирнов, Константин Клестов, Иван Кузнецов, Павел Наговицын, Иван Самсонов, Виталий Мельников, Александр Шаклеин.

Прибыли командиры-пехотинцы Дмитрий Скобелев и лейтенант Федор Буранов, сапер младший лейтенант Алексей Васильев, артиллеристы офицеры Григорий Поздеев, Сергей Рыбин, Иван Кравец, топограф Василий Яковлев. Медицинские сестры Анна Добрякова, Клавдия Плотникова, Валентина Сентякова.

Я ходил по лагерю дивизии и не успевал здороваться со знакомыми. Сколько их, моих земляков — удмуртов и русских — стеклось за несколько дней в этот сосновый бор под маленькой станцией. Вот щеголяют в зеленых форменных фуражках ветврачи Бахтин, Савиных и Кибардин. Вышагивает усач-старшина, вчерашний председатель колхоза Александр Прокопьевич Лекомцев. Рядом с ним бывший счетовод МТС, пожилой санинструктор Николай Кузьмич Козлов. Тут же бывший агроном, артиллерийский разведчик Николай Иванович

Семакин, связисты старший сержант Степан Некрасов, ефрейтор Александр Максимов, рядовой Михаил Ипатов. Строгим выглядит артиллерист, ижевский рабочий старший сержант Михаил Вотяков. И наоборот, внешне беззаботным — боец комендантского взвода рядовой колхозник Владимир Захаров. Угрюмоват мой земляк, пулеметчик Дмитрий Тимофеевич Коновалов. Суетлив повар сержант Петр Федорович Наговицын.

Большое пополнение прибыло из Уральского военного округа — досрочно окончившие пехотные училища молодые лейтенанты. Все они подтянуты, задорны. Среди них есть и земляки Леонид Воронцов, Алексей Бывальцев.

В команде из Воткинска оказались инженеры из эвакуированного киевского «Арсенала»: Вячеслав Вишневский, Илья Кернес, Виктор Корницкий, Илья Кравченко, Николай Сикора, Олег Тудоров, Ефим Факторович. Все они были направлены в артиллерийское снабжение полков и дивизии.

Появился в дивизии командир 923 артиллерийского полка капитан Засовский, сразу обративший на себя внимание особой командирской выправкой и аккуратностью. Высокий брюнет, в фуражке с черным околышем, в хромовых безукоризненно вычищенных сапогах, он своими манерами очень походил на старшего лейтенанта Григорьева, начальника штаба 1190 стрелкового полка.

Засовский быстро сошелся со своими артиллеристами, офицерами и рядовыми, и особенно с выпускником артиллерийского училища лейтенантом, удмуртом, как оказалось, кандидатом географических наук Григорием Поздеевым.

Кого только война не оторвала от мирных занятий. В дивизии оказались и мои друзья юности — учителя Алексей Поздеев и Александр Белослудцев. С первым я учился в Ленинградском пединституте, с другим пришлось служить в армии в действительную, в Баку. Поздеев рассказал, как в его село Дебессы привезли эвакуированных детей из Литвы.

Как изменились здесь, в дивизии, готовящейся выступить на фронт, мои товарищи и знакомые. Обтянула боксерское тело Алеши Поздеева новая солдатская гимнастерка. Мешком сидит она на нескладной фигуре Саши Белослудцева. Но некоторые ухитряются франтить и здесь. И даже в рабочих ботинках с обмотками.

Конечно, дело не в форме. Люди живут ожиданием больших, тревожных дел. Определенных занятий в первые дни нет. Идет формирование отделений, взводов, рот, батальонов, батарей и дивизионов. Ведется строительство землянок. Политруки проводят беседы по сводкам Совинформбюро. Приезжают на свидание семьи.

А на дворе уже сентябрь. Начинают желтеть листья на деревьях. По утрам выдаются заморозки. На землю ложатся густые росы. Выпадают дожди. Но дивизия формируется, строится и пока мало учится.

А фашисты уже подбираются к Киеву. Идут жестокие сечи в подмосковных областях.

— Когда же тронемся мы? — беспокоится при встречах со мной Алеша Поздеев.

— А с чем трогаться? — вопросом на вопрос отвечает Саша Белослудцев.

Оба прекрасно знают, что у дивизии пока нет материальной части: ни винтовок, ни автоматов, не говоря уже о минометах и пушках. Зато в каждом полку есть духовые оркестры с первоклассными музыкантами. Они с утра до вечера разучивают марши и походные песни. Под их мотивы солдаты делают физзарядку, проводят строевые занятия. И под оркестры же выстругивают из палок самодельные карабины.

А с фронта идут и идут сводки одна тревожнее другой. Нелегко приходится политработникам. Попробуй сохрани спокойствие, разъясняя очередной отход наших войск, и, кривя душой, называй это стратегическим маневром.

— А я и не называю,— признается горячий Николай Корепанов, политрук минометной роты.— Какая тут стратегия, когда отступаем. Надо честно признать ошибки и быстро их исправить.

— Вот тебе исправят в особом отделе, тогда узнаешь,— невесело шутит серьезный и хмурый комиссар батальона Андрей Веретенников.

— Не пугай,— отмахивается Корепанов.— Дальше передовой не направят.

Разговор прерывается сладким, певучим голосом штабного офицера Новакова.

— Интересно, это очень интересно. О чем спор, товарищи политруки?

— О чем был, его уж нет, а о чем будет — приходите завтра,— отрубает Корепанов и отходит от компании.

Расходятся и другие. Каждый понимает: надо делать то, что возможно в данных условиях.

Идут учения — Отставить!

Тоненький задорный голосок лейтенанта, только что окончившего пехотное училище, далеко раздается с полянки. Идут взводные занятия.

Командир трижды возвращает пожилого солдата. Разучивают так называемый строевой шаг, а он никак не получается. Особенно не удаются носки. Обутые в кованые ботинки сорок четвертого размера, ноги никак не хотят вытягиваться в струнку, чего упорно добивается взводный.

Над неудачником беззлобно посмеиваются товарищи, более молодые солдаты, уже отработавшие положенное по программе. Кто-то осмеливается даже советовать — на него цыкают, и в воздухе вновь слышится звонкое и сердитое:

— Отставить!

— Не могу, товарищ командир,—жалуется пожилой солдат.— Непривычный я.

— Разговорчики!— обрывает лейтенант.— Выполняйте приказание.

— Отставить!..

Последнюю команду подал военком дивизии, неожиданно показавшийся из-за сосен. За ним семенил политрук Григорий Перевозчиков, помощник начальника политотдела по комсомолу.

Военком подошел к солдату. Лейтенант попытался было отдать рапорт, но полковой комиссар остановил его и спросил вконец растерявшегося бойца:

— Значит, не получается строевой шаг, товарищ солдат?

— Так точно, товарищ полковой комиссар,— гаркнул боец.

— А без строевого сумеете драться с фашистами?

— Только бы добраться... Зачем мне этот шаг, я штыком...

— Значит, ни к чему?

— Ни к чему, товарищ полковой комиссар.

— А как думают остальные?

Лейтенант опять собрался раскрыть рот, но военком, не обратив на него внимания, подошел к строю бойцов.

Они, как и все в дивизии, были без оружия. Военком хорошо понимал положение взводного — ему надо чем-то занимать подчиненных, чему-то учить. И вот появился этот строевой шаг, обязательный для каждого военного.

Военком разглядывал солдат. Какие они разные по внешности. Совсем мальчишки и пожилые, веселые и хмурые, высокие и низкие. Есть среди них люди со средним и высшим образованием. Есть служившие и не служившие в армии. Когда и где им придется проходить строевым шагом?

А немец рвется к Москве. Тысячи сверстников вот этих солдат бьются сегодня не на жизнь, а насмерть с ненавистным врагом. И вряд ли они проходят по полям сражений строевым шагом.

Военком повторил вопрос. Взвод ответил на одном вздохе:

— Нам бы винтовки, товарищ полковой комиссар.

— Винтовки будут,— пообещал военком. И без перехода:— А по-пластунски ползать умеете?

— В действительной приходилось.

— А кто не служил в действительной?

Военком посмотрел на лейтенанта. Тот понял старшего начальника без слов и во все легкие отдал команду:

— Взвод, смирно!

Начались переползания по-пластунски. Пример показал сам лейтенант, безжалостно бросившись на сырую после дождя землю в своем новеньком обмундировании. За ним поползли солдаты, старательно, споро, многие со знанием дела.

— Получается, товарищ лейтенант? — спросил военком подошедшего к нему в запачканной гимнастерке командира взвода.

— Получается,— вздохнул тот, наблюдая за солдатами.

— Вот так и продолжайте. Ближе к боевой обстановке. Знаете, где находятся немцы?

— Два дня не читал газет.

— Ты что, с ума сошел? — не сдержался и совсем как в гражданке, в комсомоле, возмутился комсорг дивизии Григорий Перевозчиков.

— Не носят к нам газет,— пожаловался лейтенант.

— Проверить,— приказал военком комсоргу. И к взводному:— Успеха вам, товарищ лейтенант.

— Будем стараться, товарищ полковой комиссар.

Непросто и нелегко переходить от гражданской обстановки к военной. Не сразу удается привыкнуть и к армейскому лексикону. Вчера все были равные, сегодня — одни командиры, другие солдаты. Люди все еще чувствуют себя гражданскими, а не военными. На устранение этого привычного уходит много времени и усилий у кадровых строевых командиров.

Не знает покоя комдив. Он ходит из полка в полк, из батальона в батальон и все требует, требует.

— Как строите землянки? Почему глухие и без круговой обороны? Где щели и лисьи норы?

— Но, товарищ полковник...

— Отставить! Выполнять приказание.

И солдаты выполняют. До третьего пота роют землю, меряют километры на маршах, ведут наступательные «бои», отражают контратаки «противника». Вместе с бойцами потеют пожилые командиры полков, щеголеватые комбаты, совсем молоденькие, нетренированные командиры взводов и рот. Последним особенно достается. Многие из них живут вместе с бойцами, в одних землянках. Без печек. Без ламп. А начались уже дожди.

Идут занятия. Разгорается война. Не хочется читать сводки с фронта. Не поется. Не пляшется.

Но резервная дивизия, без единого ружья, делает все положенное. По сигналу поднимается, строится на физзарядку, принимает пищу, проводит строевые и политические занятия, отдыхает. И все начинает снова. И так каждый день. На пределе нервного напряжения. В тревожном ожидании. Вести с переднего края бьют по голове как обухом. Пали Минск, Киев, Гомель, Псков. Идут бои под Ленинградом.

Поздно ночью у командира дивизии идут жаркие споры. Люди, забыв о рангах, оставаясь просто людьми, не важно, коммунисты или беспартийные, высказывают друг другу наболевшее.

— Так дальше продолжаться не может!— горячился элегантный командир артиллерийского полка капитан Засовский.— Идет второй месяц, а у нас нет ни одной пушки.

— Нажимайте на топографию,— советует комдив.

— Мы нажимаем на все, но нам надо учиться стрелять и еще раз стрелять. Голыми руками мы немца не задержим.

— Это все ясно, но пушек нет,— спокойно охлаждает капитана военком дивизии.— И винтовок пока нет, и минометов нет.

— Но, товарищи, надо же требовать,— присоединяется к командиру артиллерийского полка майор Ганоцкий.

— Юго-западные заводы на колесах, уральские не успевают,— разъясняют политработники.

— Надо послать телеграмму в Кремль.

— Еще чего захотели.

— Мы хотим воевать.

— А почему паникуете?

— Мы требуем!

— Вы солдаты и ждите приказа.

Днем, в личное время бойцов, я встречаюсь со знакомыми. Общее настроение неудовлетворенности ходом учебных занятий сказывается на каждом. Сильно переживает напрасную трату времени вчерашний председатель колхоза, старшина-усач Александр Лекомцев.

— У нас в артели не закончена уборка. Хочу попросить отпуск. Как по-вашему, дадут?

— Не дадут,— категорически отвечаю я.

— Но ведь все равно же...

— И не заикайся, Александр Прокопьевич.

— Неужели у нас так туго с оружием?

— Ведь фронт-то от Черного до Белого моря.

— Это верно. Нам хотя бы старенькую пушчонку — поучить молодых.

— Скоро, говорят, дадут.

— Заждались.

А рядом идет строй с песней «Кони сытые бьют копытами». Хорошая, правильная песня, но у нас пока нет в дивизии и коней. А петь надо. И верить, что кони будут, надо. Надо верить, несмотря ни на что.

Это было, пожалуй, самым трудным — заставить себя, наперекор всему, верить. Нет, никто не собирался паниковать, наоборот, все рвались на фронт. Но все также сознавали и другое — с голыми руками на фронте делать нечего.

— Злее будем,— говорил в минуты раздумий парторг полка Николай Щербаков, известный удмуртский журналист.

— Так можно и перекипеть,— не соглашался с ним Николай Корепанов.— Надо действовать.

— Митинг собирать? — спрашивал с ехидцей Андрей Веретенников.

— Митинг не митинг, но надо что-то делать. Иначе немец доберется и до нас.

Горячая молодежь. Петухи. Все у нее бьет через край. Понять ее можно вполне. Но вот беда — она не понимает кое-чего.

На фронте появилось новое направление — Калининское. Его надо объяснить солдатам. Опять не спят политработники. Проходят партийные и комсомольские собрания.

В полках идет подготовка к принятию присяги. Текст ее давно все выучили как урок. Готовы повторить в любую минуту. И готовы ее выполнить.

— Но я, понимаешь, забыл немного материальную часть,— жалуется мне при встрече Саша Белослудцев.— Присягу помню, а кое-что из матчасти забыл. Не на чем попрактиковаться.

— Скоро попрактикуешься.

— Пора, пора, земляк.

Разговоры о материальной части всюду. Солдаты смотрят кино «Свинарка и пастух», а переговариваются о карабинах. Шагают на марше — толкуют о том же.

Похудел малость мой друг Алеша Поздеев. Но выглядит по-прежнему богатырем.

— Как дела, Алеша?

— Нажимаю на земляные работы,— вполне серьезно отвечает товарищ.— Три кубометра в день.

— Помогает?

— А что же делать? Махать руками? Произносить речи?

Чувствуется, что Алеша зол. Нетерпение написано на его лице. Он стал даже немного суетлив, что никогда не шло к его полной фигуре.

Благодушным на вид был, пожалуй, только майор Василий Александрович Малков. После прибытия полковника Киршева он стал командиром 1188 стрелкового полка. При встречах, как всегда, улыбался:

— Как воюем-можем? Сколько захватили у противника городов?

— У вас как дела, товарищ майор?

— Ходим, ползаем, бегаем, поем...

— Скоро на фронт?

— Готовы хоть сегодня.

Оптимизм майора Малкова искренний. Кадровый

командир отлично понимает обстановку. В таком же настроении держит он и свой полк.

Совсем по-другому ведет себя офицер Новаков, холеный, красивый, баловень из интендантов. Он мелькает по лагерю как метеор, прислушиваясь к каждому пустяку, встревая в самый незначительный разговор.

— Как вы сказали? Сдача Ярцева — гибель для Москвы?

— Да, да — гибель...

— А может, гибель для всего Советского Союза?

— Не придирайтесь к словам.

— Вы повторите свое заявление в другом месте.

— Повторю где угодно, только отваливай отсюда.

— Ха-ха-ха! Интересный экземпляр.

Таких сцен по «инициативе» Новакова разыгрывалось немало.

А жизнь между тем шла своим чередом. Через станцию днем и ночью проносились на восток эшелоны. На открытых площадках машины и станки, железо и уголь. На бортах надписи мелом: «Киев — Свердловск», «Харьков — Челябинск», «Кривой Рог — Тюмень». Вот уже три месяца не прекращается этот поток.

— Наши идут, киевские,— говорил задумчиво начальник артснабжения 1192 стрелкового полка инженер Илья Кернес.

Смотреть эшелоны выходили многие солдаты и командиры. Смотреть было и грустно, и весело. Но больше, пожалуй, все-таки грустно. Это настроение поддерживалось и сообщениями с фронта, и наступившей осенью. Неприветливо стало в лесу.

Осень была и на фронте. Появилось Малоярославецкое направление. Ждать дальше становилось невмоготу.

...Это было чем-то необыкновенным. На станцию для нашей дивизии прибыли лошади. В упряжке, с обозом. Превосходные маленькие лошадки породы «Вятка». Подарок Удмуртской республики фронту.

Конечно, прежде всего на станцию высыпали артиллеристы. Лошади — для их пушек. Пусть нет пока самих пушек, зато появилась тяга. А раз так, скоро появятся и пушки.

Рады были этому подарку в дивизии. Командир артполка и его офицеры ходили именинниками. Кажется, еще

щеголеватее выглядел капитан Засовский. Засуетился, забегал начальник артснабжения Кернес, хотя собственно артиллерийского еще ничего не было.

Эшелон с лошадьми сразу забрали под свой контроль ветеринарные врачи. Тут и там слышались их бойкие команды:

— К коням не подходить!

— От вагонов!

Шел осмотр лошадей. Ветеринарные врачи Бахтин, Кибардин и Савиных с какой-то особой лихостью заглядывали коням в зубы, в глаза, били ребрами ладоней по ногам и, отводя в сторону, так же по-молодецки кричали:

— Годен! Следующий.

Принятых лошадей тут же передавали старшинам. Те распределяли их по орудийным расчетам и отделениям разведчиков. Солдаты ловко выводили коней по насыпи на опушку леса, садились верхом и начинали кружиться галопом. Их несердито останавливал командир полка, говорил «осторожнее» и сам был готов вскочить в седло и размяться.

Собственно, эта представившаяся возможность заняться, наконец, чем-то конкретным, нужным для предстоящих боевых действий и радовала, главным образом, бойцов и офицеров.

Как маленький, радовался возможности повозиться с конями солдат Владимир Захаров.

— Не балуй, не балуй,— как ребенка упрашивал ретивого жеребца вчерашний колхозник.— Ишь ты, как нагулялся. Вот мы с тобой покажем проклятому Гитлеру, дай только срок.

Рядом стояли старшина-усач Лекомцев, его однофамилец Роман Иванович Лекомцев, вчерашний глазовский рабочий, сегодняшний командир взвода транспортной роты.

— Хороших коней подарили земляки,— говорил Роман Иванович.

— Самых лучших рабочих лошадей,— вздыхал старшина.— Ищу своих, да что-то не нахожу.

Как хочется солдатам поговорить о мирных делах. Вот уже скоро два месяца как ходят в армейской форме, а все не могут как следует привыкнуть к смене обстановки, тоскуют об оставленном.

В другом месте беседуют старший сержант Михаил

Вотяков и лейтенант Григорий Поздеев. Один высокий, сильный, вчерашний рабочий, другой маленький, круглый, совсем непохожий на военного, недавний заведующий кафедрой университета.

— Ты умеешь, Миша, обращаться с лошадьми? — спрашивает Поздеев Вотякова.

— Я родом из крестьян, товарищ лейтенант. Конечно, умею,— отвечает Вотяков.

— А я, представь, немножко забыл. Больше десяти лет из деревни.

— Вспомните.

— Придется. Лошади у артиллеристов — боевые друзья.

— Теперь бы пушечки...

— Да, да. Я только из училища. Пострелять боевыми не пришлось и там.

— А немец, говорят, прет к Можайску.

— Надо торопиться, Миша, надо торопиться.

А ветврачи продолжают осмотр. Возле станции образовалась своеобразная конная ярмарка. Пришли посмотреть на «пополнение» дивизии полковник Киршев и военком Кожев.

Комдив сегодня не очень сердитый, ему тоже приятно, что дивизия получила такое богатство. Он проходит вместе с командиром артполка по табору, останавливается то у одного, то у другого коня, заговаривает с солдатами.

— Ну как, азинцы, готовы в атаку?

— Так точно, товарищ полковник,— отвечают чеканные голоса.

А полковник уже к командиру артполка:

— Научить бойцов не только запрягать, но и ездить верхом. Война танков и самолетов, а пригодится и коняга.

— Все может быть,— соглашается капитан.— Под Москвой, говорят, формируется кавдивизия.

— Слышал. Собирает Доватор. И рядом с нами формируется такая. Соседи.

— Это хорошо. Может, буденовцы тряхнут стариной.

— Словом, готовьтесь.

Погода совсем похолодала. Личный состав дивизии принял военную присягу. Церемония была обставлена очень торжественно. Присутствовал секретарь обкома

партии и представители трудящихся республики. Произносились напутственные речи, давались клятвы. Играли оркестры, гремели песни. Дивизии было вручено знамя.

Все говорило о том, что дивизия вот-вот должна тронуться с места. К солдатам и командирам зачастили родственники. Приезжали делегации предприятий и учреждений. Из дивизии отправлялись сотни писем.

— Это очень правильно, что войсковая часть формируется в родных местах,— говорил начальник штаба 1190 стрелкового полка Григорьев.— Зарядка на всю войну. А меня вот зарядить некому.

— Вы уже были на фронте, товарищ старший лейтенант,— успокаивал я своего начальника.— Вам не привыкать.

— Привыкнуть к войне нельзя,— возражал старший лейтенант.

— И не надо привыкать. Важно иметь боевое настроение.

— Его у нашей дивизии вполне достаточно.

— Надо сохранить до передовой, до встречи с противником.

— Все хотят этого.

Начальник штаба был склонен к философствованию. Это ему шло. Я всегда с удовольствием слушал старшего лейтенанта и все чаще и чаще сравнивал его с Андреем Болконским.

Уже начало крепенько подмораживать. Потускнел, осунулся сосновый бор. Скучно и неприютно стало в нем. Неприютно во всей природе. Пора, пора было покидать эти далекие от фронта места. Пол-России пылало в огне. И не было видно конца пожару. Все требовало действий, все рвалось в наступление.

И долгожданный час настал.

ПО ДОРОГЕ НА ФРОНТ

В памятный день

Четвертого ноября мы были в вагонах. Двадцать лет подряд этот день в Удмуртии отмечали как праздник — день рождения республики. У колыбели ее был Владимир Ильич Ленин. Мы гордились тем, что наш удмуртский народ за годы Советской власти создал свою промышленность, вырас-

тил национальные кадры. Смешно сказать: по данным Всероссийской переписи 1897 года, среди кадровых рабочих-металлистов было всего двенадцать удмуртов. А сейчас их тысячи. Такие же разительные перемены произошли в сельском хозяйстве, в культурной жизни.

Сыны Удмуртии отважно сражались на фронтах гражданской войны: в рядах прославленной 28 стрелковой дивизии под командованием Азина, в Особой Вятской дивизии Малыгина, в партизанских отрядах Горелова, Савинцева, Городилова, Широбокова, в Петроградском полку имени Володарского, в артиллерийской бригаде 30 дивизии третьей армии, в первом Уральском стрелковом полку.

И вот сейчас мы ехали на новую войну, чтобы отстоять завоевания Октябрьской революции, не дать в обиду вместе со всей страной и свою родную Удмуртию. Наша 357 стрелковая дивизия вступит в бои в самое горячее время. Куда же направят нас? На юг, Украину, а может, под Москву?

Этими думами живет весь эшелон. Праздник республики отошел на второй план. Солдаты послали домой письма, поздравили родных со знаменательной датой и снова принялись толковать о фронтовых событиях.

Перед погрузкой в вагоны у нас не было ни митинга, ни собрания. И это, пожалуй, лучше. Каждый помнит присягу — и достаточно.

Да и хлопот с погрузкой было немало. Особенно у артиллеристов. Им надо было устраивать в вагонах своих коней. А сбоку и нары для себя.

Нары пришлось делать и в других вагонах. Быстро, без раскачки. На открытых платформах разместили повозки, полевые кухни, грузы. Там же соорудили и противовоздушные огневые точки: колесо от телеги и на нем пулемет. Этакое вращающееся гнездо на чурбане. Пулеметы для этого были получены еще в первые дни.

Нагрузили несколько вагонов продовольствием. Его опять подарили дивизии местные колхозы. Подарили щедро, от души, привезли все, что вырастили на своих полях в то суровое лето, вплоть до редких тогда в наших краях яблок и помидоров.

Тронулись. В последний раз простились с приехавшими на станцию родными. Отсюда до столицы республики рукой подать. Желали друг другу скорой победы на фронте и ударного труда в тылу. Кое-кто плакал. Кто

знает, может быть, в последний раз на удмуртской земле играли наши гармошки.

— Эх, черт возьми, не пришлось повидать своей старухи,— жаловался артиллерийский разведчик Николай Иванович Семакин.— И дочки тоже.

— Крепись, брат,— успокаивал его санинструктор Николай Кузьмич Козлов.— Мои тоже не сумели приехать.

Это были уже не молодые бойцы. Степенные, рассудительные, никогда не расстраивающиеся по пустякам. Они все делали, что приходилось, основательно и крепко. Для них каждое дело было работой. Работой становилась для них и война.

Мы очень быстро обжили свои вагоны. Установили буржуйки, заготовили дров — мелких чурбачков. Для всех вагонов нашлись пилы и топоры. Для всех солдат — котелки, кружки и фляги. Все как и должно быть.

День и ночь мчались на запад наши эшелоны. Их не задерживали. Это радовало и подбадривало бойцов — скоро фронт.

Мимо мелькали города и поселки, станции и полустанки. Ночью затемненные, днем немноголюдные.

У Казани пересекли Волгу, вот-вот готовую затянуться льдом. Эшелоны шли на Канаш, Арзамас, Муром и вдруг повернули на север. Значит, мимо Москвы. Но куда?

Два дня ехали без газет, как говорят, на беседах комиссаров. Но и комиссары не знали фронтовых подробностей. Вопросам солдат не было конца.

Был канун двадцать четвертой годовщины Октябрьской революции. Всем было интересно знать, будет ли парад на Красной площади. Всех мучил вопрос — в скольких километрах от столицы фашисты.

Одолевали вопросами наших ученых, вчерашних доцентов, сегодняшних командиров. Да, в дивизии, кроме Григория Поздеева, был еще кандидат наук Дмитрий Моисеевич Пинхенсон — ленинградец, тоже географ, работавший в Перми и потом мобилизованный в нашу дивизию.

Они как политруки терпеливо разъясняли. Ничего не таили от солдат, ничего не перевирали, горькую правду доносили до капельки и на ней закаляли сердца.

— Парад на Красной площади будет,— говорил убежденно Поздеев.— Даже если немцы приблизятся к

Москве на десять километров. С парада и начнется их разгром.

— А откуда вы знаете? — спрашивали пожилые солдаты.

— Из истории прошлых войн и сегодняшних сообщений с фронтов,— уверенно отвечал географ. И добавлял:— Зачем же тогда едем мы на передовую, если не начинать громить фашистов?

А после беседы с солдатами Григорий Андреевич Поздеев говорил мне доверительно:

— Болит сердце. Мучают сны. Думаю о Москве. Это ведь мой второй родной город.

Он рассказывал о годах учения в столице, как кончил известный в нашей стране педагогический институт, как слушал лекции непревзойденного Михаила Николаевича Покровского, беседовал с Надеждой Константиновной Крупской, как учился в аспирантуре, как защищал кандидатскую диссертацию.

Сыну удмуртского крестьянина, круглому сироте, была несказанно дорога Москва. Он законно видел в ней начало всех начал в новой жизни своего народа. Хорошо было слушать ученого-географа, хорошо грустить с ним под стук колес.

Да, и грустить. Оно жило с нами, это чувство грусти, и некуда было деться от него. Мешало ли оно нам, завтрашним бойцам передовых цепей? Мне кажется, нет, не мешало. Оно обостряло нашу ненависть к врагу. Лишь бы скорее все прояснилось, лишь бы получить быстрее оружие и взяться за дело.

Седьмого ноября наш эшелон был в Коврове. Вот куда занесла нас военная дорога. Теперь стало совершенно ясно, что наша дивизия под Москву не попадет. Значит, сил достаточно без нас. Это вдохновляло. В Ставке Верховного Главнокомандующего, видимо, разработаны теперь точные направления ударов по врагу. То, что один из них, самый сильный, будет нанесен под Москвой, это бесспорно. Эта уверенность стала крепнуть в нас с тем большей силой, чем дальше увозили нас от столицы.

В штабах полков и батальонов командиры часами просиживали над картами, строя свои предположения. По всему выходило, что нам придется наступать на противника с северного фланга. Но откуда? Враг еще не остановлен. Недалеко от нас оккупированный Калинин.

Разумеется, фашисты рвутся к Рыбинскому морю — к гидроэлектростанции и железнодорожному мосту. Значит, нужно прежде всего освободить Калинин, а перед этим отогнать врага от столицы

Командиры не скрывали своих догадок от солдат. Прекрасную ориентацию проявлял командир саперного взвода младший лейтенант Васильев. Он был инженером-строителем из Воткинска, очень живой и деятельный человек. Слушать его рассказы у карты собирались и старшие офицеры.

— Голова, голова,— хвалил младшего лейтенанта скупой на слова майор Коновалов, командир 1192 стрелкового полка.— Смотри-ка ты, как все растолковал. Значит, будем гнать фрицев после московского удара?

— По-моему, так,— хмурился Васильев.— Нужно ожидать этого. Успех обязательно должен быть развит не только с фронта, но и с флангов, чтобы не дать противнику вторично приблизиться к столице.

— А почему ты сапер, а не штабной работник? — спрашивали младшего лейтенанта товарищи.

— Мне нельзя,— еще больше хмурился Васильев.— Мой отец, кадровый военный, сидит в лагере.

— Враг народа? — тут как тут подал реплику, не скрывая ехидцы, Новаков.

— Нет, мой отец не враг народа,— слышался твердый голос.

— Защищаете?

— Защищаю.

— А лучше бы отреклись, и все было бы в порядке.

— Вилять, как вы, я не могу.

У всех падало настроение. Несколько минут все молчали, а потом младший лейтенант опять овладевал вниманием слушателей.

В Коврове отмечали годовщину Октября. Долго бегали по станции в поисках центральных газет. Ими почему-то не торговали. Послали гонцов в горком партии. Гонцы не только принесли газеты, но и привели жителей города с подарками.

Ковров — рабочий город, центр экскаваторостроения. У ижевских металлургов сразу нашлось много общих тем со своими собратьями с берегов Клязьмы. Толковали и о заводских, и о фронтовых делах.

— До вас еще не долетают фашисты? — интересовались наши бойцы.

— Они рвутся к Горькому, летят через нас, но не трогают,— отвечали ковровцы.

— Смотри-ка ты,— удивлялись солдаты.— Это значит, и наш эшелон может попасть под бомбежку.

— Вполне.

— Ах, черт возьми. У нас только пулеметы и ни одной зенитки.

Скромно отметили праздник. Зачитали до дыр газеты. Поговорили, поспорили. И снова в путь.

Стук колес убаюкивает. Мы теперь почти точно знаем, куда держим путь. Лишь бы был нанесен удар под Москвой. Он отзовется на всем Западном фронте. Затрещат по швам фашистские дивизии. В это время мы и вдарим с фланга.

Но не гадание ли это на кофейной гуще? Не перестать ли строить прожекты и молча ждать развертывания событий? Нет! Каждый солдат должен знать свой маневр, как говаривал еще старик Суворов.

Девятого ноября мы были в Ярославле. Опять сразу же бросились за газетами. На этот раз достали на вокзале. За восьмое число с отчетом об октябрьском параде на Красной площади. Он действительно состоялся, традиционный парад. От имени партии и Советского правительства выступил Сталин.

— Товарищи. Слушайте. На параде выступал Верховный Главнокомандующий,— призвал всех начальник штаба Григорьев.

— «...На нас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На нас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на нашу долю. Будьте же достойными этой миссии!»

Григорьев глубоко вобрал в себя воздух, продолжал:

— «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»

Состоялся беспримерный в истории парад. Войска прямо с Красной площади уходили на передовую, которая находилась совсем рядом.

Эти известия сжимали болью сердце, и они же вселяли надежду. Вот-вот должно разразиться долгожданное.

А пока была другая, более прозаическая, более суровая действительность. В середине дня в Ярославле один из эшелонов попал под первую вражескую бомбежку. Теоретически ее ждали все, практически — никто, полагая, что гроза пройдет мимо. Но она не прошла.

«Юнкерсы» били по знакомым целям. Было ясно, что они прилетают сюда не первый раз. Все разведано и нанесено на карту. И главное, почти ничто не мешало налетам. Если бы силы немцев не оттягивали Москва и Ленинград, Ярославлю было бы очень трудно.

Самолеты пикировали на наш эшелон. Это была первая встреча дивизии с противником. Дивизия приняла налет организованно и стойко. Солдаты покинули вагоны. На путях остались только дневальные у лошадей и пулеметчики у огневых точек. На одной платформе выделялась стройная фигура политрука Корепанова. На соседней командовал огнем лейтенант Григорий Поздеев.

Противник обрушил на нас сильный массированный удар. Не вступая в бой, дивизия понесла первые потери. Были убитые и раненые. К ним немедленно, до окончания налета ринулись санинструкторы и врачи. По перрону от бойца к бойцу, от вагона к вагону перебегал с санитарной сумкой Николай Кузьмич Козлов, вчерашний счетовод МТС. Он ловко перевязывал раненых, не обращая внимания на свист осколков. Невдалеке хлопотали молодые врачи Кузьменко и Стрельченко. Не уходил из-под огня старший врач полка Семен Вахрушев, воспитанник Ижевского мединститута. Невысокий ростом, очень похожий на южанина, он появлялся тут и там с горящими, обеспокоенными глазами.

Может, потери могли быть меньше, но избежать их полностью было невозможно. Это отметил начальник эшелона, поблагодарив врачей и санинструкторов за быстроту действий и сноровку.

Поезд тронулся по направлению к Вологде. Ночью проехали мимо крупной железнодорожной станции Данилов. Несколько дней маневрировали по запасным путям. Все понимали, что Родина переживает самые тревожные дни. Под Москвой истекали кровью отборные советские дивизии. Но теряли силы и фашистские полчища. Вопрос «кто кого» встал как никогда остро.

ступил праздник для политработников. Не ленись только, не мешкай, зажигай сердца солдат глаголом.

— Вот теперь я понимаю,— вскидывая голову, горделиво говорит мне Николай Корепанов, острый на язык политрук минометчиков.— Теперь покажем себя и мы. Только бы скорей получить свои колотушки.

В полках началась боевая тактическая тренировка. Солдаты учатся отрывать снежные траншеи. Маскироваться на снегу. Блокировать отступающего противника. Дело идет весело.

Восемнадцатого декабря грузимся и через Рыбинск, Бежицу, Бологое, Лихославль, Торжок попадаем в Кувшиново, в пятнадцати километрах от переднего края. В дороге получаем долгожданную материальную часть. Новенькие, с густой заводской смазкой автоматы и карабины. Такие же пушки и минометы. Мы знаем — это подарок рабочего Урала и нашего родного Ижевска тоже. Родина не забыла своих сыновей. Сыновья не забудут Родину.

— Вот мы и дома,— сказал, вылезая из вагона, повеселевший Саша Белослудцев.

А ведь и в самом деле, пожалуй, мы приехали домой, на войну, где нам придется отныне обживаться прочно и основательно.

Бросок на передовую

Кувшиново — небольшой город. Здесь везде пахнет фронтом. Если в Ярославле были цветочки, то здесь, как говорят, можно было увидеть ягодки. На улицах тут и там зияли воронки от разорвавшихся авиабомб. У многих зданий были вырваны целые стены и крыши. В скрытых местах стояли замаскированные зенитки. Авиация противника методично и точно продолжала бомбить город.

Но город бумажников и деревообделочников продолжал жить и творить. Его собранность и спокойствие передавались и нам, по-настоящему еще не обстрелянным воинам.

В Кувшинове почти весь личный состав прошел через санпропускник. Нашлась прекрасная баня. Мылись под бомбежкой.

Дивизия вела последние сборы перед выступлением на передовые позиции. Солдаты уже, кажется, стали привыкать к авиационным налетам и не разбегались при появлении самолетов противника.

В полках изучалось и пристреливалось оружие. Артиллеристы получали и упаковывали в дорогу снаряды. Готовилась тяга для пушек.

Все выглядели сосредоточенными и строгими. Кончились маршевые шутки, споры и пререкания. Все сомнения рассеялись. Все встало на свое место.

Враг отступает от Москвы и Калинина. Врагу нельзя давать передышки. Надо использовать все возможности для нанесения наиболее чувствительных ударов.

В Кувшинове падают бомбы. Осколками вышибает окна в магазинах и парикмахерских. Калечит детей и женщин.

За Кувшиновом идут бои. Там наши воины мстят врагу за безвинные жертвы. Фронт и тыл живут одним порывом.

Комдив и военком беспрерывно объезжают полки и батальоны. Они с дотошностью проверяют готовность каждого солдата и офицера к предстоящим боям, чистоту материальной части, контролируют связь.

Собираются летучки командного состава полков. Еще и еще раз уточняются пароли, отзывы, сокращенные наименования воинских должностей, видов оружия.

Неутомимость комдива и военкома заражает энергией командиров полков и батальонов, рот и взводов.

Выходит дивизионная газета с популярными разъяснениями боевого устава. В ней же сообщения с передовых позиций наступающих частей. И призывы, призывы: «Будь готов, товарищ, к встрече с противником!»

Прошло четыре месяца нашего армейского братства. Мы многое узнали друг о друге. Часто заходят ко мне Алеша Поздеев и Саша Белослудцев. Оба в новеньких полушубках, аккуратно затянутых ремнями.

— Привет, старина,— басит Алеша.— Я все-таки получил пистолет, наверно, наш, ижевский, и даже раза два стрельнул из него.

— Снайпер,— шутит Саша Белослудцев.— Только вот маловато у нас снарядов: по двенадцать на ствол.

— Тебе все мало,—подсмеивается Алеша.—Нам, пушкарям, дай хоть по сто снарядов, все равно будем ныть.

— Мы же артиллерия — буквальный бог войны,— оправдывается Саша.— Заменяем и танки, и самолеты.

— Ну, пехоту-то, положим, не заменяем.

Мои хорошие друзья. Они не спорят, а оба думают об одном и том же.

Очередная новость: сбежал в госпиталь Новаков. Каким-то образом ухитрился заболеть дизентерией.

— Кляузник и трус — родные братья,— сказал по этому поводу Степан Некрасов.

На носу Новый год. Но никто особо не беспокоится о его встрече. Не с чем встречать. Нечему пока радоваться. Не до песен и смеха.

Но по солдатской чарке в полночь мы все-таки, конечно, выпили. Кто где: одни — в крестьянской избе, другие — в клубе и школе, на время приспособленных под наше жилье. Помурлыкали и песни. Вспомнили, как положено, родные места. А в мыслях бои. Как-то они начнутся? Что мы знаем о противнике? В какую сторону тронемся?

Внутренне мы готовы ко всему. Наши сердца, пожалуй, не только закалились, а и перекалились. Отлично натренирован разум. За последние дни мы неплохо научились владеть оружием. Правда, его маловато, но ведь нельзя скидывать со счетов и смелость солдат.

Так думаю я, так думают мои товарищи. А какие поправки внесет действительность, покажет будущее.

Наконец, в первых числах января дивизия трогается в путь. Опять мы на марше, теперь, кажется, на последнем перед боем. Стоят трескучие морозы. Деревья убраны саванами инея. Мохнатятся телеграфные провода.

Идем проселочными дорогами Калининской области. Держим путь на юго-запад. Это значит, к Ржеву. Там идут жестокие бои. Наши теснят противника. Нашим нужно помочь.

Идем днем и ночью с короткими привалами. В колонне каждого стрелкового батальона — огневой взвод. Это главная сила дивизии. На нее большая надежда. К артиллеристам то и дело подъезжает командир дивизии. Он знает в лицо многих бойцов и офицеров. Еще более обширные знакомства у военкома.

Вот и сейчас наш Андрей Ефимович, как за глаза называют военкома дивизии Кожева многие земляки, вышагивает рядом с расчетом старшего сержанта Вотякова. Полковой комиссар и младший командир разговаривают по-свойски. Тихо, доверительно. Вотяков то и дело кивает. Кожев взмахивает правой рукой, как бы забивая гвозди.

— Вот так, Михаил Тарасович, будем бить фрицев,— слышен голос военкома, совсем не командирский, а домашний, отцовский.

— Обязательно будем,— отвечает Вотяков, не чувствуя перед военкомом, бывшим секретарем Ижевского горкома, ни малейшей скованности.

Потом Кожев подходит к другим расчетам. Перебрасывается несколькими словами с командиром артполка, с командирами дивизионов и батарей. Надеется, очень хочет надеяться военком на артиллеристов.

С пехотой разговаривать легче. Тут давай побольше задора, не помешает и шутка, острое словцо. У пехоты вся сила в ногах. Не допускай, чтоб уставала пехота, вешала голову, и все будет в порядке.

Идем пятый день. Опять пересекли Волгу, в этот раз пешим ходом. Над головами все чаще пролетают немецкие самолеты. Слышатся далекие разрывы снарядов. Не поймешь, откуда ухают пушки. Можно догадываться, что перед нами нет четкой линии фронта. Она ежедневно меняется и, конечно, не по прямой, а обязательно по кривой. Фронт расчленен бесчисленными клиньями наших войск. Эти клинья нужно вбивать еще глубже, раскалывать ими оборону врага, чтобы она трещала по всем швам.

Это самое тяжелое, рискованное наступление по сотням горловин и каналов, когда враг может быть и справа, и слева, и спереди, и сзади. Но у нас нет другого выхода. Мы должны развивать успех московского наступления.

Так рассказывает мне Алексей Павлович Васильев, сапер по должности, штабист по призванию. Он за это время уже стал лейтенантом. Выглядит бодро.

— Единственное, что плохо,— продолжает рассказ Васильев,— у нас нет танков. Вообще, конечно, они есть, но не мешало бы усилить ими и нашу дивизию.

В этот миг неожиданно справа от колонны, со стыка двух большаков, раздается рокот моторов. И в ту же секунду воздух разрезают голоса:

— Танки! Танки!

Эти слова действуют магически. Прежде всего колонна останавливается. Потом начинает пятиться и рассыпается. Совершенно ясно, что вперед, навстречу танкам, должны выдвинуться наши пушки. Других средств борьбы с этими чудовищами у нас не имеется.

Но у двух пушек, сопровождающих стрелковый батальон, уже никого нет. Артиллеристы разбежались вместе с пехотой.

А танки прут и прут. Их не меньше десятка. Они идут по большаку, взметая снежную пыль. Откуда они прорвались? Их никто не ждал.

Танки одни. Автоматчиков за ними не видно. Значит, это разведчики, высланные в тыл наших войск наводить панику. Вот она, та самая психическая атака, которой всегда любили щеголять немецкие псы-рыцари.

А танки идут и идут. Некоторые открыли уже огонь. Командир стрелкового полка майор Малков вне себя от ярости, размахивая пистолетом, останавливает своих бойцов.

— Назад! К бою!

К месту паники летят на конях командир и комиссар артиллерийского полка Засовский и Радченко. За ними — начальник штаба капитан Турчанинов и его помощник лейтенант Поздеев.

А всей этой суматохи, оказывается, могло и не быть. Не нужно было ни разбегаться, ни кричать, ни произносить призывов. Нужно было просто-напросто быстро развернуть пушки, направить их на танки и бить прямой наводкой.

Это и сделал ижевский машиностроитель молодой лейтенант Иван Кравец, командир огневого взвода. Он дал из орудия два залпа, подбил один танк и сразу изменил обстановку.

К пушкам вернулись разбежавшиеся расчеты. Не дожидаясь нагоняя от начальства, они, по примеру своего командира, споро и ловко сделали еще несколько выстрелов, зажгли три танка и еще один подбили.

Обстановка в колонне изменилась коренным образом. По танкам даже начали палить из автоматов пехотинцы. Но это уже не требовалось. Уцелевшие машины поспешно повернули обратно, предупредительно захватив с собой экипажи погибших.

Маленький чернявый лейтенант Кравец стоял смущенный и красный. Шапка его валялась где-то под орудием. Рядом с ним теснились еще более смущенные солдаты из расчетов.

К героям схватки подошли майор Малков, капитаны Засовский, Радченко и Турчанинов, лейтенант Поздеев. Вихрем выскочили на конях командир дивизии и военком.

Сложилась острая и весьма поучительная ситуация. Пехотинцы снова были в сборе. Как тут следовало повести себя старшим начальникам?

Командир дивизии поступил очень просто. Не слезая с коня, разгоряченный случившимся, он гаркнул во все легкие, обращаясь к артиллерийским расчетам:

— Спасибо, пушкари!

А когда колонна снова тронулась в путь, комдив и военком сделали командирам серьезные выговоры и приказали на первом же привале разобрать поединок с танками противника.

— Имейте в виду,— предупреждал военком,— танкобоязнь может серьезно повредить нашему наступлению. Поэтому учить и учить солдат борьбе со стальными чудовищами.

— А отличившихся в сегодняшнем бою представить к награждению,— заключил командир дивизии.

Танки действительно были разведывательными. Мы проходили по горловине в районе Ножкино—Кокошкино, недалеко от Ржева в сторону Сычевки. Противник получил об этом сведения и решил проверить крепость наших рядов. Мы же не сумели быстро распознать маневр врага, и это стало для нас серьезным уроком.

БОЕВАЯ СТРАДА

Первые схватки

Свершилось! Наша дивизия влилась в лавину наступающих соединений 39 армии, подошедшей вплотную к городу Сычевке. Армия изрядно поредела в боях и здесь, на Смоленщине, остановилась. Наша задача была помочь армии свежими силами.

Пошла вторая половина января. Дивизия получила приказ атаковать Сычевку в районе деревень Карабаново, Волково, Пызино, Богданово, Букатино, Собачкино и Красное — сильно укрепленных опорных пунктов противника. На подступы к этим деревням были выдвинуты все три стрелковых полка, а артиллерийские дивизионы заняли позиции в районе деревень Ржавинье и Карабаново.

Мороз стоял лютый. На лету замерзали птицы. Пехота вышла на исходные рубежи. Кое-где выкопали траншеи в снегу и ходы сообщения. Провести разведку огневых точек противника не было времени. Все торопились приступить к выполнению приказа, схлестнуться наконец с противником, померяться с ним силами.

Засеченных целей не имелось и у артиллеристов. Объектом огневого налета были деревни, а что в этих деревнях скрывалось, точно никто не знал.

Это смущало командира артиллерийского полка капитана Засовского. Если учесть, что маловато было снарядов, то предстоящая атака чрезвычайно осложнялась.

Понимал это, разумеется, и командир дивизии Киршев. Он просил артиллеристов произвести перед наступлением по возможности более точный огневой налет, а остальное постарается доделать пехота. Всю ночь с солдатами находились политработники. Не знали отдыха старшины, доставляя в траншеи патроны и горячую пищу. Не спали командиры и комиссары полков. Наблюдательные пункты в большинстве случаев оборудовали под открытым небом. В батальонах они, как правило, были под кустами или за деревьями. Совсем не защищенными были позиции рот и взводов.

На самые ответственные участки в районе деревень Пызино — Богданово и Красное — Карабаново были выдвинуты 1190 и 1188 стрелковые полки. С их командирами майорами Ганоцким и Малковым всю ночь переговаривались по телефону комдив и военком.

— Мы просим сделать все возможное и невозможное для выполнения задачи,— не приказывал, а просил полковой комиссар Кожев.— Дивизия получает боевое крещение, и его нужно выдержать как полагается.

— Мы все понимаем, товарищ девятый,— отвечали командиры полков.— Попросите пушкарей, чтобы побольше подбросили огурцов. А может, сыграет на рояле и Катерина Ивановна.

Как и все, не смыкали глаз артиллеристы. Им было очень трудно оборудовать огневые позиции: выбрать на околицах деревень такие места, чтобы они оказались и достаточно замаскированными и удобными для круговой обороны. Артиллеристы понимали, что, выбрав позицию однажды, ее уже не переменишь, во всяком случае, в продолжение боя.

На артиллерийских батареях пропадал весь командный состав полка. Из офицеров мало было участников гражданской войны, многим приходилось руководить боем первый раз, и потому, естественно, все тревожились и волновались.

— Ты уж, Миша, смотри,— говорил командиру орудия Вотякову помощник начальника штаба полка лейтенант Поздеев.

Он очень подружился со старшим сержантом и не мог побороть в себе привычки обращаться к нему по-граждански. И вообще вчерашний доцент медленно усваивал правила обращения в армии, что, однако, не мешало ему быть примерным офицером.

Хлопотал, не зная усталости, старшина-усач Лекомцев. К рассвету у каждой огневой позиции были готовы и термоса с завтраком, и фляги с горилкой.

— Только не знаю, когда лучше дать ребятам сорокаградусную: перед атакой или после,— простодушно сомневался недавний председатель колхоза.

Ему по-человечески было жалко товарищей по оружию, мерзнущих всю ночь на морозе, и он, кажется, готов был выдать им хоть по три порции живительной влаги.

В ночь перед наступлением добровольно сменил обязанности парторга полка на комиссара батареи Иван Михайлович Кузнецов, тот самый, который жаловался, что долго канителимся в тылу. С его решением согласился командир полка, а военком Кожев от души назвал коммуниста молодцом.

Бесстрашно работало всю ночь под светом вражеских ракет отделение связистов старшего сержанта Некрасова. Оно прокладывало провода от огневых позиций к наблюдательным пунктам батарей, расположенных рядом с пехотинцами.

Долго секретничали в ту ночь командир полка майор Малков и комсорг, младший политрук Попов. Второй годился первому в сыновья, был его воспитанником по военному училищу, где майор служил начальником до войны.

— Ты смотри, Георгий,— слышалось из-за перегородки,— я тебя буду очень просить...

— Все сделаю, товарищ майор, все,— слышался в ответ совсем мальчишеский голос.

— Прошу, очень прошу...

До призыва на фронт Георгий Попов был секретарем Ярского райкома комсомола нашей республики. Комсомольское, задорное и даже немножко озорное осталось у него и на войне.

Ночь перед наступлением. Сколько таких ночей переживает человек за свою жизнь? Очень немного. Но пережитое, если человек не погибает в бою, остается в памяти до конца дней.

Нервы напряжены до отказа. В какой-то миг проносятся воспоминания о родных местах, солдаты перебрасываются короткими фразами, чутко прислушиваясь к окружающему.

И вдруг нервный голос связиста с НП дивизии:

— «Заря», «Заря», я «Запад». Приготовиться.

И так несколько раз, одним тоном, с одним напряжением, от чего по телу пробегают мурашки.

Майор Малков посмотрел на часы, рубанул воздух решительным взмахом руки.

— Даешь Сычевку! — тотчас же подхватил его жест полковой телефонист.

Так началось наше первое наступление на войне. Офицеры штаба выбежали из подвала разрушенного дома. Брезжил рассвет. Мороз глушил дыхание. Небо полосовали яркие стрелы сигнальных ракет.

И тут разом заговорили десятки, сотни, тысячи выстрелов: басовитых, рычащих, поющих. Вступили в работу пушки, минометы, «катюши».

Это столпотворение продолжалось пятнадцать минут. В деревнях, занятых противником, вспыхнули пожары. Тотчас же взвилось в морозный воздух могучее, на едином дыхании «ура-а-а!». С той и другой стороны затакали пулеметы.

— Ну, с богом,— очень спокойно сказал майор Малков и, обращаясь к начальнику штаба, продолжил: — Я пошел докладывать комдиву. Понаблюдай.

Командир полка спустился в подвал. Суетился, нетерпеливо приплясывая, комсорг полка Георгий Попов. Он то и дело спрашивал начальника штаба:

— Мне, наверное, пора, товарищ начальник. Там парторг, и мне туда надо.

— Жди приказания командира.

— Там ребята...

— Смотри!

С этим словом, произнесенным резко и больно, начальник штаба передал комсоргу полевой бинокль. Тот взял его торопливо и впился в окуляры.

— Бегут! — через секунду крикнул Попов, маленький белобрысый паренек.— Наши бегут. Сволочи! Трусы!

Из подвала выскочил бледный командир полка. Ни к кому не обращаясь, громко сообщил:

— Убит комбат один, ранен комбат два. Начальник штаба — к телефону.

Майор вырвал из рук комсорга бинокль, поводил им по переднему краю, поиграл вздувшимися желваками и сразу, сменив тон, очень тихо сказал:

— Ну что ж, Георгий, пора и нам. Ты беги в Пызино, я пойду к железнодорожной станции. Деревню обратно не отдавать. Ты понял меня, Георгий?

— Понял, товарищ майор,— по-уставному ответил комсорг.— Разрешите выполнять.

— Беги, Георгий, беги!

Они скрылись быстро один за другим. Отошли от разрушенного дома и будто растаяли.

А на переднем крае земля смешалась с небом. В воздухе кружились десятки немецких самолетов, сбрасывая на расположение наших частей черные свистящие болванки смерти. Из-за околиц деревень выползали неуклюжие танки. Захлебывались пулеметы. Будто вся огневая мощь фашистской Германии оказалась стянутой под Сычевку.

Комсорг вспомнил слова майора о комбатах. Неужели это правда? Не прошло и часа с начала наступления, а мы уже потеряли таких людей. Где же и в чем ошиблись?

Было жарко и на позициях соседнего 1190 полка. Здесь душой наступающих стали бойцы минометной роты и их политрук, бывший инструктор Удмуртского обкома комсомола, горячий парень с девичьей красотой, Николай Корепанов. На огневую позицию роты, расположенную почти на открытом поле, не раз и не два пикировали черные «мессеры». Минометам то и дело приходилось переносить огонь. Пехота была прижата к снегу сразу же после броска. Плотная стена пулеметного огня не давала ей поднять голову. А с НП полка и дивизии шли команды одна настойчивее другой:

— Вперед! Почему не слышно минометчиков?!

Нет, их было слышно, наших минометчиков. Была выпущена вся положенная норма мин и прихвачен неприкосновенный запас. Так же били из глубины и артиллеристы, хотя расстояние от передовой было всего четыреста метров.

А немцы и не думали отступать. Они поливали наших огнем с земли и с воздуха. И пустили танки.

Положение создалось архикритическое. Отдельные стрелковые цепи начали пятиться. А с НП полка и дивизий свое:

Г. С. Попов

А. М. Веретенников

— Ни шагу назад! Где минометчики?!

Они были тут, рядом, на глазах противника. Это знали и на наблюдательном пункте. И тогда политрук Корепанов услышал другой, спокойный голос комиссара полка Каратюка.

— Коля, Николашенька, спасай батальон. Покажи пример, как бывало в комсомоле.

Эти простые, от души сказанные слова родили в молодом политруке необыкновенные силы. Он приказал половине минометчиков присоединиться к стрелкам и поднять их в атаку, а сам стал разить нахального врага навесным огнем.

Он знал, что такой огонь может поразить и своих, но другого выхода у него не было — немцы находились рядом. Наши и вражеские солдаты слышали звонкий голос политрука:

— Смерть немецким оккупантам!

Его ранили, но, на счастье, легко. Обливаясь кровью, не перевязывая ран, без шапки, на сорокаградусном морозе, давно скинув новенький полушубок и оставшись в изодранной гимнастерке, он продолжал руководить боем.

— Ребята! Не отступать. Гранаты к бою!

Его ранило второй раз, теперь тяжело. Политрук свалился без сознания.

Минометчики находились на глазах пехотинцев. Они увидели, как упал и не поднялся смелый политрук, и рванулись вперед. Это их увлек другой коммунист, комиссар батальона Андрей Веретенников.

Андрей хорошо знал Николая. Бывало, они часто незлобиво спорили между собой. И вот настал час, пришла минута разрешить все споры презрением к смерти. И Андрей, этот строгий и серьезный журналист, которому все предсказывали прекрасное литературное будущее, поднялся тогда во весь рост и крикнул всего лишь два слова:

— Земляки, вперед!

Крикнул, дал очередь из автомата, пробежал десяток шагов, и его тяжело ранило.

...Батальон потеснил немцев. Это стало известно соседнему полку. Он усилил свои удары по врагу. Немцы оставили окраину Пызина, куда побежал комсорг Георгий Попов. Он уже был рядом с деревней, когда его окликнул очутившийся здесь парторг полка.

— Георгий, остановись!

Комсорг оглянулся, увидел белое, как снег, лицо парторга и тут же услышал его глухой голос:

— Убит майор Малков. Немцы будут контратаковать Пызино. Бери взвод и аллюром в деревню.

— Я туда и бегу,— прошептал комсорг, пораженный вестью о смерти майора.

— Беги,— уже тверже приказал парторг.— На тебя надежда, Гера!

Предчувствие парторга оказалось правильным. Не прошло и двадцати минут, как немцы двинули на Пызино танки. Но там уже был со взводом Георгий Попов.

Три часа отбивался стрелковый взвод от контратакующих гитлеровцев. Уже горело не менее пяти танков, валялись десятки трупов противника. А враг шел напролом.

Но взвод комсорга Попова продолжал жить. Израненный, обгорелый, изодранный, он продолжал драться. На него перекинулось внимание и наших и вражеских солдат.

О взводе Попова узнали комдив и военком. По проводам в полки полетели слова:

— Равняться на Пызино. Стоять насмерть.

Это поддерживало солдат сильнее пушек и минометов. Дивизия стояла, мужественно переживая потери.

На выручку взводу Попова уже собрался с группой бойцов комсорг дивизии Григорий Перевозчиков. В это время на деревню налетела стая «мессеров». Они били с бреющего полета. Укрытий у наших солдат не было...

Всему есть предел, в том числе и человеческому мужеству. Грешно и неблагородно обвинять мертвых. Героев Пызино никто не обвинил. Они были представлены посмертно к наградам. В их честь дали залпы гвардейские минометы и наши пушки. Но Сычевка все-таки не была взята.

Вторая атака

Я пишу не военное исследование и не берусь судить, насколько было правильным продолжать штурм города после неудачной первой атаки. Но приказ на такой штурм был опять получен.

Снова всю ночь не спала дивизия. У нее даже не было времени как положено похоронить павших. Дивизия не получила ни боеприпасов, ни одного штыка для пополнения своих сил.

У каждого человека бывают в жизни часы и дни, когда он спрашивает себя: так ли жил на свете и все ли сделал, что мог, для Родины? Эти тяжелые часы раздумий наступили тогда для всех солдат и офицеров нашей дивизии.

Взявшись руками за голову, сидел не шелохнувшись командир дивизии. Перед ним лежала хорошо изученная карта. Предстояло снова идти в наступление.

Теперь главный удар будет наносить 1192 стрелковый полк под командованием майора Коновалова. Направление удара — южнее деревень Букатино и Красное.

Давно отданы все необходимые приказания. Установлена связь с дивизионом гвардейских минометов. Ничего особенного комдив обещать не может. Снаряды ограничены и у «катюш». Подвоза нет. Он затруднен и бездорожьем, и особым положением 39 армии, вклинившейся далеко в тыл противника.

А приказ о наступлении, вот он, на столе. Повторяется старое: взять любой ценой Сычевку.

Любой... Эта цена, очень дорогая, уже выплачена в первый день. А что сулит вторая атака? Где гарантия, что не повторится сегодняшняя трагедия?

Но кому об этом скажешь? Только самому себе да вот еще военкому Кожеву. Он, конечно, понимает и сам. Приходилось бывать во всяких переплетах. Дрался в гражданскую. Служил в ЧК. Тоже было несладко. Учился в военной академии. Освобождал Западную Украину. Был большим партийным работником. Влюблен, как ребенок, в свою Удмуртию. Часами может рассказывать о многоводной Каме, о комдиве Азине, о боях в 1919 году под Глазовом.

Но и Кожев ходит по избе мрачнее тучи.

— Ну что, Андрей Ефимович, будем командиров собирать? — спрашивает комдив военкома.

— Лучше пойти к ним,— советует Кожев.

— Ты прав. Пошли,— соглашается комдив.

Оба чертовски устали. Столько горя вместили их сердца за одни сутки. Писаря уже составляют похоронные — «пал смертью храбрых». Завтра-послезавтра их дадут на подпись. И придется подписывать...

Молчалив, суров, бледен командир артполка капитан Засовский. У него мало снарядов. За первый день израсходована уйма боеприпасов. И самое обидное — пехота не имела успеха.

Засовский — кадровый военный. Сын енакиевского железнодорожного рабочего, сам рабочий. Он с двадцати лет связал свою судьбу с армией и вот уже тринадцатый год носит шинель. Окончил артиллерийское училище, был слушателем академии имени М. В. Фрунзе, собирался вот-вот кончить ее — и вдруг война.

— Ну как, капитан, возьмем завтра Сычевку? — настраивая себя на бодрый лад, спрашивает комдив.

— Нет, не возьмем, — очень серьезно отвечает Засовский.

— А если об этом настроении сообщить командарму?

— Сообщайте.

— И он вас прикажет расстрелять, как паникера.

— Он обязан прежде выслушать.

— Он слушать не будет.

— Хватит,— останавливает обоих военком. И обращаясь к командиру полка: — Вы скажите лучше, Николай Дмитриевич, по скольку снарядов осталось у вас на ствол.

— По шесть,— не меняя тона, отвечает капитан.

— Шесть на двадцать четыре. Так? — вздыхает военком.

М. В. Ганоцкий

И. А. Коновалов

— Так точно.

— Не жирно.

— Но ты держись,— хлопает по плечу капитана комдив.— Вас поддержат «катюши». А насчет паники и прочей чепухи — забудь.

Еще более сдержанно ведет себя в разговоре с начальством командир стрелкового полка майор Коновалов. Он знает все о судьбе соседнего полка, растрепанного противником в первом наступлении. Знает и о гибели майора Малкова. Они уважали друг друга.

Оба кадровые военные, участники гражданской войны, они не строили радужных планов, направляясь на передовую. И вот пришел час раскрыться полностью и этим людям. Майор Малков не успел это сделать, ушел из строя слишком рано.

— Ну как, майор, настроение? — спрашивает комдив, внимательно рассматривая плотную фигуру командира полка.

— Нормальное, товарищ полковник,— отвечает Коновалов.

— Выполним задачу?

— Я сделаю все для этого.

— А полк?

— И полк.

— Ошибки Малкова учел?

— По-моему, их не было.

Комдив смотрит на военкома. Тот понимает взгляд и говорит, обращаясь к командиру полка:

— Правильно, товарищ майор, не было. Но вам придется драться все же лучше.

— Будем лучше.

— Надеемся.

Так проходит эта ночь. Утром все повторяется. Повторяется, к сожалению, без больших изменений, если не считать, что 1192 полк атаковал врага еще отчаяннее и дружнее. Но эта атака опять не принесла желаемого результата. Не стало майора Коновалова. Командование взял на себя комиссар полка Прахно. Потом один за другим вышли из строя по ранению комиссар батальона Константин Антропов, политрук минометной роты Александр Хомяков, командир взвода 76-миллиметровых пушек Сергей Рыбин, добрый великан-человек, ижевский лесничий. Осколком ранило топографа полка Василия Яковлева, очень спокойного, очень старательного, бывшего сотрудника Управления землеустройства Наркомзема Удмуртии, и ижевского учителя Михаила Глухова. Тяжело был ранен молодой отважный командир стрелковой роты Леонид Воронцов, уроженец Шаркана.

Поредели ряды нашей дивизии. Поредели в первых двух боях. Чертовски горько было расставаться с друзьями-земляками. Столько было планов, надежд. И вот, пожалуйста, все летело вверх тормашками.

Вот такие дела сложились в следующие дни нашего наступления. Дивизия опять не выполнила своей задачи. Сычевка и пригородные деревни оставались в руках противника.

Было больно это сознавать. Минутами я успокаивал себя: может, все так и должно быть. Мы изматываем силы противника, не даем ему покоя, сдерживаем от возможных новых наскоков на Москву. Ведь нельзя же на войне вообще ничего не делать, отсиживаться, ждать у моря погоды. Правда, бывает, когда войска уходят в оборону. Но на нашем участке, значит, не наступила эта пора. Не может быть, чтобы нас сознательно толкали на безрассудные действия.

Так я думал. А мимо проходили вереницы раненых и обмороженных. Оказывается, успеха не имели и сосед-

ние дивизии. Начали распространяться слухи об окружении нашей армии, вторгшейся в калининские и смоленские леса.

Дивизия получила приказ перегруппироваться. Обойти Сычевку с востока и ударить в тыл немцам. Комдив принял решение занять вначале новые рубежи двумя стрелковыми полками. Артиллеристы оставались на месте, у деревень Карабаново и Ржавинье. Собственно, те и другие позиции были рядом, все события разворачивались, по существу, вокруг небольшого города. И все-таки положение складывалось весьма тяжелое. С половины следующего дня развернулись еще более трагические бои.

Лицом к лицу

Итак, в районе Карабанова артиллеристы остались без прикрытия пехоты. Тяжко было на душе капитана Засовского. Обычно общительный и разговорчивый, он в это утро весь ушел в себя и, уткнувшись в карту, что-то долго и упорно высчитывал. Комиссар Радченко, начальник штаба Турчанинов, его помощник лейтенант Поздеев помогали командиру.

Вдруг к Засовскому вбежал растерянный начальник связи полка.

— Товарищ капитан, самолеты противника бомбят Ржавинье и Карабаново.

— Кто передал? — вскочив со стула и изменившись в лице, спросил Засовский.

— Начальник разведки лейтенант Медведев.

— Коня!

Рядом оказался старшина Александр Лекомцев. Засовский, обернувшись ко всем своим помощникам, бросил последние приказания:

— Быть наготове! Погрузить на сани снаряды, подготовить тягу, поддерживать связь. Я — в дивизионы.

И выскочил из избы.

Он понимал все, умный и дальнозоркий командир артиллерийского полка. Раз немцы предприняли авиационный налет на расположение огневых позиций дивизионов, значит, они уже узнали об отходе нашей пехоты и теперь решили рассчитаться с пушкарями. За налетом, безусловно, последует танковая атака, не первая за эти дни.

Медлить нельзя. Конь несется галопом. Ординарец еле поспевает за командиром. Третьим скачет старшина Лекомцев. Там, впереди, его товарищи, там сейчас его место.

Когда Засовский достиг Карабанова, противник уже успел занять деревню Пызино, с большим трудом за день до того отбитую стрелками. От Пызина до Карабанова не больше четырехсот метров чистого поля.

Не успел командир полка подойти к наблюдательному пункту второго дивизиона, как увидел стремительный разворот немецких танков от Пызина в сторону Карабанова. Танков было не менее десяти. Вначале они шли колонной.

— Создать пробку! — приказал Засовский.

Командир дивизиона капитан Мельниченко спешно готовил данные для передачи на огневые позиции. В это время грянул залп из Ржавинья. Это первый дивизион ударил во фланг немецких танков.

Головная машина загорелась. Пробка образовалась тут же. По танкам еще и еще шарахнули из Ржавинья.

— Молодцы! — похвалил командир полка, похлопывая и капитана Мельниченко.

Помощь первого дивизиона оказалась очень существенной. Второй дивизион выиграл время, и когда немецкие танки, наконец, рассредоточились и снова двинулись на Карабаново, артиллеристы, теперь уже с двух направлений, встретили их метким огнем.

Началась артиллерийская дуэль. Немецкие танки стреляли с ходу и потому беспорядочно. Наши били прицельно, каждым снарядом нанося удар. Один за другим задымились вражеские танки. Но места подбитых занимали новые, и схватка разгоралась все жарче.

Засовский лучше чем кто-либо понимал, что немцы теперь не остановятся ни перед чем. Они поставили перед собой задачу лишить дивизию артиллерии. Даже если наступит в бою кратковременная передышка, за ней снова последует атака, еще более отчаянная.

Командир полка приказал одну из батарей поставить на прямую наводку. Капитан Мельниченко возложил эту задачу на четвертую батарею.

Бой продолжался без успеха для противника. Первый дивизион, всегда готовый прийти на помощь второму, пока молчал. Он прекрасно выполнил свой долг и сейчас берег снаряды.

Командир полка отдал второе распоряжение: собрать из состава дивизиона стрелковый взвод для отражения возможной атаки немецких автоматчиков. Эту задачу он поручил выполнить начальнику разведки дивизиона лейтенанту Медведеву.

Молодой лейтенант взял с собой разведчика Семакина и связиста Ипатова. Вскоре к ним пристроились старшина Лекомцев, повара, писаря, собралось человек пятнадцать. Медведев вывел свой взвод на окраину Карабанова, вперед НП и пушек, и приказал бойцам занять круговую оборону.

Вскоре к ним с ручным пулеметом в руках подполз комиссар второго артдивизиона Виталий Мельников. Комиссар был любимцем артиллеристов. Сын отважного азинца после гибели отца воспитывался в детском доме, где стал самодеятельным музыкантом, хорошим рассказчиком. Кончив Совпартшколу, был на партийной работе. В любой обстановке он мог подбодрить бойцов.

Весть о нападении противника на артиллеристов дошла до комдива. Он уже находился на восточных подступах Сычевки и решил поддержать своих пушкарей. На НП второго дивизиона запищал зуммер. Трубку взял капитан Мельниченко.

— Говорит десятый,— услышал капитан знакомый голос.— Какая обстановка?

— Подбили семь танков,— спокойно сообщил командир дивизиона.

— Представляю к награде! — зарокотало в трубке.

— У нас идет бой,— охладил пыл комдива капитан.

— Желаю успеха. Не знаете ли, где находится седьмой?

— Он рядом.

Засовский, как и Мельниченко, передал обстановку без воодушевления и выслушал приказ: держаться.

В это время на Карабаново обрушился второй авиационный налет противника. Это предвещало новую танковую атаку.

Налет не причинил дивизиону особого вреда, была лишь порвана связь. На установление ее немедленно бросилось отделение старшего сержанта Степана Некрасова, и вскоре все опять было в порядке.

Из деревни Пызино снова начали выползать черные страшилища. Засовский передал первому дивизиону при-

каз быть наготове и без его сигнала огня не открывать. Мельниченко же, наоборот, стал торопить.

И опять повторилась дуэль, только более ожесточенная, чем первая. Работали все батареи, кроме четвертой, выдвинутой на прямую наводку. Лежал в укрытии взвод лейтенанта Медведева.

В этот раз танков оказалось намного больше, чем утром. И шли они более стремительно. Это уменьшило число прямых попаданий артиллеристов. Два танка приблизились вплотную к Карабанову.

Пришлось вступить в бой и этим обнаружить себя четвертой батарее. Она ловко подбила один танк. Другой вырвался почти на огневую позицию батареи, притащив за собой хвост автоматчиков. Стрелять в упор было опасно для себя.

Все решали секунды. Ими воспользовался взвод лейтенанта Медведева, мгновенно выскочив из укрытия и пустив в ход гранаты.

Был подбит и второй танк. Уничтожен экипаж. Началось преследование автоматчиков.

Это была лихая контратака артиллеристов, на время ставших пехотинцами. Смеркалось. На белом поле тут и там чернели безжизненные коробки вражеских машин. А наши гнали и гнали автоматчиков чуть не до самого Пызина, устелив дорогу десятками трупов.

В этом бою погиб лейтенант Медведев. Его похоронили ночью с воинскими почестями. Командование взводом обороны принял на себя комиссар дивизиона Мельников.

...Поздно ночью выехал из дивизиона на доклад комдиву командир полка. Предстояло уточнить задачу артиллерии, схему огня, сигналы вызова и все, что потребуется для управления огнем в предстоящем, третьем по счету, наступлении дивизии с востока.

Все, таким образом, зависело теперь от артиллеристов. Не будет контратаковать их противник, значит, они сумеют поддержать огнем стрелковые полки. Снова начнется огневая дуэль, значит, придется отбиваться от противника и на время забыть о своих пехотинцах.

Засовский был уверен, что немцы завтра снова пойдут на Карабаново, во что бы то ни стало стараясь смять второй дивизион. Он, выдвинувшийся дальше всех, был для немцев бельмом на глазу.

Так оно и случилось. Не успел забрезжить рассвет январского дня, как танковые атаки врага возобнови-

лись. Все повторилось, как вчера. У артиллеристов однако появился опыт, и они чувствовали себя намного увереннее. Хоть и было жарко, но уже не так боязно.

То и дело схватывался с немецкими стрелками взвод обороны. Старшина Лекомцев передал заботу о щах легко раненным, а сам орудовал автоматом. Тут же сражались связисты Некрасов, Максимов и Ипатов, разведчик Семакин, строчил из пулемета комиссар Мельников.

Мастерски била по танкам четвертая батарея. Ее комиссар Иван Кузнецов ни на минуту не уходил с позиций, во всем помогая командиру и бойцам.

— Нам уходить отсюда некуда,— говорил он солдатам.— Мы находимся на самой западной точке советско-германского фронта. Впереди нас только окруженные ленинградцы. На нас смотрит вся армия, за нами следит Москва.

Так прошел день. Поле между Пызином и Карабановом покрылось новыми черными точками.

На следующий день бои продолжались. Тяжело ранило комиссара Мельникова. В помощь взводу обороны командир полка прислал из своего резерва дивизион 120-миллиметровых минометов под командованием младшего лейтенанта Макарова. Дивизион пока не получил матчасти и стал действовать на правах пехоты.

Схватки не стихали. Теперь к ним уже было приковано внимание не только командования дивизии, но и армии. Враг что-то замышлял, с сатанинской настойчивостью добиваясь возврата Карабанова.

С другой стороны, это было на руку нашим стрелковым полкам. Представлялась возможность для разведки и более обстоятельной подготовки к наступлению.

На четвертый день к вечеру вышли из строя командир дивизиона Мельниченко и начальник штаба младший лейтенант Колосов. Командир полка немедленно послал во второй дивизион подкрепление: начальника штаба Турчанинова, его помощника лейтенанта Поздеева и комиссара Радченко. Позднее, уже на месте, перегруппировав командирские силы второго и первого дивизионов, начальник штаба послал своего помощника в первый дивизион, а сам остался во втором.

Шел пятый день боев. Как и нужно было ожидать, противник обрушил на Карабаново огонь небывалой силы. Опять были брошены танки и бронетранспортеры с пехотой.

Горячий и опасный день наступил для четвертой батареи, выдвинутой на прямую наводку. С утра выбыл из строя командир батареи, и командование принял комиссар Иван Кузнецов. Спокойный, сердечный человек, бывший заведующий отделом агитации и пропаганды Сарапульского райкома партии, он и здесь, на войне, в минуты смертельной опасности оставался собранным и мужественным, как подобает коммунисту.

Трудности и беды подстерегали на каждом шагу. Все дни боев под Карабановом была проблемой доставка снарядов. Они могли поступать во второй дивизион только из первого. Другой, прямой дороги в Карабаново не было.

Если в первые дни немцы не догадывались об этой взаимосвязи дивизионов, то сегодня — это было двадцать третье января — секрет был разгадан. Дорога между Ржавиньем и Карабановом была взята под прицельный огонь.

Это грозило изоляцией второму дивизиону. Что делать? Выпускались из стволов последние снаряды. Весь запас боепитания был снесен к четвертой батарее, без передышки ведшей поединок, полный неописуемого героизма.

Почти весь личный состав батареи был ранен, но никто не хотел уходить с позиций. Раненый командовал огнем комиссар Кузнецов, он же теперь и командир батареи.

Снарядов ждали, как бесценного груза. Был вынужден вступить в бой первый дивизион. Его орудиям было трудно вести прицельный огонь, и он только на время мог выручить из беды соседа.

Дорога между Ржавиньем и Карабановом стала, таким образом, своеобразной трассой жизни или смерти героического дивизиона. Эту трассу вызвался преодолеть пожилой, молчаливый заместитель командира второй батареи лейтенант Васильев. Он дважды на санях, нагруженных снарядами, проскакивал сквозь огонь врага и давал возможность стоять насмерть четвертой батарее. Во время третьего рейса храбрец был сражен осколком металла при ураганном налете на дорогу, кажется, всей артиллерии противника. Бездыханное тело героя лошадь привезла вместе со снарядами на позиции четвертой батареи. При этом налете был ранен командир взвода управления Семен Зайнаков.

В. А. Мельников

И. М. Кузнецов

Вскоре погиб на своем высоком посту комиссар Иван Кузнецов. Вражеский снаряд разорвался у его ног. Военком Кожев, целый день порывавшийся поговорить по телефону с героем, на минуту опоздал сообщить, что он представлен к награждению орденом Красного Знамени.

Ивана Кузнецова похоронили тут же, на окраине Карабанова. Короткую, но горячую речь произнес над прахом отважного артиллериста его друг, комиссар соседней батареи Иван Лукин, бывший комсомольский работник Удмуртии.

Догорал короткий и такой длинный на войне зимний день. Командир полка получил приказ отвести второй дивизион в тыл. Его отход прикрывал своим огнем первый дивизион. Там находился лейтенант Поздеев. Место погибших и раненых героев пятидневных боев теперь оставалось за ним и его солдатами.

Доверяя людям

Один за другим выходят из строя мои товарищи. Дивизия без конца перегруппировывается, но это мало помогает делу. Обидно, что так начались наши боевые будни.

Но ведь легких дней нет на войне ни у кого. Тем, кто принимал на себя первые удары врага, было еще

тяжелее. Ужасно трудно блокированному Ленинграду. Не легче Севастополю. А каково партизанам, оставшимся в белорусских и брянских лесах.

Все это так. И все-таки не хочется оправдывать наших поражений под Сычевкой. Скоро месяц, как мы крутимся в этих местах, и не видели еще ни одного своего танка. Говорят, где-то рядом действует гвардейская механизированная бригада. Мы ее не видели. А вот как против одного артиллерийского дивизиона шло двадцать немецких танков, видели очень хорошо.

Мы начинаем вести бои местного значения. Уже не за Сычевку и прилегающие к ней большаки и железные дороги, а за отдельные хутора и деревни. Части 39 армии, в которой мы находимся, расчленяются с каждым днем все больше. Полкам и дивизиям приходится маневрировать по-своему.

Словом, нам надо побольше танков, самолетов, пушек, минометов и снарядов к ним. Солдат у нас достаточно, но их надо беречь.

В дивизии погиб третий командир полка майор Михаил Ганоцкий. Он пережил своих товарищей на десять—двенадцать дней. Погиб, обороняя со своим полком деревню Новенькая. Налетели немецкие танки. В полку не было уже ни одной пушки. Мало гранат. Даже бутылок с горючей смесью не было. Конечно, полк оборонялся героически. Бойцы шли на танки с карабинами. Но какой от этого толк? Командование полком принял начальник штаба Григорьев.

Вижу в полках комдива и военкома. Они неразлучны. Вот, наверное, кому несладко жить. Уж заработали, должно быть, не по одному выговору. Это вместо орденов-то.

В последние дни комдив, говорят, начал создавать мелкие ударные группы для просачивания в тыл врага и захвата языков. О двух таких группах рассказали мне Степан Алексеевич Некрасов и Алексей Павлович Васильев. Их вызывали комдив и военком.

О грустной судьбе одного из них я уже писал, знало об этом и командование дивизии. Не менее тяжкой была участь и Некрасова — он исключался из партии и только перед войной был восстановлен. В дивизии знали и о боевых делах этих командиров. Теперь решили проверить еще раз. Кое-кто был против, а военком на это ответил так:

— Надо верить людям, а не подозревать их. Я верю Некрасову и Васильеву.

— А если попадут в плен? Немцы распишут черт знает что.

— Они не попадут в плен.

— У вас удивительный оптимизм, товарищ военком. А говорят, служили в ЧК.

— Именно поэтому я так и доверяю людям.

Некрасов и Васильев с небольшими группами бойцов ушли на ту сторону. Она менялась чуть ли не каждый день, и передний край имел вид слоеного пирога. Лишившись возможности вести крупные наступательные операции, естественно, надо было действовать мелкими группами. Сидеть сложа руки было бы подобно самоубийству.

Отделение Некрасова получило задание уничтожить гарнизон немцев в одном совхозе и по возможности захватить языка. Васильеву с тремя бойцами предстояло уничтожить железнодорожный мост.

В этих походах было все, чему положено быть в таких историях. Ракеты и пулеметные очереди противника. Часовые. Снег и мороз. Бешено колотящиеся сердца. Холодный расчет трезвого разума.

— О чем вы думали, когда подходили к деревне? — спросили Некрасова после возвращения из поиска, когда он раненый лежал в медсанбате.

— Не о чем, а о ком,— уточнил старший сержант.— Мне вспомнился тип, который исключал меня из партии и сажал в тюрьму. Я спросил его мысленно: ты меня хотел вычеркнуть из жизни, а я вот живу и воюю, а ты торчишь на брони. Так кто же балласт для Родины? От этого мне стало легко, я спокойно снял часового, вошел в избу и в упор расстрелял шестерых.

— А языка?

— Не привел. Принес семь автоматов да в придачу сумку со штабными документами.

Задачу выполнил и лейтенант Васильев. Ему, правда, пришлось потруднее. Провозился всю ночь. Чуть не попал в ловушку. Но взрывчатку заложил, бикфордов шнур за собой уволок, поджег, дождался взрыва и только не успел уйти невредимым. При отступлении его ранило. Вынес лейтенанта в расположение своей части все тот же санинструктор Козлов, предусмотрительно посланный на операцию комдивом.

На другом участке такую же подрывную работу провел с группой саперов командир взвода 1188 стрелкового полка лейтенант Харитон Баскаев.

...Еще одно горе сообщили мне друзья из четвертого отделения штаба дивизии. Тяжело ранен мой земляк пулеметчик Дмитрий Тимофеевич Коновалов, бывший работник Увинского райисполкома. Говорят, дрался богатырски, отражая контратаки врага. Боже мой, неужели не выдержит. У него четверо малолетних детей, больная жена.

На выручку соседей

Положение нашей дивизии к середине февраля сорок второго года еще больше ухудшилось. Немцы перебросили под Сычевку несколько свежих соединений. Начали свирепую бомбардировку каждой деревни. Самолеты налетали беспрерывно.

Враг особенно начал теснить наших северных соседей — войска 29 армии. Вскоре она была отсечена от нашей, 39, и таким образом лишилась последней, незначительной возможности связываться с тылом и с нами.

Кольцо окружения вокруг обеих армий быстро сужалось. Стояли нестерпимые сретенские морозы. А большинство батальонов и полков, спасаясь от самолетов противника, было вынуждено располагаться в лесах, не имея возможности разжигать даже костры.

Прекратились последние поступления боеприпасов, питания и медикаментов. Их стали сбрасывать наши самолеты, но зачастую неудачно. Фронт менялся ежечасно, полки и дивизии переходили с места на место. Резко ухудшились возможности разведки. Нужно было принимать какие-то срочные меры, чтобы вывести войска из тупика и предоставить им хотя бы относительный оперативный простор для активных действий.

Все понимали, что прежде всего следовало вывести из-под ударов врага войска 29 армии. Кольцо вокруг нее стягивалось особенно стремительно. С севера немцам было удобнее подбрасывать своим частям подкрепление, там еще функционировали большаки и железные дороги.

Спасение 29 армии облегчало положение и нашей армии. Бездействие же могло обернуться общим крахом. С часу на час все ждали приказа сверху.

Д. А. Киршев

А. Е. Кожев

И он поступил. Нашей дивизии отводилась роль ударной группы, призванной прорвать извне кольцо окружения соседей. Местом прорыва был назначен район южнее деревень Чернево — Ивлево Калининской области, куда мы перебрались недавно.

Для главного удара командир дивизии приказал сосредоточиться 1188 и 1192 стрелковым полкам, столько перенесшим за месяц боев. У деревни Федоровки для отвлечения противника встал 1190 стрелковый полк.

Личному составу подразделений была рассказана вся правда. Кое-кто возражал против откровенного обращения к солдатам, но комдив и военком решительно пресекли эти настроения.

— Правду, и только правду,— подчеркивал Кожев, ставший в эти дни особенно близким солдатам.— Без паники и без шапкозакидательства. Каждому иметь свой маневр и верить в победу. Вызволение соседней армии укрепит наши силы, и мы получим возможность снова наступать.

А оставшись вдвоем с комдивом, Кожев говорил:

— Пиши, Дмитрий Андреевич, письмо домой. Я возьму твое, ты — мое. Всякое может случиться.

Это было в деревне Еленке. Комдив покорно выполнил совет боевого товарища. Он выглядел в последние часы перед прорывом усталым и сумрачным. У него не имелось точных разведывательных данных о том, что скрывается в деревнях Чернево и Ивлево и за ними, насколько прочны или слабы фланги противника. На подготовку к прорыву отводились одни сутки.

Бессильными оказались предпринять что-либо реальное артиллеристы. Было ясно — поддерживать пехоту огнем. Но куда и по каким целям наносить удар? Вчера эта территория была нашей, сегодня ее захватил немец. Как он построил систему своей обороны? Кругом лес, маленькие деревушки, болота.

В такой обстановке началось наступление наших подразделений. Всем нужно было сделать молниеносный бросок. Поэтому и командиры, и солдаты находились в одних боевых цепях. Вместе с ними — комдив и военком.

Темная ночь. Люди лежали в снегу. Перед выходом на боевые рубежи они получили скудный завтрак без обычных ста граммов. Мороз пробирал до костей. Коммунисты и комсомольцы подбадривали бойцов.

Часовые стрелки приближались к заветному делению, когда в воздух должны взлететь условные ракеты.

— А мороз как в нашей Сибири,— произнес полковник Киршев, всматриваясь в туманную даль. Родом он был из Иркутска.

— У нас, в Удмуртии, наверное, такие же,— поддержал комдива Кожев.

— Да, зима нынче задорная.

— Покурим для бодрости, Дмитрий Андреевич.

Томительно тянулось время. Звонил командующий армией. Подбадривал, заверял, обещал.

Воздух с шипением разрезала ракета. За ней вторая. Дали десяток залпов артиллеристы. Не дожидаясь конца небольшого их налета, под свист снарядов поднялась пехота.

Поднялись комдив и военком. Отставать было нельзя. Быстрее вперед и вперед, на соединение с нашим северным соседом.

Вначале, после артиллерийских залпов, все было тихо. Наши пошли в атаку, не открывая ружейного огня. Да и не по чему было стрелять, перед глазами поле и деревня, а за ними лес.

Осторожно шагали комдив и военком, командиры и комиссары полков. Все шло как будто хорошо.

И тут словно вырвался из земли вулкан. Или наоборот, обрушился на планету весь звездный мир. Все окружающее в минуту превратилось в кромешный ад. Впереди, сзади, справа и слева наступающих одновременно легли сотни мин. Потом еще и еще.

Стало ясно, что противник открыл перекрестный огонь. Он пристрелял каждый метр горловины и нарочно не поставил здесь заслонов.

Знало ли об этом командование армии, посылая дивизию на этот прорыв? Доискиваться сейчас было некогда. Менять решение поздно. Отступать невозможно. Оставалось только вперед и вперед: к деревне, к лесу, к соседям.

Комдив кивнул военкому:

— Рассредоточимся, Андрей Ефимович. Ты бери правый, я левый полк.

— Согласен.

Комдив побежал. За ним отделение охраны. Немцы продолжали методично класть снаряды.

— Вперед! Броском!— крикнул что есть мочи командир дивизии.

— Броск-о-ом! — подхватили цепи его приказ.

Но и на следующем рубеже, и за ним, и совсем далеко раздавались взрывы. Стояли клубы огня, снега и земли. Дым застилал глаза. И главное, не было видно противника.

— Вперед!

— ...р-е-е-д,— повторяло эхо.

Комдив бежал рядом с солдатами, бежал и не мог придумать в сложившейся обстановке что-либо другое. Лучше встреча с противником лицом к лицу, чем эта страшная неизвестность.

И тут произошло непоправимое. Что-то сильно толкнуло в грудь, и комдив упал в снег. Смерть наступила мгновенно.

— Убит командир дивизии!— крикнул кто-то из бойцов.

Эта горькая весть покатилась по цепям. Долетела она и до Кожева. Он машинально схватился за грудь, где в кармане гимнастерки лежало последнее письмо Дмитрия Андреевича Киршева. Кругом продолжали рваться снаряды. Ад не прекращался. И если допустить сейчас панику, тогда конец.

Военком рванулся, увлекая за собой батальоны.

— Коммунисты, вперед!

Его поддержал другой голос:

— Не посрамим дивизию!

Военком Кожев бежит вперед. Бежит, как молодой. Страшный в своем горе и в своей ненависти.

Деревня совсем близко. Значит, полцели достигнуто. Еще усилие, еще бросок.

И вдруг:

— Та-та-та-та...

Сраженный пулеметной очередью, военком рухнул в измятый снег.

Командование атакующими принял комиссар 1188 стрелкового полка Иван Самсонов, любимец удмуртских воинов, бывший заместитель народного комиссара республики. Комиссар-хозяйственник оказался на войне достойным политическим комиссаром. Вначале он был комиссаром медсанбата, потом комиссаром стрелкового батальона. Сейчас на него выпала, должно быть, самая тяжелая задача.

Военком был тяжко ранен. Он хорошо знал комиссара Самсонова и любил его. Слыша, как комиссар отдает распоряжение санитарам о его, Кожеве, охране, он сказал ему:

— Спасибо, Ваня. Будь жив!

— Прощайте, Андрей Ефимович.

Комиссара дивизии с поля боя вынес боец-разведчик Семен Соболев до деревни на волокушах, а потом уложил в розвальни, укрыв тулупом.

Бой продолжался. Нет конца полю. И деревня, что впереди, будто отодвигается назад. Из нее летят огненные трассы, жестоко разя поредевшие цепи наступающих.

Вот убит и комиссар Самсонов. Его место занял другой ижевец, комиссар Ожегов. Вскоре ранило и его.

А снаряды и мины рвались без умолку. За лесом пикировали самолеты. Где-то рядом шумели танковые моторы.

— Алеша,— крикнул бежавшему рядом Поздееву Александр Белослудцев.— Если меня... не забудь.

— Что ты, Саша,— собрав последние силы, отозвался Поздеев.— Выживем. Вот еще немного...

В этот миг упал лейтенант Белослудцев.

— Сволочи! — вскипел разъяренный Алексей.— Коричневая чума. Ну, погодите.

И. Т. Самсонов.

Д. С. Скобелев

Его огромная фигура поднялась над полем во весь рост, это придало солдатам новые силы. Но тут налетели самолеты и начали пикировать так низко, будто намеревались протаранить наступающие полки. Одно пике за другим. Мелкие, словно игрушечные, бомбы. И беспрерывный свинцовый ливень.

Смертью героя пал Алеша Поздеев, мой незабвенный друг. Сложили головы десятки других моих хороших товарищей. Смертельно ранен начальник штаба дивизии майор Михаил Васильевич Щербаков.

И все-таки мы сделали свое дело. Пусть не судят нас строго потомки. Пусть не ищут в наших действиях ошибок. Мы сделали в ту серую февральскую ночь все, что могли. Отвлекли внимание ворога на себя. Дали возможность более успешно выполнить поставленную задачу нашему последнему, третьему стрелковому полку. Вы помните, я сказал выше, что слева от основных сил прорыва, у деревни Федоровки, был выставлен 1190 полк, тот самый, которым совсем недавно командовал майор Ганоцкий. Сейчас его возглавлял старший лейтенант Григорьев, наш старый знакомый, ветеран дивизии.

Так вот, полку удалось все же прорубить коридор на соединение с частями 29 армии. За это сложил головы батальон во главе с командиром Дмитрием Скобелевым

и комиссаром Александром Шаклеиным, верными сынами Удмуртии.

В коридор хлынула лавина изголодавшихся и изморенных солдат. Мы встретились как братья. Хоть не было ничего у самих, делились последними сухарями и кусками конины. Несмотря ни на что, теперь нам было все-таки легче. Две армии соединились в одну.

Всю ночь мы хоронили товарищей. Это было трагической закономерностью. Такой была война, и некуда было скрыться от ее обнаженной правды.

СУРОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Новый комдив

15 февраля приступил к исполнению обязанностей новый командир дивизии подполковник Александр Львович Кроник. Он приехал в штаб ночью, на розвальнях, за час до отправки в тыловой госпиталь тяжело раненного военкома Андрея Ефимовича Кожева.

Он жил три дня после ранения, наш любимый военком. Вопреки запрещению врачей, принимал в медсанбатовской палатке командиров и комиссаров. Давал последние наставления, диктовал письма на родину. Беспрерывно просил рассказывать о положении на передовой.

Военкома выносили на носилках к трупам боевых товарищей, убранных к захоронению. Он долго смотрел недвижными глазами на неживые лица погибших. При нем был произведен оружейный и пушечный салют.

Андрей Ефимович просил доложить о погребении всех павших на подступах к деревням Чернево — Ивлево. Сам подписал похоронные, в каждом извещении непременно вставляя «погиб смертью героя».

Поведение тяжело раненного военкома вызывало восхищение солдат и офицеров. Новости из медсанбатовской палатки разносились с быстротой молнии по всем полкам и батальонам.

С военкомом беседовал новый комдив. Кожев пожал руку Кронику и тихо сказал:

— Благословляю вас, Александр Львович. Надеюсь. Доведите дивизию до Берлина.

Через два дня после этого разговора, семнадцатого февраля сорок второго года, в одном из тыловых госпи-

талей в Андриаполе перестало биться мужественное и чуткое сердце нашего военкома Кожева.

Отцом осиротевшей дивизии стал подполковник Кроник. Среднего роста, с черными усами и очень живыми глазами, в белом полушубке, он в первый же день и первую ночь объехал все полки. Строгий на вид, он спрашивал коротко командиров:

— Сколько штыков? Есть ли больные? Какое настроение?

И сам же очень часто отвечал:

— Собирать силы. Заботиться о бойцах. О нас знает Москва.

И как бы в подтверждение этих слов комдива в расположение армии прилетали один за другим транспортные самолеты, сопровождаемые истребителями. Их, к нашему удивлению, не атаковал противник. Немного же, значит, смелости было у фашистских стервятников, коль скоро они не отваживались вступать в бой с нашими ястребками даже в своем тылу.

Самолеты сбрасывали нам ящики с патронами и колбасой, с минами и махоркой, с автоматами и медикаментами. Это воодушевляло. Усмиряло горе. Призывало жить и бороться.

Вскоре была пробита в сторону Нелидова и наземная дорога. Частям Красной Армии деятельно помогали партизанские отряды и гражданское население. Прибыл новый военком дивизии Белов Василий Александрович.

В эти дни мы узнали об Указе Президиума Верховного Совета. Награждены орденами коллективы машиностроительного и металлургического заводов Ижевска за образцовое выполнение фронтовых заказов. Это тоже было огромной моральной поддержкой. Земляки помнили о нас. Молодцы, ижевцы.

Партизаны и гражданские люди, насмотревшиеся на зверства фашистов в оккупированных деревнях и селах, рассказывали о страшных историях. Солдаты, слушая их, клялись мстить врагу за поруганную Родину.

Новый комдив подолгу совещался с оставшимися в живых командирами. Он близко сошелся с командиром артполка Засовским и новым командиром стрелкового полка Григорьевым, щеголеватым офицером, прошедшим через сто смертей. Ветераны дивизии лучше, чем кто-либо, могли ввести нового комдива в курс событий и настроений.

Для всех приятной новостью было решение комдива о выдвижении сапера лейтенанта Васильева на высокий пост помощника начальника оперативного отдела штаба дивизии.

У подполковника Кроника, как и у Киршева и Кожева, говорят, был бурный разговор с особистами по поводу лейтенанта Васильева. Новый комдив был тех же взглядов, что и его предшественники. Сын рабочего и сам рабочий, с мальчишек связавший свою судьбу с армией, громивший с оружием в руках белогвардейцев, образованный и культурный человек, он привык смотреть на события и людей прямо и открыто.

На войне подполковник еще более уверовал в правоту своих взглядов на жизнь. Он видел, на какие махинации шли вчерашние шибко «принципиальные» патриоты-офицеры для того, чтобы остаться в тылу. Он ненавидел это приспособленчество, эту двойную игру и поступал так, как подсказывала совесть.

Услышав от командиров отзывы о Васильеве, познакомившись с его биографией, комдив вызвал лейтенанта к себе и сразу подметил его незаурядные способности.

— Я знаю о вас все,— коротко и как будто строго сказал комдив, встретив немало удивленного лейтенанта.— Будете работать в оперативном отделе штаба.

— Слушаюсь,— разволновался лейтенант.

— Как ранение?

— Зарубцевалось.

— Как семья?

— Жива-здорова.

— Вот и хорошо. Приступайте к новому делу.

Комдив очень часто брал нового работника штаба в полки и батальоны и с удовольствием представлял его командирам и политработникам:

— Помощник начальника оперативного отдела штаба дивизии.

А наедине говорил лейтенанту Васильеву так:

— У нас плохо поставлена разведка, мы очень мало знаем о противнике.

— Будем доставать языки,— обещал лейтенант.

— Языки языками. Я прошу смотреть на вещи шире. Мы должны читать письма немецких офицеров и фашистские газеты. Мы обязаны знать все о тылах противника.

В этом сказывалась не только военная косточка нового комдива, но и его качества преподавателя военной кафедры. Анализировать и делать выводы. Давать работу уму. Как многим не хватало этих качеств в те тревожные и суматошные дни.

Дивизия набиралась сил. Утихомирились на время немцы. Зима им была не по нутру. В полках и батальонах снова шли ученья. Теперь уже на опыте боев.

Как праздник отметили двадцать четвертую годовщину Красной Армии. Получили посылки от земляков из родной Удмуртии. Получил подарок и командир дивизии — маленький пакет. Раскрыв его, комдив увидел красный кисет, пару белых шерстяных носков, платок с литовским орнаментом. Из кисета выпал листок ученической тетради. Крупным детским почерком было написано:

«Дорогой советский воин! Прими скромный подарок от литовских ребят — учеников школы-интерната в селе Дебессы Удмуртской АССР. Вдали от родного края мы не видим войны, но знаем, что прекрасную литовскую землю топчут фашисты. Вспоминаем Литву. Скорее иди на помощь литовским братьям! Дебессы, Марите».

Письмо до глубины души взволновало комдива, уроженца Литвы. Он читал его несколько раз, рассказывал о нем солдатам и офицерам. Неизвестная нам эвакуированная литовская девочка Марите звала вперед, на запад.

Я обходил знакомых земляков. Говорили по душам. Встречи рождали новые узы товарищества. Дела погибших сливались с делами живых.

Стал политруком связист Степан Некрасов. Погибли его товарищи, покалечен был и он сам. Но связь продолжала жить. Связь в краю лесов и болот, в жестокие морозные дни. Насколько она была важной для живого организма дивизии!

— Что пишут из дома, Степан Алексеевич? — спрашивал я земляка.

— Неприятная новость,— хмурился Некрасов.— Убит на фронте наш писатель Петр Блинов.

— Как? Петя?

— А разве тебе еще не сообщили?

Петр Блинов, мой товарищ, автор талантливого романа «Жить хочется», гордость удмуртской литературы. Его знал и любил весь наш народ. И народ из тыла, че-

рез третьи или пятые лица, сообщил о его гибели и нам, в калининские леса. Как ни странно, первую весточку получил не литератор, а партийный работник. Значит, действительно для всех был дорог писатель Петр Блинов.

Вскоре пришла из Ижевска и вторая скорбная весть: погиб в боях главный редактор республиканского издательства Александр Николаевич Караваев. Его тоже знали и любили многие. Народу, не имевшему до революции своей литературы, были несказанно дороги свои, национальные таланты.

Смириться с этими потерями было нельзя, и не надо было с ними мириться. Они вызывали в нас воспоминания о прошлом, и это тоже заражало ненавистью к врагу, жаждой жизни.

Удивительное дело, среди нас, похудевших, хмурых, поизносившихся, появился вдруг розовощекий, одетый с иголочки Новаков. Да, да, тот самый «интересные разговорчики». Появился днем. Откуда, как, никто не знал. Обошел тыловые подразделения и через сутки лег в медсанбат. Нашему изумлению не было предела. Особенно возмущался Степан Некрасов.

— Вот подлец, симулянт несчастный. Пойду в политотдел, расскажу всю правду.

— Это не наше дело,— ответил ему один из друзей.— Новаков — интендант.

— Но он же разлагатель.

— У тебя, должно быть, личные счеты с ним.

— Да, личные. Новакова надо послать на передовую.

— В этом разберутся без нас.

Но характер Некрасова был уже известен. Не так-то просто было уговорить его пойти на сделку с совестью. Он явился в медсанбат, взял в оборот врачей. Те сообщили, что у Новакова повышенное кровяное давление. Это еще больше возмутило политрука.

Он добился приема у командира дивизии. Выложил все начистоту. Не надеялся, что подполковник поймет его. Но тот сказал:

— Спасибо, политрук, за сигнал. Проверю и дам по заслугам. Правильно ненавидишь таких людей. Как настроение?

— Что-то надо делать, товарищ подполковник. Топчемся на одном месте,— ответил Некрасов.

— Да, топчемся,— согласился комдив.— И в том не наша вина. Армия и тыл собирают силы.

— На солдат плохо действует окружение.
— Полуокружение.
— Мы делаем все, чтобы поддерживать боевой дух.
— Правильно. О положении дивизии и всей тридцать девятой армии знает Москва.
— Солдаты надеются на соединение с армией генерала Лелюшенко.
— Пусть надеются...

Комдив выполнил свое обещание — узнал о Новакове и принял контрмеры. Это стало известно в подразделениях и оценено должным образом.

Жизнь на войне. Она тоже складывается из мелочей, из взаимопонимания людей. Армия — семья, в которой есть родители и дети. И чем крепче и чище будет эта семья, тем она окажется жизнеспособнее. Один блудный сын порой может принести непоправимый вред.

Комдив без устали крепил свои связи с полками, батальонами, ротами и взводами. В нем было много общего с полковником Киршевым, но в то же время было и отличительное. Этим отличительным была неутомимость нового комдива, его стремление лучше узнать солдат. Отсюда — беспрерывные разъезды, беседы с подчиненными, желание вникнуть в каждую мелочь. Нет, это не было педантизмом, данью форме. Подобные отношения не были и панибратством. Комдив был в меру строг и требователен, но главное, умел войти в душу солдата, и это было его бесценным даром.

А на дворе был уже март. На тысячах километров от моря до моря шла великая отечественная война. И не было в этой войне главного и не главного фронта. Все фронты были главные. И везде стояли ощерившиеся враги, готовые в любую минуту просунуть голову в слабую оборону и снова попытаться приблизиться к Москве. Одна попытка не удалась. Враг может предпринять вторую и третью. Наша армия это знает и стоит начеку.

Мы — непокоренные

Немецкое радио трубит о непостижимых уму потерях советской армии в калининских лесах. Будто бы здесь чуть ли не каждый день окружаются и уничтожаются дивизии. Об этом мы узнаем в редакции дивизионной газеты, где есть приемник. Об этом пишут немцы в листовках, сбрасываемых над расположением наших частей.

А мы продолжаем жить и бороться. Правда, бороться не очень активно — не хочется без нужды терять людей,— но все-таки бороться. Пусть не думает самонадеянный враг, что с нами все покончено, что мы встанем перед ним на колени и начнем сдаваться в плен. Немцы на все лады расхваливают предателя генерала Власова, призывают переходить в его добровольческую армию, но на эту удочку нас не поймаешь. Родина заклеймит позором изменников. А пока наше дело бить и бить врага и его холуев.

Власовцы породили новые хлопоты у наших политработников. Хочешь не хочешь, а нельзя замалчивать о трусах. Сами солдаты просят рассказывать о них. Надо использовать это неприятное явление в нашей армии для закалки боевых рядов. Это не так-то просто делать.

Некоторые командиры и политработники чуть ли не шпионят за бойцами, чтобы они, не дай бог, не подобрали немецкую листовку и не прочли ее. Очень определенно высказался на этот счет новый комдив:

— Бросьте заниматься глупостями,— сказал он сверхбдительным политработникам.— Грош цена нашей воспитательной работе, если кто-нибудь из наших солдат поверит фашистской брехне. Надо не шпионить за солдатами, а дружить с ними, разоблачать вранье, а не скрывать его. В этом должна быть наша сила.

Простые, понятные слова. А вот не до всех они доходили. Кое-кому так и не терпелось схватить какого-нибудь молоденького бойца с немецкой листовкой и притащить его за шиворот в особый отдел. Вот полюбуйтесь, мол, поймал изменника. А изменнику-то всего восемнадцать лет и кончил он лишь четыре класса.

Я не писал до сих пор о Константине Дмитриевиче Вячкилеве, парторге артиллерийского полка. Он прошел с дивизией весь путь, участвовал во всех боях, был ранен, но остался жив. В прошлом тоже партийный работник, секретарь одного из райкомов Ижевска, он по характеру смахивал на Степана Некрасова. Так вот, насчет листовок и перебежчиков Вячкилев говорил так:

— А пусть перебегают, кому хочется. Зачем держать слабых духом. Они же одна обуза в бою. Я так и говорю в беседах, а потом рисую немецкий рай, какой ждет перебежчика. У нас пока никто не хочет попасть в тот рай.

Умные мысли. Так поступают многие командиры и

политработники. А те, кто продолжает слежку, одумаются. Война ведь тоже школа. В ней есть и первый, и второй, и пятый классы. Есть начальная, средняя и высшая ступень сознания. Удивляться ничему не надо.

А самой лучшей школой, конечно, является бой. Тут как на ладони все характеры. Трус — в кусты, кланяется пулям. Изменник бежит за спиной смельчака, чтобы при первой возможности нырнуть в сторону немцев. Хвальбишка кричит из-за укрытия. А честный, мужественный боец идет во весь рост, полный достоинства советского человека.

В каком бы трудном положении ни находилась дивизия, а учить солдат на боях надо было обязательно. Комдив исподволь готовил полки к этому. Но школа-бой должна иметь и расчет.

Таким расчетом стала в марте необходимость оседлать железнодорожный разъезд Лошаки. При удаче операции от Ржева отрезалась северная, оленинская группировка врага. Это был бы важный клин в оборону противника.

Командование дивизии получило приказ. На операцию в первый эшелон был выдвинут 1190 стрелковый полк. Все было разведано и рассчитано, проведена соответствующая подготовка. Перед наступлением состоялось партийное собрание. Парторг полка Николай Фадеевич Щербаков, ветеран дивизии, только что оправившийся после ранения в боях под Сычевкой, читал одно заявление за другим о приеме в партию.

Собрание шло в сарае. Все были с оружием, одетые, сосредоточенные и собранные. Вопросы вступающим в партию задавались короткие и резкие. Например:

— Зачем тебе партия? — спрашивал молодого пожилой солдат.

— Мне легче идти в бой коммунистом.

— А так трусишь, значит?

— У меня братан — коммунист. Погиб под Москвой.

— Принять в таком случае...

Или такой разговор:

— Чем занимался в гражданке?

— Торговал керосином.

— Другого дела не нашел?

— Был завмагом, да уволили.

— Проворовался?

— Образования не хватило.

— А сейчас грамотный?

— Разбираюсь.
— Ранен?
— Два раза.
— Как относишься к власовцам?
— Вот я и хочу доказать им...
— Принять.

А потом атака, уже знакомая по прошлым схваткам, такая же решительная и отчаянная. Ведет одна мысль — оседлать разъезд. Маленький, невзрачный, затерявшийся в лесу, но кусочек советской земли, а потому большой и дорогой, который надо обязательно вернуть. Если вернем, по нему не будут ходить больше немецкие поезда. Немцам станет трудно, они вынуждены будут искать другие выходы. А другие им тоже закроют и выкурят, в конце концов, как мышей, из Ржева и Сычевки, из всей Смоленской и Калининской областей, из нашей страны.

Полк наступает на разъезд с двух сторон. Где спрятались фрицы, и не поймешь. Наверное, в домике стрелочника. Давай огонь по нему.

Бойцы продвигаются вперед. И вдруг, как часто бывает на войне, стена огня. Это заработали пулеметы круговой обороны, замаскированные в будке стрелочника. Круговая оборона — не шутка. Недаром еще в пункте формирования бывший комдив Киршев кричал при рытье землянок: «Почему глухие? Как будете отражать атаку противника?».

Вот, пожалуйста, наглядный урок, насколько важна на войне круговая оборона. Нельзя сунуться ни спереди, ни с флангов. А разъезд взять надо.

Прошла небольшая артподготовка. Солдаты идут в лоб. Перебежками, ползком, извиваясь, как ящерицы, ведя на ходу огонь. Но он не достигает цели. Будка превращена в дзот. Эх, сорокапятку бы на прямую наводку. А время идет. Минута кажется вечностью. И зол каждый на себя, на свое бессилие, на свою несообразительность. Полчаса назад вступал в партию: хочу идти в бой коммунистом. Вот, пожалуйста, оправдывай свое заявление. Чего же ты прячешься — лицо в снег, а зад выставляешь напоказ всему миру. Эх, черт возьми, была не была.

Это ругается про себя керосинщик. Парень готов растерзать себя за неумение воевать. Слюнтяй, недотепа.

А будка изрыгает шквал огня. Да так ловко, так хлестко, будто в ней кто играет на специальном рояле.

М. Т. Вотяков

Н. Ф. Щербаков

Керосинщик ползет и ругается. Рядом с ним появляется парторг.

— Что, Синицын, туго?

— Ничего, товарищ парторг, я сейчас дам им прикурить.

— На, противотанковую.

Синицын берет гранату. Опять ползет. Не отстает от него и парторг. А кругом идет перепляс тысяч пуль.

И вот огромная, неуклюжая фигура в сером, заляпанном мазутом полушубке поднимается во весь рост и с ходу бросает металлическую чушку в сторону будки стрелочника. Взрыв. Фигура падает до взрыва и не шевелится.

Парторга осколки не задели. Но они не задели, должно быть, и будку. Она продолжала жить.

Парторг, мирный, спокойный в жизни человек, еще не окрепший после недавнего ранения, оглядывает головной батальон. Думал ли он когда-нибудь, что будет вот так ползти по железнодорожной насыпи ради единственного: заставить замолчать какую-то паршивую будку, которая была сейчас для его полка олицетворением фашистской Германии.

Парторг был до войны журналистом. Народ уважал и берег таких людей. Берегли их и на войне.

Но вот тут, у этих чертовых Лошаков, куда же денешься? Не поползешь ведь назад. Не скажешь, что я чернильная душа и мне несподручно стрелять из автомата.

А немец шпарит и шпарит. Ему все сподручно. Сподручно убить молодого неуклюжего керосинщика. Ранить его товарищей. Держать на снегу вповалку батальон.

Ах, черт возьми, насколько человек бессилен на войне. Букашка, сморчок. А если лежать без движения долго, совсем превратишься в песчинку.

Ну, нет. Парторг Николай Щербаков, журналист из Удмуртии, «чернильная душа», этого не допустит. Была не была. Ста смертям не бывать, одной не миновать. Махнем.

И он так же, как боец Синицын, встав во весь рост, бросил одну за другой две противотанковые гранаты. Он отчетливо услышал взрывы, уловил многоустое «ура!», сделал два-три шага вперед и рухнул недалеко от парня, которому пять минут назад дал путевку в бессмертие.

Батальон овладел железнодорожным разъездом. Бой продолжался и после падения будки. Щербакова заменил коммунист Константин Клестов, комиссар полковой батареи. Он отнес парторга в укрытие, взял его сумку с документами и заявлениями только что принятых в партию бойцов и стал продолжать сражение.

На разъезд прибыл командир дивизии. Он помог полку организовать круговую оборону, выслушал рассказ о парторге Щербакове, солдате Бушкове, других погибших воинах, приказал похоронить героев с почестями.

В этот же день дивизия провела еще несколько наступательных боев. Захватила трофеи и пленных. Уничтожила пятьсот двадцать немецких солдат. Об этом на следующий день было сообщено в сводке Совинформбюро. Первый раз за время войны дивизия удостоилась такой чести.

Это был ответ за трагедию под Черневом — Ивлевом. Смерть за смерть. Ответ на хвастливую немецкую пропаганду. Ответ презренным власовцам.

Дивизия жила и набиралась сил. Несмотря на потери, крепла в своем качестве, мужала духовно. Школа

войны переводила солдат из класса в класс. Армия проходила суровый и великий университет, чтобы в завтрашних боях защитить диссертацию на звание непобедимой в мире.

Бессмертные Михали

Потеря железнодорожного разъезда Лошаки взбесила немцев. На полки дивизии обрушивалась одна атака за другой. Бои продолжались весь апрель.

Дороги испортились окончательно. Все приходилось переносить на себе. Лошадей осталось очень мало.

Немец бомбил день и ночь. Беспрерывно вел обстрел из дальнобойных орудий. В окружности не уцелело почти ни одной деревни. Даже штабам полков приходилось располагаться в лесу.

Робинзоновский образ жизни серьезно подрывал боевой дух дивизии. Солдаты и офицеры переносили неимоверные физические трудности. Привыкшие смотреть смерти в глаза, многие раненые и контуженные, они не могли привыкнуть к вшам и голоду.

Бои разгорались каждый день. В схватках иногда удавалось разжиться трофеями. Порой завязывались стычки только ради них.

Отступать было нельзя. Приближалось лето. Немцы разрабатывали планы нового наступления. Малейшее ослабление нашей обороны могло обернуться в Подмосковье повторением волоколамской истории. Ее, как известно, не произошло. Летом сорок второго года противник избрал окружный путь на Москву через Воронеж. Западные и северо-западные рубежи оказались для немцев недоступными. На этих рубежах зимой и весной истекали кровью, но стояли насмерть наши дивизии.

Выходили из строя мои товарищи. Сколько их успело уже сложить головы! Пройдут века, но не сотрутся из памяти народной подвиги тех, кто грудью отстаивал каждую пядь родной земли в первый год войны. Это были внешне не эффективные сражения, так называемые бои местного значения, о которых даже не сообщалось в сводках Совинформбюро, но они были прелюдией многих последующих больших битв. Да и по степени своего накала они не уступали фронтальным наступлениям. Неправильно думать, что наши воины проявляли героизм только в боях за большие города и при форсировании

рек. Героизм был всюду и ежечасно. Им питалась и наша дивизия в боях за хутора и большаки, за высотки и железнодорожные разъезды. И напрасно эти бои не получали должной оценки в Ставке Верховного Командующего. Мы знали, что Сталин был недоволен боевыми операциями 39 армии и, в том числе, нашей дивизии. Но что мы могли сделать еще в тех условиях?

При очередном артиллерийском налете был убит новый парторг полка Константин Григорьевич Клестов. В бою за железнодорожный разъезд, как я уже писал, он заменил убитого Николая Щербакова.

До войны этот человек работал инструктором Удмуртского обкома партии. Ветеран дивизии. В боях два раза был ранен, но оставался в дивизионном медсанбате. И вот такой человек погиб. Кто он — герой или не герой? Ему не дали золотую звездочку, даже не наградили орденом. За гибель при бомбежке не награждали. А ведь человек до этого смертного часа прошел подлинно героический путь.

Такой была война. У нее были свои приливы и отливы. Была черновая и ювелирная работа. Первая очень часто оставалась незаметной, вторая, наоборот, сияла в лучах славы. Мы выполняли в те дни черновую работу, чтобы позднее дать развернуться ювелирам войны. В этом не было особой несправедливости. В конце концов, мы воевали не за награды.

В те же дни был ранен командир полка Александр Степанович Григорьев, мой воображаемый Андрей Болконский. За короткое время его очень полюбил новый комдив. Он часто говорил старшему лейтенанту: «Ты у меня на левом фланге, но я считаю тебя правой рукой. К утру возьмешь деревню Шкурлы и станешь комендантом».

А в деревне — полтора дома. Комдив любил шутку и умело ею пользовался. А еще больше он любил человека. Знал комдив, что командир полка в одном звании ходит восемь месяцев. Он исправил эту несправедливость.

Убит молодой врач Кузьменко, командир санроты. Тяжело ранен писарь Степан Михайлович Вершинин, бывший инструктор Красногорского райкома партии из Удмуртии. Это был необыкновенный писарь — смельчак, веселого нрава. Как он попал в писаря, уму непостижимо. При каждом наступлении убегал из штаба в ба-

тальон и дрался на правах рядового солдата. Опять: кто он — герой или не герой? Говорят, был писарь. А писарям одна награда: медаль при случае.

Я пишу об этом без раздражения. Мне горько сознавать, в какой безвестности погибали порой мои товарищи. Потому и хочу, чтобы знали о них люди.

Вот уже подходит к концу и апрель. Трудно нам. Но мы знаем, что во сто крат труднее защитникам Севастополя. И мы держимся, напрягая все свои физические и духовные силы.

А враг налетает, как бешеная собака. Ищет незащищенные стыки между подразделениями. Пустил разведку и в стык нашей дивизии с соседней, в район деревень Кочережки — Волосатики.

Комдив насторожился и немедленно направил в опасный район вторую батарею артиллерийского полка. Она заняла позицию у деревни Михали. Была поставлена задача — не допустить прорыва танков по дороге из Нахраткова на Высокое, а также из Кочережек на Волосатики.

Батарея имела три орудия и два ручных пулемета. Расчеты были вооружены автоматами и гранатами. Бойцы хорошо оборудовали огневую позицию. Место болотистое. Невозможно было рыть блиндажи, и вместо них делали чадовки с тремя накатами по потолку.

За батареей зорко следили и командование дивизии, и командование полка. Подполковник Кроник то и дело тормошил Засовского, теперь уже майора:

— Как Михали? Смотрите, не прозевайте.

А прозевать можно было в два счета. Кругом леса. Лазеек для прорыва сколько угодно. Но мы знали, что немецкая пехота одна не пойдет и тем более ночью. Ее трусливые повадки мы уже изучили. Вот с танками — другое дело. А раз с танками, значит, утром или днем.

Но охрану несли круглые сутки. В Михали приезжали и командир полка, и его помощники. Приезжал и старший лейтенант Поздеев к своему товарищу, командиру орудия Вотякову. Я уже писал, что с этим рабочим Ижевского металлургического завода доцент Поздеев очень подружился еще дома, в Удмуртии. Они были примерно одного возраста, под тридцать или чуть за тридцать. Может быть, Вотяков немного постарше. Он был на две головы выше Поздеева, шире в плечах, осанистее, и доценту приходилось смотреть на металлурга

снизу вверх. Это смешило доцента, и он с уважением говорил товарищу:

— Какой ты большой, Миша. Тебе бы в цирке выступать.

— Вот после войны сражусь с каким-нибудь силачом на ковре,— улыбался и Вотяков.

Немцы показались на рассвете. Из леса вынырнули пушечные стволы танков. Их сразу поймал в бинокль Вотяков, старший среди двух расчетов.

Перед танками была деревня Высокое. Взять ее и поставили целью немцы. Вначале открыли по деревне минометный огонь. Потом двинули стальные громадины.

От Михалей все это было видно, как на ладони. Высокое — первый рубеж перед дорогой. Отдать его никак нельзя. С падением этой деревни рушилась вся наша оборона и дивизия откатилась бы намного назад. Да и приказ был такой — не отдавать Высокое.

Из Михалей позвонили в штаб полка. Оттуда примчался на огневые позиции доверенный командира, старший лейтенант Поздеев.

Оба орудия уже вели огонь. Немецкие танки рвались к Высокому. Черные на черном поле, они были почти незаметны. Выдавали залпы пушек. Выстрелит танк, и над его башней на минуту заклубится дымок. По этим дымкам и лупили артиллеристы.

Танки шли цепью. Земля была вязкая, во многих местах болотистая, и это сдерживало немцев. А нашим это было на руку. Как только танк застопорится, ему сейчас же гостинчик.

Два танка уже горели. Замолчала на опушке леса минометная батарея. Немцы торопились расправиться с деревней, чтобы за ней обрушиться на Михали. Минуя Высокое, до Михалей не добраться.

Орудийные расчеты работали, как в жарком цеху. Поздееву на миг показалось, что Вотяков стоит у мартеновской печи. Металлург-богатырь, олицетворение величия и могущества рабочего класса. И он на самом деле был велик и могуч, этот старший сержант. Поздеев любовался им, забыв об опасности.

Можно ли полюбить профессию военного? В мирной обстановке она многим кажется привлекательной. Приятно смотреть на щеголевато одетых офицеров. С ними с удовольствием танцуют девушки. За офицеров с радостью выходят замуж.

Григорий Андреевич Поздеев никогда не увлекался военными науками, хотя они были сродни географическим. Он был неважным курсантом на летних сборах. Не хватал звезд на физкультурных соревнованиях. Сугубо штатский человек, очень мягкий и деликатный, добрый и отзывчивый, он, конечно, никак не думал, что университетскую кафедру придется сменить на командирскую должность артиллериста. Однако случилось именно так. Вопреки его воле и желанию.

Памятник на братской могиле в с. Хлебники Калининской области

И вот он уже восемь месяцев был в армии. Половина этого срока — фронт. Непрерывные бои. В необычных условиях окружения и полуокружения.

Полюбил ли он за это время свою новую профессию? Слово «полюбил» в данном случае не подходит. Поздеев надел шинель не восемнадцатилетним и не в мирные дни. Надел по необходимости, по приказу Родины. И этот приказ сроднил его с профессией военного, заставил быстро освоить ее и дорожить ею.

Потому вчерашний ученый-географ и был уважаем в офицерском корпусе. Его знал комдив, ему доверял во всем командир полка. Доверил руководство и этим боем под деревней Михали.

А немцы и не думают отступать. Лезут и лезут к Высокому. Поздеев скинул шинель, сдвинул на затылок фуражку, подошел к Вотякову:

— Миша, дай разок стрельнуть.

— Пожалуйста, товарищ старший лейтенант.

Поздеев делает быстрые расчеты на прицельных делениях, ждет команды командира орудия, сам наблюда-

ет за ползущими в утренней дымке танками. Вотяков командует «прицел семнадцать, бронебойными». Поздеев, выполняющий обязанности наводчика, моментально отзывается на команду.

И вот раздается выстрел. Пушка слегка откатывается назад. Заряжающий загоняет в нее новый снаряд. Взоры всех устремлены вперед. Интересно, мазнул или нет старший лейтенант. А еще интереснее поскорее подбить третий танк, по которому уже выпустили два снаряда, но пока безрезультатно.

Но вот загорелся и третий. Его сразили Вотяков и Поздеев. Оба радостно посмотрели друг на друга. И старший по чину сказал младшему:

— Молодец, Миша!

— Это вы,— смутился Вотяков.

Ситуация складывалась примерно такая же, как под Карабановом. Но пока немцы не особенно активничали. Сказывалась потеря минометной батареи, которую накрыли наши в первые же минуты боя.

Но гибель трех танков и батареи обязательно разозлит немцев. Они попытаются отомстить за это. С минуты на минуту нужно ждать сюрпризов.

На огневых позициях все было готово к отражению любой, далекой и близкой, атаки врага. Стояли в замаскированных ячейках пулеметы. Вырыты окопы для автоматчиков. Для всех были укрытия от бомбежки.

Засовский спрашивал Поздеева:

— Справитесь?

— Надеюсь.

— Как круговая оборона?

— Оборудована отлично.

— Держите в курсе дел.

А дела круто изменились через пять минут. На Михали вылетели девять «юнкерсов». Бить по ним из ручных пулеметов бесполезно. Надо было спасать орудия. Их откатили в густой ельник. Что это могло дать практически, никто не думал. Но замаскировали пушки быстро.

Бомбовой налет. Каждый переносит его по-своему. Есть солдаты, которые теряют при этом дар речи и прячут прежде всего голову в какую-нибудь дыру. Другие, наоборот, расхаживают во весь рост, смотрят, вскинув голову, на падающие смертоносные болванки — и перепрыгивают с места на место, прячутся за стволами

деревьев, сообразуя движения с траекторией падения бомб.

Это ухари, но ухари с головой. Бесшабашная публика, как правило, остающаяся невредимой. После налета они первые подают голос и затягивают какую-нибудь совсем неуместную песенку, вроде: «Когда я на почте служил ямщиком». Это разряжает обстановку. Бомбобоязливые быстро выходят из состояния шока, и все становится на свое место.

На второй батарее никто не боялся бомб. Пример бесстрашия показывали заряжающий Никитин и санинструктор Шевнин. Оба они из Удмуртии: один — из Шаркана, другой — из Ижевска.

— Давай, давай разгружайся! — кричал немецкому летчику маленький, юркий веснушчатый Никитин.

— Ребята, головы берегите! — предупреждал Иван Шевнин, спокойный, суровый на вид здоровяк, прохаживаясь возле траншей.

Налет не причинил батарее особых потерь. Было двое раненых. Покорежен лафет у одной пушки. Бой можно было продолжать.

И он продолжался. Час, два, три.

Стали просачиваться автоматчики. Заработали наши пулеметы.

Звонил командир полка:

— Как настроение? Какие потери?

— Пока держимся.

— До вечера стоять обязательно.

А до вечера было еще два часа. И за эти два часа немцы обрушили на батарею еще три бомбовых удара. В этот раз орудия сохранить не удалось. При первом налете вышло из строя одно. При втором еще одно. Оборону продолжало держать орудие Вотякова. Третьим налетом скосило последнее и вместе с ним его командира.

Иван Шевнин потащил Вотякова в укрытие. Тот умоляюще попросил:

— Не уноси. Дай посмотреть, как ребята рассчитаются с бандитами.

Подошел черный, весь в грязи Поздеев. Вотяков обратился к нему:

— Разрешите остаться здесь, товарищ старший лейтенант.

— Оставайся, Миша.

А сам побежал к пулеметчикам.

В конце бой шел уже не с танками, а с пехотой противника. На землю опустились сумерки. Они были очень некстати немцам. Наши начали нажимать.

С Вотяковым находился Шевнин. Он рассказывал командиру расчета о ходе боя. Старший сержант был ранен смертельно, но сознание сохранял.

— Вы не оставляйте здесь пушки,— передавал последние советы Вотяков.— Оттяните ночью в тыл. Их вполне можно отремонтировать.

— Сделаем, Михаил Тарасович,— обещал санинструктор.

— А еще, Иван, не забудь написать жене. Ты знаешь Анисью, она работает на оружейном.

— Успокойся, Миша...

— Металлургам тоже...

— Миша...

— Я отдал Родине все, что имел.

А из штаба полка, нахлестывая вороного, летел майор Засовский. За ним вел лошадей для отхода батареи старшина Александр Лекомцев.

Михали остались неприступными. Поздно ночью покидала боевые позиции вторая батарея, повторившая подвиг четвертой под Карабановом. На лафете одного из орудий артиллеристы везли тело своего командира, ижевского рабочего-металлурга Михаила Вотякова. Рядом с ним шел его боевой друг, товарищ по оружию и духу, сын удмуртского крестьянина Григорий Поздеев.

Михаил Тарасович Вотяков дважды приходился мне однополчанином. Вместе проходили действительную службу в Баку во Второй краснознаменной Кавказской дивизии имени Степина. О бессмертном подвиге я поспешил сообщить землякам небольшой зарисовкой в газету. Политотдел выпустил о герое листовку.

Вторую батарею сменила третья. Михали продолжали оставаться нашими. Мы оборонялись еще несколько дней, пока окончательно не отучили немцев совать нос в этот уголок советской земли.

Прорыв

И вот настал час нашего прощания с калининскими лесами и болотами. Пусть не подумают потомки, что это было отступление трусов. Нет, после михалевской схватки мы еще два месяца сдерживали натиск противника и не давали ему отсюда

отправлять свои дивизии на юг, где он уже начал новое фронтальное наступление.

Мы дрались днем и ночью, но теперь нашей главной задачей было выжить, сохранить силы. Здесь нам делать больше нечего. Мы дали возможность Красной Армии подготовить наиболее выгодные позиции для завтрашних наступательных боев. На эти позиции надо было выходить и нам.

Мы теперь избегали открытых столкновений с противником. Быстрее, без потерь, вырваться из кольца окружения. Это было похоже на кутузовский марш двенадцатого года под Москвой.

Но нам приходилось во сто крат труднее. В воздухе все еще господствовала немецкая авиация, на земле — немецкие танки. Последние в краю лесов и болот были не страшны, а вот «воздух» не давал покоя.

Тридцать девятая армия расчленялась врагом на куски. Отрезалась одна дивизия за другой. Замыкались большаки и железнодорожные переезды. Противник ждал тризны.

Но мы тоже не зевали. Все в эти дни особенно внимательно наблюдали за комдивом. Как он берег свою дивизию! Как уводил ее из-под ударов. Встреча с врагом больше была не нужна.

Комдива могли заподозрить в трусости, как пытались в свое время заподозрить в том же полковника Киршева. Тот отдал свою жизнь. Подполковник Кроник не имел права этого делать, если бы даже ему приказали бросить дивизию за какую-нибудь деревню.

В полках снова шли учения. Отрабатывалось умение ползать по-пластунски, действовать мелкими группами в лесу, стремительно форсировать речки. Многие недоумевали: зачем?

В трудном положении была дивизионная газета: о чем писать. (После открытия нелидовского прогала редакция получила потерянное было шрифтовое хозяйство, и газета вновь стала выходить). Самое страшное для газеты — отсутствие информации. А ее сейчас, живой, оперативной, не было.

И все-таки в дивизии жил боевой дух. Он поддерживался личным примером командиров и политработников. В том числе и примером комдива.

Он по-прежнему часто бывал в полках и батальонах с помощником начальника оперативного отдела Ва-

сильевым, теперь капитаном. Дружба их крепла. Это очень поддерживало авторитет комдива.

Солдат понимает все. Солдат — это народ. А народ трудно обмануть. Его можно на время усыпить, запугать, но невозможно отрешить от правды.

— Вот человек,— восхищался новым комдивом Степан Некрасов.— Если бы мне такого защитника при исключении из партии...

— А забыл, как тебе ответил на это Новаков?

— Новаковым крышка.

— Но у них есть защитники.

— Война всех поставит на свое место.

До нас, как и до всех, доходит известие о договоре Советского Союза с Великобританией. Вспыхивают и затухают разговоры о втором фронте.

Куда интереснее слушать солдатам о героях обороны Севастополя. Это орлы, так орлы! А второй фронт? Черт его знает, что это такое и с чем его едят.

Нам сбрасывают на самолетах газеты. Они пишут об итогах первого года войны.

Наступило лето. Одолели новые враги: комары не дают житья. Ни мази, ни сеток ни у кого, разумеется, нет. Нельзя увлекаться и кострами.

Но учения все-таки продолжаются. Радость — есть возможность купаться. Сочетаем приятное с полезным — учимся переправляться через речки на подручных средствах.

Время от времени ходим на дивизионное кладбище в деревню Старое. Убираем могилы товарищей. Приедет ли когда-нибудь и кто-нибудь на этот погост из нашей Удмуртии поклониться праху героев?

Кладбище рождает воспоминания. Говорят, о кладбище лучше не думать. По-моему, напрасно. Светлые чувства могут быть подсказаны не только радостью, но и печалью.

Я вспоминаю своих друзей Алешу Поздеева и Сашу Белослудцева. Двух братьев по духу и убеждениям. И мне очень хочется жить, чтобы обязательно отомстить врагу за товарищей.

А немец все клюет и клюет наши части. Он что-то задумал коварное.

...Прошел слух, что при очередной бомбежке разгромлен штаб 39 армии. Ранен командующий. Бразды правления принял заместитель, генерал И. А. Богданов.

Это известие сразу изменило поведение нашего комдива. Он решил открыто сказать личному составу, что начинается практическая подготовка к выходу из окружения. Без паники, при соблюдении железной дисциплины и, возможно, с боями.

Шла активная и тщательная разведка. К нашей дивизии стали примыкать другие части. Постепенно армия разбилась на две группы. Первая переходила под командование комдива Кроника, вторая — под командование генерала Богданова.

Наши полки стали стягиваться к месту сосредоточения, севернее деревни Антипино, в лесу. Тайно, под прикрытием тыльных и фланговых заслонов. Никаких костров. Никаких выстрелов. Каждому уяснить маршрут. В походе не отставать. При опасности не паниковать. Быть верными военной присяге.

— Все ясно?

Голос комдива суров и трогателен.

— Ясно! — отвечают солдаты .

— Боевая задача каждого — сохранить свою жизнь для дальнейших сражений.

— Ясно.

— И пусть того, кто нарушит эти святые требования, проявит трусость и малодушие, покарает рука советского правосудия.

— Пусть.

— Ша-а-го-ом ма-арш!

Не надо путать этот марш с осенним, когда дивизия направлялась на фронт. Не надо требовать стройных рядов, тем более песен. Люди шли цепью по проселочным дорогам и лесным тропам. Некоторые по болотам. По фронту шириной в километр.

Это была узкая и опасная горловина. Но горловина непристреленная. Место бросовое. Незащищенный стык немецких подразделений. В глубину десять километров. Их следовало проскочить до рассвета. А ночи самые короткие. Самые тревожные. Ночь сурового испытания мускулов и сердец.

Комдив со своими помощниками в солдатских цепях. Впереди разведка. Там помощник начальника оперативного отдела штадива Васильев. А раз Васильев, комдив спокоен.

Идет трехтысячный отряд многострадальных, но несломленных людей с оружием. И как во всяком таком отряде, не все получается гладко. Кто-то сбивается с

маршрута. Кто-то застревает в болоте. У кого-то падают лошади и глохнут машины.

Отстают артиллеристы. Им жалко расстаться с пушками. Они тянут их из последних сил. Налетают на немецкую разведку. Завязывают бой. Рвут орудия. Теряют время.

Отстают тылы. Трудно начальнику политотдела Никите Мироновичу Шиленко. Под его началом типография дивизионной газеты. На его совести партийные документы, клубное имущество. Ему помогают инструктор политотдела Захар Иванович Широбоков, сотрудники редакции, солдаты из дивизионного ансамбля песен.

И все-таки немцы обнаруживают и эту колонну. Политотдельцы принимают бой. Вести его им трудно. Надо топить в реке шрифты, печатную машину, грузовики. Надо обезопасить человека с партийным хозяйством.

До последней возможности бьется начальник политотдела Никита Шиленко, тихий, скромный, честнейший человек, батальонный комиссар. Он дает возможность скрыться в лесу своим товарищам, а сам с револьвером в руках погибает. Погибает от своей последней пули, но на своей, советской земле, а не в германском плену.

Последними с боем выходят артиллеристы под командованием Засовского, Поздеева и Некрасова. По пути они прихватывают отставших и заблудившихся.

Основные силы дивизии вышли из окружения организованно. Их обнаружили немцы на рассвете. Сразу выпустили на бомбежку более сорока самолетов. Но было уже поздно. Нас встречали советские истребители. Они с ходу навязали бой фашистским стервятникам и обратили их в позорное бегство.

Воины 357 стрелковой дивизии выполнили свою боевую задачу в калининских лесах: они сохранили свой костяк. Вместе с живыми остались в списках дивизии и те, кто сложил свои головы в зимних и весенних боях, сложил, но остался бессмертным.

Дивизия продолжала жить. Открывалась вторая страница ее боевых походов. Это было во второй половине июля тысяча девятьсот сорок второго года. В тяжкие, тревожные для Родины дни. Разгоралось новое наступление немцев на юге.

Мы ждали приказа.

ВЕЛИКОЛУКСКИЙ УДАР

ПЕРЕД НОВЫМИ ПОХОДАМИ

После грозы Что переживает человек в первые минуты после преодоления опасности? Улыбается, прыгает от радости, поет песни? Нет, человек падает на землю от усталости. Пока был в дороге, вяз в тухлых болотах, переходил вброд речки, прятался в придорожных канавах от вражеских бомб,— чувствовал себя сильным. Жажда жизни заставляла забывать обо всех лишениях, не обращать ни на что внимания, кроме своего строя и своего командира.

Но вот эти лишения остались позади. От людей отцепились, наконец, и немецкие самолеты, и дальнобойные орудия врага, и автоматчики в коричневых мундирах. Солдаты неожиданно, в том смысле, что еще были готовы продолжать поход, оказались на берегу маленькой, тихой речонки Обща, густо увитой по берегам ивняком. Кругом по-прежнему леса, но почему-то не такие отчужденные, как час-два назад. Не слышно ни выстрелов, ни буханья мин, ни диких гортанных выкриков пьяных фашистов. Это осталось позади. Между людьми, вышедшими к речке, и страшным прошлым теперь пролегла надежная охрана, именуемая нашим передним краем.

Улетели по другим делам встречавшие нас самолеты. Они на прощанье помахали в воздухе крыльями и быстро куда-то скрылись.

А люди, изморенные, голодные, грязные, оборванные, небритые, остались здесь, у извилистых ивняковых берегов. Остались и упали, подкошенные пределом сил, которые держались на волоске и вот теперь начисто иссякли.

Это понимали все и не думали даже упрекать друг друга. С чувством умиления и жалости, гордости и восторга смотрели на солдат командиры. Как отец среди своего многочисленного семейства, проходил командир дивизии по фронту вповалку спящих бойцов. О чем он думал? О своей ли юности электромонтера, когда вот так же, после двенадцатичасового рабочего дня сваливался полуголодный на грязный тюфяк. Или о лихой коннице, в которой вчерашний рабочий стал старшиной эскадрона и с которой тоже приходилось бывать в тяжелых изнурительных рейдах.

О многом мог думать бывалый воин, наблюдая за своими младшими товарищами. Его дивизию могли обвинить в чем угодно, вплоть до слабоволия и недисциплинированности, а он все-таки дал ей возможность скинуть с себя сверхчеловеческое напряжение страшных суток. Скинуть в какие-нибудь полчаса или час, за которыми опять начнутся боевые будни.

И они на самом деле тут же начались. Прибыли походные кухни с веселыми и озорными поварами, военторговские лавки. Появились начфины, которых редко видели в оставленных за речкой лесах и которые сейчас суетились и бегали: им не терпелось покрыть за-

долженность перед солдатами и офицерами по денежному довольствию.

Берег речки превратился в табор. И опять комдив не останавливал этого. Многие начали купаться, стирать вконец загрубевшие портянки, проветривать на солнце пропотевшие гимнастерки. Другие, получив деньги, выстраивались в очередь к военторговским ларькам и, заговаривая зубы бойким и смазливым продавщицам, подолгу выбирали то расческу, то мундштук, а то и флакон одеколона.

Свобода. Покой. Легкость. Безмятежность. Пусть на час, на миг, но как все это дорого, как за это хочется кого-то крепко-крепко отблагодарить.

После обеда, после нехитрого личного часа солдаты получают возможность обойти свои подразделения, разыскать товарищей, земляков, подсчитать, кого и почему нет. За сутки прорыва изменилось немалое.

Отправляюсь в путешествие и я. С радостью встречаю тут и там моих дорогих однополчан. Многие из них погибли, но многие и остались в живых. По-прежнему горделивыми выглядят артиллеристы. Равняются, должно быть, на своего командира полка. Они уже почистились, многие побрились, обзавелись табачком. Ходят группами, беседуют, порой разражаются смехом.

Я вижу Н. Д. Засовского, А. Г. Поздеева, С. А. Некрасова, Н. И. Семакина, А. И. Максимова, А. П. Лекомцева-усача, Н. А. Воронцова, М. И. Ипатова и многих других. Им пришлось взорвать свои орудия, похоронить многих товарищей, прирезать лошадей. Остались тяжелые воспоминания. А жить и воевать надо.

Довольные, счастливые, как младенцы, ходят ездовой Володя Захаров и санинструктор Николай Кузьмич Козлов. Сколько смертей пришлось им пережить под Сычевкой, особенно неутомимому и бесстрашному Кузьмичу.

Несказанно обрадовался я встрече с инструктором политотдела Павлом Алексеевичем Наговицыным, бывшим секретарем Глазовского горисполкома. Наговицыных и Корепановых у удмуртов как Ивановых и Петровых у русских. Эту фамилию носил старый большевик, один из организаторов нашей республики, которого хорошо знал Ленин,— Иосиф Алексеевич Наговицын.

Павел Наговицын не был родней профессиональному революционеру, но он тоже был коммунистом. До сих пор я о нем не писал, как вообще маловато посвятил

строк политотдельцам. Трудно им было в калининских лесах. Что бы ни делали,— мало видно результатов. Поэтому о них и помалкивали.

А ведь политотдел вместе с военкомом отвечал за корпус комиссаров. Как вели они себя в бою, я уже рассказывал. Не отставал от своих товарищей и Павел Наговицын. Говорили, во время прорыва он погиб вместе с Никитой Шиленко. Прошел слух, что пропал без вести секретарь партийной комиссии дивизии Алексей Николаевич Белов.

И вот они оба сейчас были рядом. Один стройный, моложавый, другой — маленький, черный, с пискливым голоском, неутомимый, как пчела, трудолюбивый, как муравей.

— Земляку привет! — шумел радостный Наговицын.

— Почему не докладываешь партийной комиссии о благополучном выходе из окружения,— шутил Алексей Николаевич.

Нашел Николая Шиленко. Он тоже узнал почем фунт лиха. Бывший клорнетист музыкального взвода нашего полка стал разведчиком, потом комсоргом полка. Красавец. Голубые бойкие глаза, высокий лоб.

А сколько оказалось земляков, которых редко приходилось видеть в лесах. Они тыловые работники и, естественно, были на втором плане. Порой о них мы совсем забывали, хотя без многих не могли бы существовать.

Ну, скажем, кто из солдат знал в лицо помощника начпрода дивизии, ижевчанина Федота Сергеевича Иванова. Очень немногие. А те, кто знал, наверное, думали о нем как о ловкаче и приспособленце, который живет как сыр в масле. А Федот Сергеевич пошел на войну добровольно, хотя был больной. Чтобы совсем не свалиться в окружении, пил дрожжи, но делал все для снабжения дивизии продовольствием. Ни у кого не было таких связей с местным населением и партизанами, как у интенданта Иванова. Он доставал через них лошадей на мясо, покупал картошку, соленую капусту, сушеные грибы. Ему помогал в этом второй интендант, тоже наш, ижевец, Федор Никанорович Овечкин.

А что было известно о Петре Петровиче Чапенко, полковом инженере, прибывшем в дивизию одним из первых? Об офицере штаба дивизии Иннокентии Николаевиче Деньгине? А ведь каждый из них по-своему был героем. Чапенко по ночам не раз ставил с саперами ми-

ны и проволочные заграждения. Деньгин под обстрелом врага ходил на передовую оформлять реляции, уточнять укомплектованность частей.

Мало мы знали и о таких офицерах и солдатах, как руководитель и баянист дивизионного ансамбля Михаил Коробов, артист Бобылев-Тамаров. Все они мужественно пережили невзгоды окружения, сохранили стойкость духа и смело вели себя при последнем прорыве.

Сейчас они были в центре внимания всей дивизии. Пока солдаты управлялись с наваристым супом и свиной тушонкой, пришивали к гимнастеркам белые воротнички, приводили в порядок изрядно износившиеся ботинки и сапоги, Михаилом Коробовым был подготовлен импровизированный концерт. За дорогих сердцу полчаса люди прослушали и забытую «Рябинушку», и простоватый «Синий платочек», и задушевный «Вечер на рейде». Посмотрели лихое «Яблочко», залихватскую чечетку, а в заключение все вместе, артисты и зрители, грянули «Священную войну».

А потом какую-то минуту все молчали, смотрели на реку, на лес, на небо. И пожалуй, все или многие подумали про себя: какое над Россией чистое и бездонное небо, какая ласковая кругом природа. Зачем нужна война? А она все-таки идет. Эти мысли возвращали к действительности, заставляли инстинктивно оборачиваться на запад, прислушиваться.

Но кругом было тихо. Мирно текла зеленоватая вода в мелководной речушке, резвились сытые пескари, чирикали в ивняке пичуги. И опять охватывали солдат воспоминания, теперь о родных реках — о Каме и Чепце, Вале и Кильмези.

Затосковали огрубевшие на время сердца. Всех потянуло к письмам. Давно их не получала дивизия. А письма где-нибудь странствовали, искали своих адресатов, тая в конвертах и любовь, и тоску, и радость, и горе, к лучшему или худшему, неизвестно.

Пора было собираться в дорогу. Теперь по свободной, незаминированной земле. Шагать на место отдыха, новых дел, волнений.

Среди солдат опять был командир дивизии с капитаном Васильевым, теперь уже начальником оперативного отдела штаба. Их встречали с радостью.

— Как отдохнули, товарищи солдаты?

— На совесть, товарищ командир дивизии.

— Сытен ли был обед?
— Хорош.
— Запаслись ли табачком?
— Ярославской махорочкой.
— В порядке ли портянки?
— Вытерпят до новых.
— В таком разе — становись.
И по всему берегу:
— Ста-а-но-о-ви-и-сь!

Солдатская жизнь. Простая и неприхотливая. Подремали, поели, помылись, покурили и ладно, порядок. Можно опять в поход, опять в бой, особо не раздумывая о том, что ждет впереди.

Идет война, и этим все сказано. А раз солдат при войне — о другом думать некогда. Поскучал немножко и снова за свое.

Дивизия трогается. Пылит дорога под тысячами ног.

А на дворе июль. Теплынь. Наливаются хлеба. Будто и нет на свете никакой беды...

Идет пополнение

Место отдыха дивизии — станция Савелово Московской железной дороги. Это рядом с городом Кимры, на берегу канала Москва-Волга.

Начиналось примерно то же, что и в Удмуртии. Так представлялось поначалу. Но наши предположения во многом не оправдались.

К встрече дивизии, вернувшейся с фронта, все было готово. Не надо было рыть, как раньше, землянок — все получили превосходные, прямо с фабрики палатки. Артиллеристы расположились в деревянных двухэтажных зданиях. Каждый получил постельные принадлежности, по две пары нового белья, новое обмундирование.

Это было прямо-таки сказкой. Год не спать на простыне, полгода не раздеваться, по три месяца не ходить в баню, столько же не знать парикмахерской и после этого, пожалуйста, в рай. Сходи в превосходную русскую баню с веничком из молодых березок, побрейся, постригись, подгони гимнастерку, брюки, сапоги, пилотку, выпусти побольше белоснежный или целлулоидный подворотничок и можешь отпрашиваться на четыре часа в городской отпуск.

Для молодых — праздник. Девок в Кимрах — пруд пруди. Городок обувщиков красивый, уютный, очень по-

хож на наш Сарапул, с миниатюрной зеленой площадью — местом свиданий. Солдаты — нарасхват. Особенно фронтовики. Тем более орденоносцы. Остословы и гармонисты.

И наши стали ходить. Зачастили в первые дни, пока не начались учебные занятия, пока устраивались, пока принимали пополнение. Знакомились, присматривались. Кое-кто, конечно, проштрафился — не без этого. Вернулся в роту «под мухой» или привел к палатке зазнобу. Но в общем все шло хорошо, как и должно быть у людей.

Пожилые и семейные больше нажимали на письма. Получив по десятку конвертов из дома, запачканных, измявшихся в поисках хозяев, строчили ответы. Писали с наслаждением, по нескольку часов, со слезой и прибауткой, с приветами всем родным. Сложив письмо в треугольничек, надписав химическим карандашом адрес, четко указав полевую почту, солдат долго вертел в руках драгоценный груз, вздыхал над ним и только потом относил бойцу-почтальону с непременной просьбой:

— Смотри, не затеряй.

Исполнив долг, шел обедать, долго хлебал из котелка мясные щи, пристроившись где-нибудь под кустиком или на пеньке. Харчевались, как правило, по двое. На двоих хранили под тюфяками сахар и махорку. По двое секретничали, по двое же уходили в отпуск.

Все было удивительно людям, прожившим полгода в лесу. Здесь, на берегу канала, будто другими были и деревья, по-другому выглядели цветы, по-особому распевали соловьи.

— Благодать-то какая, а? — вздыхал Александр Прокопьевич Лекомцев, скучая в свободный час с Николаем Ивановичем Семакиным.

Бывшему председателю колхоза и бывшему агроному было о чем потолковать, глядя на желтеющие поля. Сердца их тосковали по мирному труду, по родным удмуртским деревням, по семьям.

То же, конечно, переживали и другие, только, может быть, менее остро. Безразличных к окружающему не было. Даже бесшабашный Володя Захаров, умевший шутить под бомбежкой, временами предавался философии.

— Интересно, почему так устроен мир,— говорил Володя своему другу шоферу Захару Лебедеву.— Я хочу домой, а меня не пускают.

— А ты садись в поезд и дуй,— простодушно советовал друг.— Оставь записку командиру: так, мол, и так, невтерпеж. Решил навестить жену, а вы без меня пока не воюйте.

Отпуска домой тоже давали, но, разумеется, не всем. И только по крайней необходимости.

Без дела не сидели политработники, пожалуй, ни дня и ни минуты. На них сразу навалились неотложные хлопоты. Война продолжалась своим чередом. С фронта шли неутешительные вести. Немец, как и в прошлое лето, опять наступал, теперь только не на Москву, а на Северный Кавказ и Волгу. С боями отдавались города один за другим. Сражения шли уже в Сальских степях. Верховный Главнокомандующий издал приказ «Ни шагу назад!».

Об этом приказе было много разговоров.

Командир дивизии требовал разъяснить приказ на ротных политбеседах, на партийных и комсомольских собраниях.

Пожалуй, лучше всех понимал Кроника председатель военного трибунала майор Николай Яковлевич Чирков. Удмурт, в прошлом столяр, поздно начавший учиться, но все-таки выучившийся, он к своим сорока годам стал видным юристом республики, членом Верховного суда и остался, как в юности, справедливым человеком. Он одобрял действия комдива и сам нередко отправлялся в роты и батареи с беседами и докладами.

21 августа исполнилась годовщина с начала формирования дивизии. Хотели устроить что-то вроде праздника, но потом решили небольшие торжества совместить с вручением дивизии революционного Красного знамени.

Прибыл генерал из Московского военного округа, на площади был выстроен весь личный состав, зачитан приказ, вручено бархатное знамя, произнесены речи. Все прошло очень хорошо.

К этому времени в дивизию влилось немалое пополнение. В иные дни поступало по сотне и более человек. Были назначены новые командиры стрелковых полков — Корниенко, Курташов и Хейфиц, командир артполка Удалов вместо Засовского, ушедшего командовать артиллерией всей дивизии.

Ветераны с удовольствием принимали в свою семью новичков. Многие были уже обстрелянные, прибывали из госпиталей. Подразделения создавались заново.

Новичков, как правило, встречали комдив или военком. Выстраивали на плацу, рассказывали об истории дивизии, называли ее героев. Особенно непринужденно и задушевно получалось это у комдива. Военком порой упрощал церемонию «крещения», механически распределял солдат по полкам и дивизионам. Но в общем-то все были довольны, попадали в части по своим воинским специальностям.

Приход пополнения значительно оживил жизнь дивизии. Сформированные полки, батальоны, дивизионы, роты, батареи, взводы снова зажили полнокровно и бойко. Из новичков сразу выделилось несколько инициативных офицеров и солдат. Среди политработников хорошо зарекомендовали себя агитатор полка московский инженер-химик Борис Векслер, комиссары Никита Рыжих, Иван Коровин, Нурислам Гареев, командиры батальонов Дмитрий Дивин, Михаил Яковлев, командир взвода Владимир Зудилкин, командир отделения Георгий Тетерин, ПТРовец Николай Романов, московский художник Сергей Викторов и многие другие. В большинстве это были фронтовики, хлебнувшие и горя, и славы, в основном молодые, задорные, немного озорноватые, каких и любят наши солдаты.

У артиллеристов появился внешне ничем не примечательный связист сержант Алексей Голубков. Среднего роста, коренастый, с большой продолговатой головой, с вечно улыбающимися голубыми глазами, чуть сгорбившийся. От этого он смахивал порой на боксера, идущего в атаку. Сержант любил острое словцо, мастерски им пользовался, заставлял замолчать любого краснобая. Еще был сержант самолюбив, обидчив и, если дело заходило далеко, мог пустить в ход кулаки.

С Голубковым подружился наш Михаил Ипатов. По характеру — две противоположности, а вот поди ж ты, снюхались, как говорили солдаты, с первого дня. Так бывает в жизни, и даже, говорят, дружба противоположностей получается крепче обычной.

Голубков и Ипатов стали вместе столоваться, вместе бывали на занятиях, сдвинули рядышком кровати в казарме. И вместе уходили вечерами перед сном погрустить на берег канала. О чем они там шептались — неизвестно. Может, Голубков рассказывал другу о родной Волге, о городе Костроме, откуда он был родом, а Ипатов посвящал товарища в красоты удмуртских лесов.

Дружную пару заметили командиры связистов Михаил Булдаков и Степан Некрасов, командир дивизиона Григорий Поздеев. После гибели Вотякова последний чувствовал себя осиротевшим, искал дружбы с новыми хорошими людьми.

Дружба людей. На чем она основана, трудно определить одним словом. Здесь не может быть общего подхода. Дружба юношей, однокашников — это понятно. А взрослые на чем сходятся? Почему офицер Поздеев выбрал на фронте себе другом старшего сержанта Вотякова? И вот последний случай: Голубков и Ипатов.

— Голубкову холуя надо, вот он и взял себе Ипатова,— как-то не то в шутку, не то всерьез сказал один молоденький, только что из средней школы боец.

Голубков набычился, вытянул больше обыкновенного шею, встал, подошел к солдатику вразвалочку и что есть силы съездил по уху. Тот упал, забился в истерике, запричитал:

— За что? В армии драться не полагается. Вы за это ответите.

— Отвечу перед кем хочешь. А еще пикнешь, сявка, душу выпущу,— процедил сквозь зубы Голубков и ушел на свое место.

Ему дали за это взыскание. Но после этого случая никто и никогда не смел и полсловом обидеть ни Голубкова, ни Ипатова. Дружба их еще более окрепла, и все только удивлялись чистоте и бескорыстию ее.

А меж тем возвращались из Удмуртии отпускники. Возвращались радостные и печальные. Радостные от встречи с родными, с товарищами по работе, с милыми сердцу деревнями и городами. Печальные — от натиска родственников погибших однополчан. Все требовали обстоятельных объяснений смерти своих отцов, мужей и женихов. Где и когда это произошло, почему, кто видел, что сказал погибающий напоследок.

Эти вопросы ранили сердца живых. Это они были в долгу перед вдовами и сиротами, от которых отписались форменными бумажками. А людям было мало этих бумажек, мало и слов «пал смертью героя». Разве можно тремя словами объяснить конец человеческой жизни. Всю жизнь за двадцать, тридцать, сорок лет, как жизнь военкома Кожева. Тут нужны длинные и теплые рассказы на целых тетрадях, нужны проникновенные статьи в газетах, нужны доклады и беседы политработников. Ког-

да мы научимся так увековечивать память о своих товарищах?

Да, надо отчитываться перед родной Удмуртией. Взяли столько-то человек, а осталось через год столько-то. Где остальные? Сложили головы за Родину. Так расскажите об этом, пожалуйста, сообщите, где находятся могилы. Ведь человек не иголка.

И вот опять заработали штабы дивизии и полков. Заработали над бумагами, которые никто не посмеет назвать чиновничьими. В них мы вкладывали всю свою любовь к верным товарищам и ненависть к их убийцам. Пусть на этих бумагах, сгустке человеческого участия и братства, учатся жить и бороться дети героев войны.

— Вот так поступать всегда,— говорил командир дивизии, подписывая наши пространные послания в тыл.— Сила человека в потомстве. Умер сам — остались дети. Надо беречь их от ржавчины равнодушия.

Опять учимся

Переписка с родными погибших однополчан снова захлестнула меня воспоминаниями. Один за другим вставали перед глазами, как живые, Андрей Кожев, Иван Кузнецов, Александр Шаклеин, Иван Самсонов, Михаил Вотяков, Николай Щербаков, Константин Клестов, Алексей Поздеев, Александр Белослудцев. Никуда не деться от этой памяти. Да и зачем от нее прятаться. Пусть живет и напоминает здравствующим, кому обязаны они своим счастьем.

А война продолжается. Сколько бы ни было горя, а нельзя в нем расслабляться. Помня о прошлом, нам надо смотреть вперед.

В дивизии опять начались активные боевые учения. Как они отличаются нынче от прошлогодних. У каждого солдата — карабин или автомат. У пушкарей — полный комплект орудий. Запас снарядов, механическая тяга, провода. В учениях никаких условностей. Стрельба — боевыми патронами. Марши с полной выкладкой. Бои двусторонние.

Командир дивизии стал неузнаваемо строг. Насколько он был снисходителен к «вольной» жизни в первые дни после выхода из окружения, настолько сейчас повысил требовательность. Все полки и батальоны сформированы, матчасть получена, личный состав обмундирован,

тылы приведены в порядок — значит, действовать. Так бывает всегда у целеустремленных и волевых натур. Пока идет период утробного развития — зорко наблюдай, направляй и в то же время давай отцовскую поблажку молодому организму. Как только дитя встало на ноги, оперилось — не позволяй ему засиживаться, выпускай в полет.

В разведывательный «полет» перед новыми боями была выпущена и наша дивизия. Она, по существу, не имела схваток широкого маневра, совсем не знала уличных боев, не имела опыта окружения противника. Все это надо было отрабатывать в обстановке, максимально приближенной к боевой.

Куда будет направлена дивизия? Ответить на это в августе сорок второго года никто не мог. Все зависело от положения на фронте. А оно менялось стремительно, ежедневно, если не ежечасно.

Мы могли попасть и в горы Кавказа, и в Калмыцкие степи, и под Воронеж — в самое пекло. Нас могли бросить и по старому адресу — на Калининский фронт. Все зависело в конце концов от того, насколько скоро будет остановлено наступление немцев на юге, как быстро будет подготовлен контрудар. Словом, насколько удачно повторится прошлогодняя история под Москвой, когда враг был обращен в бегство буквально с десятого километра от столицы.

Что-то подобное должно произойти и нынче. Не могут германские дивизии наступать беспрерывно, силы их непременно на каком-то этапе должны иссякнуть. Угадать приближение этого этапа, не допустить врага к жизненно важным центрам, собраться с силами для ответного удара — военное искусство. Промедление здесь смерти подобно.

Таким решающим рубежом на советско-германском фронте, по всему видно, становилась Волга. Уйти нам за нее, значит, открыть дорогу немцам на Москву. На путях к великой русской реке сейчас и шло обескровливание немецкой армии.

Так говорили солдатам политработники и командиры. Так понимали сами бойцы, внимательно следя за сводками Совинформбюро и газетами.

За год наш солдат вырос неузнаваемо. Если прошлым летом он порой был склонен к панике, к пессимистическим настроениям, то сейчас, несмотря ни на что, вы-

В. А. Белов, А. Л. Кроник, Н. П. Гашников, В. В. Ильин

глядел Ильей Муромцем. Год войны обогатил советского человека не только опытом, но и мудростью, политическим и духовным просветлением. Во многом помогли армии и народу литература и искусство. В газетах были напечатаны повесть «Радуга» Ванды Василевской, «Наука ненависти» Михаила Шолохова, рассказы и публицистические статьи Алексея Толстого, Бориса Горбатова, Ильи Эренбурга.

Да, теперь мы умели воевать не только винтовкой, но и сердцем. Мы научились ненавидеть врага. И этот второй навык в совокупности с неимоверно возросшей военной мощью нашей армии делал нас непобедимыми. Теперь, пожалуй, действительно, мы могли говорить, что потеря южных городов и станиц не имеет решающего значения (хотя это были ужасные потери), потому что за спиной их уже поднималась непреоборимая сила. Нам было понятно, что если произойдет поворот на юге, немцы обязательно получат удар и на севере, и возможно,

как в прошлом году, вернее, в январе этого года, авторами его будем мы.

А пока учиться и учиться, уставать, потеть, осваивать новое оружие. Тон задавали фронтовики. В прошлом году все были равные, необстрелянные. Нынче разница между бывалым и новеньким солдатом огромная. Первые ведут вторых. Порой грубовато, без церемоний, с подковырками. Не дает житья сонулям, тюленям, зевакам связист Алексей Голубков. Чуть где застопорка, он тут как тут.

— Ну что, тяжела шапка Мономаха? Надо было каши меньше есть.

Или:

— А ну, подтяни животы. Пятки вместе, носки врозь — буду принимать парад.

— Молодец, Голубков! — похвалит комиссар Коровин.

— Вы только чуть повежливее,— просит, а не приказывает командир дивизиона Поздеев.

— Ну их к шутам, этих молокососов,— по-своему советует другу Михаил Ипатов.

И опять все идет чин чином.

Голубков по характеру явно сродни нашему Степану Некрасову. Таким был еще Николай Корепанов. Немного смахивал на связиста Георгий Попов. Из новичков горячи и остры на язык комиссар артдивизиона Иван Коровин и командир батальона Михаил Яковлев. Комдив даже иногда вынужден делать им замечания.

— Всем вы выдались, солдаты,— скажет наедине полковник.— Только ругаетесь порой зря.

— Привычка, товарищ полковник,— расплывается в улыбке широкое, как у девушки, лицо капитана Коровина.

— Кем работали в гражданке?

— Токарь я, заводской.

— Заводской-тульской?

— Так точно, товарищ полковник, как в воду глянули. Тульской я, самоварщик, пулеметчик...

Вот и попробуй поговори с таким по строгости. Хочешь не хочешь, сам рассмеешься. Да тем более и сердиться-то особенно не за что — хорош комиссар Коровин.

Жесток и беспощаден к нарушителям дисциплины и лентяям комбат Яковлев. Он прямо так и говорит:

— Вы меня не учите, как разговаривать с солдатами. Покажет бой, чей батальон пойдет под огонь, а чей будет кланяться пуле-дуре...

И он действительно выжимает пог из бойцов своего батальона. Сам устает как черт, но и пощады никому не дает. Командир полка Корниенко уважает комбата Яковлева.

Вроде бы немножко чужим стал в артполку майор Засовский, командующий артиллерией дивизии. Бывать в полку ему приходится реже. И все-таки Засовский заскакивает к пушкарям каждый день, иногда перед самым отбоем. И больше, конечно, в дивизион своего любимчика, теперь уже капитана Григория Поздеева.

Под Кимрами не стало места для учений широкого плана. Кругом поселки и города. Дивизию решили перебросить под город Нарофоминск, в семидесяти километрах юго-западнее Москвы. Быстро погрузились в вагоны, быстро доехали и так же быстро расположились в лесу.

Теперь было как в Удмуртии. Разница — готовые землянки и блиндажи. Тут год назад проходил фронт, и все носило следы недавних сражений.

Политработники сходили в город и разузнали историю боев в этих местах. Оказывается, здесь держала оборону известная всему миру Первая Московская мотострелковая дивизия генерала Люзикова. Дивизия генерала Панфилова сдерживала натиск врага по Волоколамскому шоссе, а эта — здесь, у Нарофоминска. Этим двум дивизиям и было первым присвоено звание гвардейских, а генералы Иван Васильевич Панфилов и Александр Ильич Люзиков стали первыми комдивами-гвардейцами.

До этого из газет все знали, что 28 гвардейцев-панфиловцев стали Героями Советского Союза. Теперь к их славе прибавлялись героические дела Московской мотострелковой дивизии. Рассказы об этом очень помогали нашим солдатам в боевых учениях.

Враг из Нарофоминска был выкинут молниеносным ударом.

— Вот так будем действовать и мы,— говорил товарищам командир взвода противотанковых ружей, старшина Николай Романов.

Да, у нас появились нынче и такие ружья. Имеются и полковые пушечки. Все они сделаны на Урале. Уж,

конечно, теперь немецким танкам не застать нашу колонну на марше врасплох, как это было прошлой зимой недалеко от Ржева.

Война уносит много жизней и материальных ценностей, но она же обогащает. Мы изменяемся в своем качестве, мужаем, шлифуемся.

Идут занятия по всем правилам боевого Устава. Стоит сухая осень. Убирают урожай. Поступают весточки из родной Удмуртии. В республике отлично работают старые заводы, не отстают и новые — эвакуированные, теперь они стали нашенскими.

А на юге бои уже у города Моздок. Немцы приближаются к Сталинграду. Все внутри кипит. Дивизия хоть завтра готова выступить на фронт.

Дороги, дороги

В середине октября погрузились в теплушки. Нас вывели на Московскую окружную дорогу. Пятый день стоим на какой-то окраине столицы.

Всем ясно — едем на фронт. Не ясно — куда. Наша судьба решается в Кремле.

Пройдет время, кончится война, и не все из тех, кто сейчас в теплушках, будут ступать по московским улицам. Это тоже понятно всем, и наиболее смелые хотят хоть напоследок получить кусочек удовольствия.

У наших вагонов день и вечер женщины. Больше молодые. Некоторые с детьми. Пришли просто так, поглазеть, переброситься парой слов с солдатами да офицериками.

Сразу видно — тоскуют женщины. Им хочется представить в нашем облике своих отцов, мужей, женихов. Вот так же, значит, выглядят на фронте и наши,— думают они. Ничего, хорошо выглядят. Одеты, обуты, сыты.

Играют наши гармошки. Пляшут солдаты и девушки. Вытирают слезы старухи. Балуются мальчишки. А потом все вместе поют.

А на фронте бои. Идет великая сеча у Кавказских гор и на подступах к матушке-Волге.

— Волгу не отдадим,— зло говорит сержант Голубков.— Волга — Россия.

— И старшая сестра нашей Камы,— поддерживает товарища Ипатов.

— Верно, Миша,— сестра. Так же как твой Ижевск — брат моей Костромы.

Дороги, дороги. Думы, думы. Тоскует сердце. Клокочет кровь.

В вагонах узнаем об упразднении в армии института комиссаров.

Около Калинина пересекаем Волгу. Попадаем второй раз на станцию Бологое. Значит, катим по старой дорожке. Опять туда же, к своим «хорошим знакомым». И то сказать — не мешает свести счеты, получить должок.

Второго ноября наши оставили Нальчик. Хочется крикнуть: хватит, дальше некуда.

Вижу хмурого капитана Поздеева. Деятелен Засовский. Неутомим комдив. Как всегда, тороплив и беспокоен капитан Васильев.

Совсем другой — командир 1190 стрелкового полка майор Прокопий Филиппович Корниенко. Молчаливый украинец. Твердая походка. Рубленые фразы. Внимательный взгляд.

— Без паники. Спокойно. Торопятся при ловле блох.

И не похожий на него — командир 1192 полка, пожилой, толстый говорун Курташов.

— Товарищи. Выше бдительность. От нашей бдительности зависит...

А третий, Хейфиц, рыжий, с веснушками, сугубо гражданский человек.

Выгружаемся в Андриаполе. Здесь похоронен наш дорогой военком Кожев. Это недалеко от Нелидова. Сколько раз зимой мы слышали название этого города. Произносили то с надеждой, то с горечью. Нелидовский коридор. Теперь немцы отсюда потеснены.

Двадцать пятую годовщину Октября встречаем на марше. В прошлом году в это время тоже были в дороге. Идем вдоль Западной Двины. Мороз. Явное дыхание близкой зимы. Мы в ботинках и сапогах.

Ночные переходы. Редкие привалы — в сараях и банях. Для всех в деревнях не хватает места.

Костры разжигать не разрешается. Забираемся по три-четыре человека в солому. Это похуже, чем марш по вологодским деревням. Там хоть мылись в печке, а все-таки были в тепле.

Принимается решение — двигаться более рассредоточенно, чтобы в одной деревне не скапливалось слишком много подразделений. Это спасает положение.

Зато стали теряться походные кухни. Солдаты то без завтрака, то без обеда. Ждать нельзя, надо шагать. Приходится обращаться к местным жителям.

А места эти недавно освобождены от немцев. Везде следы разрушения и разбоя. Вместо стекол — фанера. Вместо хлеба — картофельные лепешки. Зато работают школы. Тоже без окон, без парт, без классных досок, без тетрадей, но работают. Огрызок карандаша — на десять человек. Пишут на газетах.

Наши дарят учительницам и ребятишкам свои запасы канцелярских принадлежностей. В знак благодарности — чугун горячей картошки в мундире.

В одной избе за эту картошку получили выговор. Наши солдаты сидели за столом в большой комнате, а в соседней, маленькой, оказался какой-то интендант, старший лейтенант по званию. Одет как на парад. Из-под гимнастерки виден пуховый свитер. На груди — два ордена и две медали, знаки ранения. На ногах новенькие черные чесанки.

Интендант был навеселе. Сыт и благодушен. Увидел чугун картошки и сказал пискливым голосом:

— Значит, обираем мирное население.

— Нам дали,— ответил за всех сержант Голубков.

— А может, вам пол-литра поставить, героям-воякам?

— Это уж вы лопайте.

— Что значит: лопайте? С вами разговаривает офицер.

— А с вами солдаты Красной Армии.

— Встать!

Интендант схватился за кобуру. Хозяйка-старушка запричитала молитву. Ее молодая дочь сделала удивленные глазки. Солдаты встали. Встал и Голубков и, подняв с лавки автомат, направил на интенданта.

— Руки вверх!

— Но, но, но!

— Руки вверх, дезертир!

Или голос, или вид сержанта подействовал на интенданта. Он побледнел, затрясся.

— Да что вы, ребята, я же пошутил.

— Пошли.

В деревне оказались капитан Коровин и старший лейтенант Некрасов. Они проверили документы интенданта. Действительно, оказался дезертиром. Три месяца после выздоровления в госпитале болтался в при-

фронтовой полосе под видом интенданта-заготовителя. Ордена и медали ворованные.

— Как ты, Алеша, учуял? — удивлялся Ипатов.

— Я знаю таких,— уклончиво ответил Голубков.— Теряться только не надо перед ними.

А Коровин, пожав Голубкову руку, сказал:

— Молодец, сержант. Поступай так и дальше.

Марш продолжался. В одной из деревень догнали полевой госпиталь. Оказался наш, удмуртский. Хорошо знакомые врачи-земляки Борис Николаевич Мультановский и Лина Григорьевна Векшина.

Радостная встреча. Бесконечные расспросы. Особенно много у меня общего с Линой Григорьевной, нашей удмуртской поэтессой Ашальчи Оки. Еще будучи студентом, я делал в Ленинграде доклад о ее творчестве. Профессор похвалил. Уже тогда имя Ашальчи было известно за пределами республики. А сейчас она, как и все, была воином.

Встреча с врачами опять взбудоражила мои воспоминания о доме. Как-то там жена и сын.

В дороге мы узнали, что, наконец, немцы под Сталинградом остановлены. Идут кровопролитные бои без успеха для противника. Значит, со дня на день жди перемен к лучшему. Черт возьми, может, мы опять пойдем на развитие прорыва. Вот здорово будет сыграно.

— А вы не говорите «гоп», пока не перепрыгнете,— советует бойцам командир взвода младший лейтенант Владимир Зудилкин.

Он похож на монгола, этот мой новый земляк, прибывший в дивизию из военного училища. Спокоен, вежлив, исполнителен, заботлив.

— Так все равно же на днях должно начаться,— разговаривает с младшим лейтенантом командир отделения Георгий Тетерин.

— Должно, это верно,— соглашается Зудилкин.— Только не надо кидать шапки вверх.

— А я подкину, если фрица турнут от Волги.

— Подождем, Гоша, подождем.

Дивизия вышла в район Великих Лук. Вон оно, оказывается, куда топали. Недалеко от Белого и Сычевки. Только здесь нет лесов. Кругом балки и высотки.

Объявили: дивизия входит в состав пятого гвардейского корпуса генерала Белобородова. Рядом с нами еще две дивизии, как и корпус, гвардейские. Это вселя-

ет в нас гордость. Нам доверяют быть на главном направлении, на нас надеются.

Полки и батальоны готовятся к выходу на исходные рубежи, а пока два-три дня располагаются где придется. Дел — невпроворот. Мороз загнул под двадцать. Нам выдают теплое обмундирование. Стараются повара — кормят до отвала. Появились заветные сто граммов.

По землянкам, сараям, погребам, где ютятся солдаты, пошли политработники и командиры. Вместе с офицерами штаба вышел и комдив. Надо передать дивизии радостную весть: 19 ноября, в четыре часа утра, наши войска перешли в наступление у Сталинграда. Враг отброшен на 60—70 километров.

Не приказано кричать «ура». Солдаты выражают чувства по-своему: приплясывают, крякают от удовольствия, хлопают друг друга.

— Хорошо! Вот теперь подолбаем и мы,— говорит за всех Алексей Голубков.

— «Иваном-долбаном», да? — уточняет Михаил Ипатов.

— И «иваном», и «катюшей», и «андрюшей» — всем, чем можно,— смеется коренастый волгарь.— Дадим прикурить фрицу.

И говорят, и говорят солдаты. И дразнят себя, подзадоривают, разжигают и без того непотухшую ненависть. Им теперь не до сна, не до писем, не до вздохов. Опять начинается боевая страда, но уже не такая, как в прошлую зиму.

У СТЕН ДРЕВНЕГО ГОРОДА

Доверие Родины

Дивизия живет сталинградским настроением. В балках и за высотками идет подготовка к наступательным боям. Офицеры практикуются на ящиках с песком. Всем командирам, вплоть до взводных, выдали карты Великих Лук.

Агитаторы полков и политотдела дивизии проводят в подразделениях беседы. Городу, раскинувшемуся перед нами на ровном плацу, без малого восемьсот лет. Он ровесник Москвы, был неоднократным ее защитником от нашествия чужестранцев.

Старина осталась в городе до наших дней. На западной его окраине крепость, окруженная вала-

ми. В городе девять церквей, два монастыря, каменные торговые ряды. С севера на юг он разрезан рекой Ловать.

Все каменные здания города во главе с крепостью превращены немцами в опорные пункты с обязательной круговой обороной и приспособлены к ведению уличных боев. Всюду — проволочные и противотанковые заминированные заграждения. Траншеи по обоим берегам Ловати. На окраине города — узловая железнодорожная станция. Передний край противника выступает на пять-шесть километров от города. Он проходит по высоткам и деревням.

Всю эту сложную оборону города и прилегающего к нему района несет 83 пехотная дивизия гитлеровской Германии под командованием генерал-лейтенанта Шерера. Части дивизии составляют и гарнизон города. Он усилен артиллерийскими дивизионами, охранными, саперными, разными специальными частями. Всего в гарнизоне одиннадцать тысяч человек. Начальник — подполковник барон фон Засс.

Великие Луки прикрывают железнодорожный узел Новосокольники, связанный с Прибалтикой, Ленинградом и центральной группой немецких войск. Таким образом, они находятся в центре оборонительного рубежа противника: Витебск — Дно — Ленинград.

Обо всем этом командир дивизии знал и раньше, до прихода его частей под стены древнего города. Сейчас, уточнив все детали в разведотделе корпуса, он получил ясную картину, с каким противником ему придется встретиться.

Сорок два года было полковнику Александру Львовичу Кронику. С восемнадцатого года в армии. С девятнадцатого — в рядах Коммунистической партии. Долго служил в кавалерийских и пограничных частях. Учился. Вел преподавательскую и штабную работу. Командовал полком в финскую кампанию. Но такой сложной задачи до сих пор не имел.

Не трудно представить состояние уже не молодого человека, пусть кадрового военного, но все-таки прежде всего человека. Ему доверялись тысячи жизней, поручалось выполнение такой боевой задачи, значение которой было трудно переоценить. Успешное завершение ее прославило бы нашу армию в веках. Взятие Великих Лук открывало нам путь на Ленинград и в Прибалтику.

Эти мысли все дни, после выхода дивизии на исходные рубежи, не давали покоя, будоражили Кроника. Он подолгу стоял на наблюдательном пункте, всматриваясь через бинокль в большой и таинственный город. Сумеет ли его дивизия выполнить боевую задачу? Не посрамит ли она репутацию так называемого ударного кулака, завоеванную в тяжелых боях прошлой зимой?

Она и теперь выдвинута на передовые рубежи. Вместе с 381 и 257 стрелковыми дивизиями она должна принять участие в окружении великолукской группировки врага и ее уничтожении. Трем дивизиям и стоящему наготове во втором эшелоне эстонскому корпусу предстоит примерно делать то же самое, правда, в миниатюре, что делают наши войска сейчас в нижневолжских и донских степях.

В задуманной операции первый удар будет нанесен с юга. Войска должны прорвать фронт, выйти на станцию Остриань, овладеть озерами Кислое, Бутитино и идти к Новосокольникам. Наша дивизия будет действовать на правом фланге корпуса, пойдет на северо-запад, далее на север, соединится с 381 дивизией полковника Маслова, чем завершит окружение великолукской группировки противника.

Это — первый этап операции. За ним должен начаться главный — взятие города. Оба этапа будут сопряжены с постоянными и, надо полагать, тяжелыми боями на внешнем кольце окружения, которое будет существовать вплоть до падения Великих Лук. Только после этого мы получим возможность повернуть штыки на запад.

Дни и ночи перед наступлением. Сколько они сжигают нервов. Скольких заражают бессонницей. Все висит на волоске — терпение и сознание. Не дать порваться этому волоску, не допустить перенакала чувств, а открыть им отдушину в самую последнюю минуту — великое военное искусство.

Такое состояние переживала дивизия в третьей декаде ноября сорок второго года, расположившись на юго-восточных подступах к Великим Лукам, в Булыгинском лесочке, прозванном остряками Булонским лесом.

Крепчали морозы. Утром над городом в ясном, как стеклышко, небе поднимались тысячи дымовых столбиков — немцы топили печи. Столбики быстро таяли, вызывая у наших солдат зависть и злость.

— Вот сволочи, разлеглись, как у себя дома,— ругал-

ся Алексей Голубков, ползая по снегу с катушкой провода.

Рядом с ним был Михаил Ипатов. Связисты всегда работают парами. В исключительных случаях на ликвидацию повреждений выходят и поодиночке.

Провода требовалось километры. Он беспрестанно перетаскивался с места на место. Шла активная и беспрерывная разведка, и везде за «следопытами» шли связисты.

Голубкову нравилась его военная профессия. Он даже гордился ею: по его проводам разговаривали генералы.

— Здорово! — восхищался сержант.— А раньше, на действительной, не любил катушки.

— А я был ординарцем командира,— делился прошлым Ипатов.

— Собачья должность,— заключал Голубков.

— Почему ты так нехорошо думаешь?

— Не люблю подлизываться.

— Зачем лизать? Помогать командиру.

— Какой командир.

— У меня хороший был командир. Никогда не ругался.

— Ну, тогда другое дело. Как Петька у Чапая.

— Вот, вот, Петька. Разве плохо?

Так они ползали днем и ночью, два неразлучных товарища, с каждым часом привязываясь друг к другу все крепче. Их посылали на самые трудные участки, беспрерывно обстреливаемые вражескими минами, и опытный связист Степан Некрасов говорил о них:

— Если бы в каждом батальоне и дивизионе иметь таких орлов, одними проводами запутали бы немцев.

Двадцать четвертое ноября — исторический день в жизни дивизии. В одиннадцать часов утра после артиллерийской подготовки наши полки пошли в наступление. Впереди холмы и высотки. Где-то за ними, севернее — Баталиха, станция Воробецкая, деревни Шелково и Ширипина, гора Велебецкая, железная и шоссейная дороги. А до них вот эти чертовы холмы, словно вспузырившие землю. Если бы их не было, все лежало б как на ладони. Игра пошла бы в открытую. А сейчас...

Началось настоящее, по всем правилам наступление. Торопили штабы корпуса и армии, нажимала Москва. Да и самой дивизии не терпелось рвануться вперед:

чем мы хуже тех, что окружают и уничтожают врага на юге.

Многим помнилась атака на Сычевку прошлой зимой. Не удалась тогда атака. Враг прижал нас к снегу и не давал поднять голову. Неужели повторится то же самое и сейчас?

Сомнение — плохой спутник в наступлении. Его не было у наших солдат и офицеров. О Сычевке думали, может быть, лишь некоторые командиры подразделений. И опять исходя лишь из предосторожности.

И она пригодилась. Первые же сотни метров нашего продвижения вперед были встречены ураганным, главным образом, минометным огнем многоствольных «ишаков». Так прозвали наши солдаты новые немецкие минометы за противный шакалий вой их чушек, страшно неприятно действующий на психику.

Сейчас «ишаки» выли особенно свирепо и дружно. Пришлось их усмирять огнем гвардейских минометов. Но и это не достигало цели — «ишаки» были надежно защищены обратными склонами холмов.

Вот когда настал черед действовать мелким штурмовым группам в обход вражеских гарнизонов. Там, где заранее придали значение этим группам, дело пошло. Бойцы тащили на лыжах станковые пулеметы, ящики с гранатами, сами были в маскхалатах. Они скрытно подкрадывались к холмам, подползали к ним под огнем наших «катюш» и брали немцев в клещи. Бой, как правило, скоротечный, обходился нашим почти без потерь.

Но так получалось не у всех. Там, где не были отработаны приемы внезапного нападения, искусственно созданные группы терпели жестокое поражение. Командиры стрелковых подразделений сваливали свою вину на артиллеристов. Так, в частности, стал поступать с первых же минут боя командир полка Курташов. Он начал звонить в штаб дивизии:

— Прошу огня, артиллеристы спят.

— Вы получили положенное, наступайте своими силами,— предлагал начальник штаба дивизии майор Тур.

— Попробуйте вы на моем месте.

— Вам приказывают.

— Я доложу командарму.

Факт недопустимый в наступлении. Бессилие и трусость прикрывались демагогией. И она, демагогия, вред-

нейший человеческий порок вообще, а у военных особенно, жестоко мстила ее авторам.

Полк Курташова не имел успеха. Топтался на месте и полк Хейфица. И только третий полк майора Прокопия Корниенко, умело маневрируя людьми и огнем, поддерживая тесную связь с походной артиллерией, смело продвигался вперед.

Комдив и военком, находясь на наблюдательном пункте, вспомнили свой недавний разговор о штурмовых группах, о пререканиях командира полка Курташова.

Полковник Кроник вскипел, что с ним бывало в самых исключительных случаях. Он взялся за телефон, передал Курташову об успехах соседнего полка и в заключение приказал:

— Учитесь у Корниенко. Меньше болтайте. Через час обеспечьте взятие высоты.

А командующего артиллерией дивизии попросил:

— Вам придется взять под свое наблюдение Курташова.

Продвигаться по полю боя можно было только пешим. И то по ложбинкам и склонам холмов. Майору Засовскому вспомнились бои под Сычевкой. И он шел в полки и батальоны, как бывалый.

Он не умел ругаться, культурный и образованный майор. Он умел только смотреть собеседнику прямо в глаза. Так посмотрел он и на командира полка Курташова, когда появился на его НП.

С наблюдательного пункта полка, по существу, ничего не просматривалось. Место было выбрано явно непригодное.

— Где находятся батальоны? — как всегда тихо спросил командующий артиллерией.

— Должны быть здесь,— ткнул толстым пальцем в карту командир полка.

— Должны. А на самом деле?

— Связь порвана.

— Чего же вы сидите?

— Жду.

Майор Засовский печально улыбнулся и бросил на Курташова тот самый взгляд, перед чистотой которого не выдерживал ни один, даже самый непорядочный офицер. Не выдержал его и Курташов.

— Разучился, видно, воевать,— признался он, потупив глаза.

— А может быть, и не учились?

— Почему же...

— Идемте, майор, в батальоны.

Злополучную высотку, которая мешала не только атакующему полку, но и его соседям, вырвавшимся вперед, все-таки удалось взять. Она удивляла аккуратностью и прочностью инженерного оборудования. В этом нельзя было отказать немцам. Засовский обратил на это внимание Курташова. Тот, оправившись от первого потрясения, опять обрел бравый вид бывалого вояки и, нимало не смущаясь деликатного майора, решил показать свою национальную гордость.

— Нам фашистское не указ.

— Я говорю об инженерном искусстве,— поправил Засовский.

— Не вижу ничего особенного.

— Стыдитесь, товарищ командир полка.

А день уже клонился к концу. Итоги наступления были весьма неутешительные. «В этом виноват и я»,— думал майор Засовский, направляясь из полка Курташова к артиллеристам.

Новые встречи подняли настроение майора. Он выслушал интереснейший анализ дня, сделанный весьма эрудированным командиром дивизиона капитаном Поздеевым.

— У нас нет дружбы с пехотой,— говорил капитан.— В калининских лесах, как правило, действовали разрозненно. Это воспитало анархию у некоторых командиров стрелковых подразделений. В здешних условиях надо приближаться к высоткам вслед за артогнем, а не ждать, когда он кончится. Батальоны этого не делают, а когда поднимаются в атаку, оправившийся противник прижимает их огнем.

— Правильно рассуждаете, капитан,— согласился майор.

Он, как всегда, был доволен своим любимым помощником, с которым был неразлучен с самого формирования дивизии.

Наступила ночь. Первая ночь после наступления. Ночь раздумий и тревог. Ночь суровой критики ошибок. Ночь собирания сил.

Опять крепчал мороз. Над головой висело звездное небо. Изредка рвались снаряды и мины. Отправляли в медсанбат раненых. Хоронили погибших. Подвозили к

передовой боеприпасы и горячую пищу. Заменяли выбывших командиров.

Все шло своим чередом. Только плохо было на душе у командира дивизии. Где и в чем он ошибся? А может, и не было никакой ошибки? Обыкновенные издержки войны. Только лучше бы их было поменьше. Нам еще драться и драться. Дорог каждый человек.

Смелые ведут

В первый день наступления не имел успеха и весь гвардейский корпус. Залегли соседние дивизии. Мы наткнулись на крепкую оборону и хитрую тактику врага.

Была произведена срочная перегруппировка сил, батальоны разбиты на мелкие группы, пушки выведены на прямую наводку. Это был и риск, и расчет.

Командующий армией генерал Галицкий объезжал дивизию за дивизией. Собственно, даже не объезжал, а обходил, потому что машина была куда более заметной мишенью, чем человек. Так он в сопровождении небольшой группы офицеров появлялся в ночь-полночь на НП дивизий и еще раз все уточнял и выверял.

По примеру командарма поступали командир корпуса и комдивы. Они пропадали в полках. Кронику определенно нравилось бывать в 1190 стрелковом полку у майора Корниенко. Он никогда не встречал здесь ни уныния, ни сомнений. Командиры как на подбор. Что сам майор, что его заместитель по политчасти, совсем молодой капитан Никита Рыжих, что парторг Павел Наговицын, что начальник штаба Матвей Кусяк.

А погода неистовствует. Воет поземка, воют пули. Солдаты в снежных траншеях. С ними командиры. И ничего, все веселые, шутливые, озорные. Забегут на минуту в блиндаж, только что отбитый у немцев, хватят кружку кипятку, спросят и выслушают командира полка и опять во мглу.

И это все в подражание майору Корниенко. Это его школа, скромного и сильного украинца. Это он, молодой коммунист, спаял свой интернациональный полк из русских и удмуртов, украинцев и белорусов, татар и казахов в дружную, боевую семью.

Вот и после первого неудачного дня майор, собрав свой небольшой командный состав, придумал новое распределение сил.

— Не гоже,— сказал он,— руководить в общем и целом. Так ничего не увидишь и за всем не уследишь. Давайте на эти дни, пока деремся за высотки, окружаем немцев, будем все и командиром полка, и замполитом, и парторгом. Мы же коммунисты. Возьмем каждый на себя батальон и поклянемся отбить хотя бы по два холма и по две деревни.

Наверное, это была самая длинная речь Прокопия Корниенко за всю его тридцатишестилетнюю жизнь. Его помощники горячо поддержали эту речь, а парторг Павел Алексеевич Наговицын добавил:

— Мы так под Сычевкой действовали.

— Правильно. Традиции дивизии надо сохранять,— подтвердил Корниенко.

— И вообще, поменьше болтать и размахивать руками,— высказался горячий, уже обстрелянный в боях Рыжих.

— То тоже верно,— усмехнулся майор.— А если размахивать, то только гранатами.

Корниенко не любил по каждой мелочи обращаться в штадив. Больше того, он почти никогда не звонил «хозяину» первый. Разве только с радости, при очередном успехе. Не доложил он и о последнем своем решении: рассредоточении командного состава по батальонам и мелким штурмовым группам.

Ночь. В это время всем людям на земле положено спать. Всем, только не фронтовикам, и особенно в ста метрах от фашистов. Не спала в ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое ноября и наша дивизия.

Особенно много хлопот навалилось на артиллеристов. Подвоз снарядов прямо-таки выжимал последние силы. Днем нельзя высунуться не только с машиной, но и с повозкой: обязательно попадешь или под снаряд, или под бомбу.

Потерял покой, посерел капитан Николай Прокопьевич Попов, начальник артснабжения дивизии, ижевский инженер-оружейник. Помрачнел и майор Засовский. Может быть, более спокойным выглядел командир артполка Удалов, тихий характер которого никак не соответствовал его фамилии.

Все они по ночам дежурили на переправе через реку Ловать, на время возведенной у деревни Возгрино. Это была, можно сказать, самая главная питательная артерия. День или полтора о ней не знали немцы, но потом засекли и стали методично класть у переправы мины.

Другую строить было некогда, да и негде, приходилось пользоваться пристрелянной. И тут, у шаткого дощатого моста, не раз разыгрывались страшные трагедии.

То, что на войне убивают людей, знают все и, наверное, не удивляются. Другое дело — при каких обстоятельствах погибает человек. На переправе у Возгрино солдаты погибали, как герои.

Шел обоз со снарядами старшины Александра Лекомцева. Шесть подвод, сто двадцать ящиков. Сопровождали обоз командиры орудий, каждый свою подводу. У моста лошадей подстегнули, обоз рассредоточили. Первые подводы проскочили. А последняя...

Снаряд разорвался перед лошадью, сбросив ее с моста. За лошадью свалилась и повозка. Остальные дали ходу — в куче можно погибнуть всем. Отъехали немного под укрытие, и старшина Лекомцев сказал:

— А жалко двадцати ящиков...

— Пропадет добро,— поддакнул командир орудия Михаил Нистулов, молодой учитель из Башкирии.

И вот к мосту, уже разнесенному в щепки, к реке с вывороченным льдом, на котором уже не было ни лошади, ни повозки, подошли пять артиллеристов. Они, не говоря ни слова, скинули чуть в сторонке от бывшего моста полушубки, валенки и опять молча, не сговариваясь, начали нырять в Ловать.

А мороз — двадцать градусов! Подсвистывает ветер. Опять начался артиллерийский налет. Но солдаты, увлеченные адской работой, исполненные великого долга перед своими батареями, перед дивизией, перед всей Родиной, продолжали нырять и нырять.

Поднятые ящики принимал на берегу Александр Прокопьевич Лекомцев, знаменитый усач-старшина, председатель колхоза из Удмуртии. Он тоже забыл об опасности, он тоже увлекся общим делом, как хозяин утонувшего богатства, которое во что бы то ни стало надо спасти.

А снаряды лупят и лупят. Вот один разорвался почти рядом с ныряльщиками. Лекомцев, на миг уткнувшись в береговую щель, поднял голову и насторожился. Ныряло уже не четверо, а трое. Он продолжал принимать ящики у троих. Потом у двоих и, наконец, у одного сержанта Нистулова.

С последних ящиков на снег стекала не обычная, а подкрашенная вода. Вокруг одного замотался кусок ма-

терии, выдранной из солдатской гимнастерки. Все это видел старшина Лекомцев, руки его тряслись, а из глаз текли крупные мужские слезы.

Сержант Нистулов выкарабкался из воды с последним, двадцатым ящиком. Он не нес его, а тащил волоком. Силы его иссякали. Из плеча струилась кровь. Но он полз и полз, замерзший, окровавленный, раздетый человек, полз по снегу, не чуя ни мороза, ни ночи, ни близких разрывов, теряя последние капли терпения и бесстрашия.

Лекомцев, оттаскивавший ящики в укрытие, встретил сержанта Нистулова в десяти метрах от берега. Он бросился к одежде ныряльщиков, принес четыре полушубка и четыре пары валенок, одел одну пару на сержанта, закутал его во все полушубки и потащил к подводам. К рассвету скорбный обоз вернулся в расположение дивизиона, где его встретили командир Григорий Поздеев и новый парторг Степан Некрасов.

До наступления оставались считанные минуты. Выслушав сбивчивый рассказ старшины, приняв меры к спасению сержанта Нистулова, отправив трех солдат на розыски утонувших героев, Поздеев и Некрасов, не имея более ни секунды свободного времени, занялись хлопотами по предстоящей атаке.

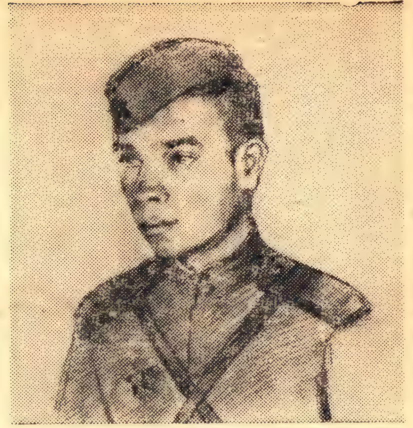
Так не раз бывало на войне. И не упрекайте, люди, в черствости солдат, если им порой не удавалось почеловечески похоронить своих товарищей. Не было ни времени, ни условий — не было ничего даже для проявления соболезнования. Кругом витала смерть, готовая сграбастать каждого, и нужно было брать костлявую за горло ради оставшихся в живых.

Забрезжил второй день нашего наступления. Дело сразу пошло дружнее. С особым неистовством работали артиллеристы, уже узнавшие о ночном происшествии у моста. Смело повели свои батальоны, роты, взводы и штурмовые группы командиры и политработники 1190 стрелкового полка.

Вот уже перерезана железная дорога Великие Луки—Невель. Взята деревня Горушка. Враг выбит с нескольких высоток. Дивизия продвигается на север.

Пехоте помогают танкисты. Настроение изменилось неузнаваемо. Расцвели командиры полков Курташов и Хейфиц. Нет конца бахвальству первого, скромен, но доволен второй.

В. Зудилкин М. Нистулов

Рисунки С. Викторова.

А за всех работает, главным образом, полк Прокопия Корниенко. Умело и бесстрашно действуют его помощники Никита Рыжих и Павел Наговицын. Чудеса смелости творят отделения Николая Романова и Георгия Тетерина, с ходу врываясь со своими противотанковыми ружьями и пулеметами на холмы и высотки. Неважно, что ПТРовцам приходится использовать свои ружья не по назначению, зато ими прекрасно поражаются дзоты противника и бетонированные блиндажи.

В этих блиндажах, оборудованных с немецкой аккуратностью, с картинками из иллюстрированных журналов, с брошенными впопыхах недопитыми бутылками шнапса, бритвенными приборами, губными гармошками, отдыхают по ночам наши солдаты. Им многое удивительно в нравах немцев, многое непонятно, но нравы сами по себе не вызывают негодования, скорее порождают улыбки. Но никто не прощает жестокости и упрямства врага, и если другая высотка слишком долго сопротивляется, ее гарнизону не бывает пощады.

Среди пехотинцев, в самых что ни на есть первых рядах постоянно крутятся связисты — артиллеристы Голубков и Ипатов. Они всегда с наблюдательным пунктом батареи или дивизиона. Оба уже успели обзавестись трофеями, раздобыли немецкие зажигалки, перочинные ножи, портсигары, ремни, а Голубков даже нашел две пары войлочных бурок — себе и товарищу.

На эти мелочи никто не обращал внимания. Не до этого. Только майор Корниенко изредка и как бы между прочим скажет солдатам:

— Зажигалки берите, только с барахлом не марайтесь.

А Степан Некрасов отрубает так:

— На кой черт нам фашистские безделушки. Бросьте этим морочить себе головы.

Наступление продолжается. Рядом двигаются дивизионы Поздеева и замполита Коровина. Сближаются и стрелковые полки. Берется штурмом станция Воробецкая. Перерезается вторая железнодорожная линия Великие Луки — Новосокольники.

Показывая пример отваги, с бойцами батальона передвигался агитатор политотдела дивизии Владимир Фиников. При штурме высоты Велебецкой он был тяжело ранен. На место его был переведен из полка Борис Векслер.

Весь личный состав дивизии знает, что началось окружение врага. Борьба переносится на два фронта — мы оказываемся в коридоре между внутренним и внешним кольцом окружения. Медлить нельзя. Надо быстрее смять все очаги сопротивления.

Накал борьбы на самой высшей точке. Умело продолжает действовать полк Корниенко. Не отстают от пехоты ни на шаг артиллеристы.

Двадцать девятого ноября 1190 стрелковый полк вышел к деревне Рыбики у юго-западных подступов к Великим Лукам. Его левофланговый батальон к вечеру у деревни Шеболдиной связался с соседней 381 стрелковой дивизией. Кольцо окружения замкнулось. Командир дивизии немедленно доложил об этом генералу Галицкому и с трепетом выслушал его многозначительное «добро».

Первые герои

Подумать только, мы — участники окружения одиннадцатитысячного гарнизона немцев! Менее чем полгода назад враг окружал нас. Мы уходили от ловушек, маневрировали, терпели сверхчеловеческие лишения и все-таки сохранили свои силы. Пусть попробуют теперь сделать то же самое фашисты у стен Великих Лук. Не удастся. Мы повторим здесь, на севере, опыт наших сталинградских братьев. Большой и малый котел для врага обеспечен.

Но не говори «гоп», пока не перепрыгнешь, любит предупреждать командир взвода младший лейтенант Владимир Зудилкин. Он дошел вместе со всеми до последнего метра окружения. Почерневший от грязи и дыма, небритый и чертовски усталый, но по-прежнему подтянутый и спокойный.

— Как, Володя, настроение? — спросил я земляка на первом привале после боя.— Что пишут?

— Велят быть героем,— простодушно ответил молодой офицер.

— Мать пишет, отец?

— И мать, и отец, и... девушка.

— Невеста?

— Ага.

Он слегка смутился, этот смирный парень с монгольским разрезом глаз. До этого он успел побриться, пришить к гимнастерке чистый воротничок и теперь требовал порядка от солдат. Бойцы его слушались, его нельзя было не слушаться, настолько честным и чистым был этот комсомолец.

А немцы, очухавшись от передряги, взвесив свое пиковое положение, начали атаковать наши позиции в лоб и в спину. Командир дивизии отдал срочный приказ — покончить с противником в своем тылу. Он находился в трех пунктах: в деревнях Ширипина и Шелково и на высоте 155,9.

Перед глазами был все тот же город, уже достаточно изученный за последние десять дней. Только теперь он просматривался не с восточной, а с западной стороны. Ясно выделялась на общем сером фоне черная крепость с высокой колокольней.

И еще круто изменилась погода — началась оттепель. Тепло будто было к лучшему, а на самом деле шло во вред. Если бы мороз сбавил чуть-чуть, а тут вдруг так развезло, что дороги местами превратились в месиво. А в балках, по берегам рек и озер даже выступила вода. Это было очень некстати дивизии, только недавно обутой в валенки.

Но делать нечего. Переобуть тысячи человек — не пустяк. Кожаная обувь увезена в тыл. Приходилось шлепать в валенках.

В такой обстановке началась атака на последние опорные пункты противника в тылу дивизии. В ней отличились сотни солдат и офицеров. Отличился и взвод

младшего лейтенанта Владимира Зудилкина, которому было приказано взять высоту 155,9.

Молодой офицер воспринял доверие командования дивизии как награду. Он и не подумал хотя бы на миг усомниться в успехе предстоящих операций, а, выслушав командира полка, по-солдатски выпрямился и отчеканил:

— Есть взять высоту 155,9. Разрешите выполнять приказ.

— И приказ, и просьбу,— вздохнул майор Корниенко.— Я тебе верю, дорогой Володя.

Это было в конце сорок второго года, в самом начале наших массовых наступательных рейдов. Мало тогда у нас было опыта блокировки и высоток, и деревень, и городов. Вышибать врага с ходу кое-как умели, а чтобы брать в клещи, за горло, заставлять капитулировать или же начисто уничтожать приходилось редко. А тут предстоял именно такой случай.

Зудилкин берет не взвод, а роту. Ему доверяют. Роте придают расчет полковой 45-миллиметровой пушки и отделение противотанковых ружей.

Немного подумав, отойдя от старших офицеров, Зудилкин пропал на какое-то время. Вернулся строгий и еще более подтянутый. Опять встал перед майором по стойке смирно и по форме доложил:

— Разрешите обратиться к вам по личному делу.

— Обращайтесь,— кивнул Корниенко.

Младший лейтенант вынул из нагрудного кармана гимнастерки сложенный вчетверо листочек ученической тетради и, протягивая его майору Корниенко, сказал:

— Вот. Я написал заявление о приеме меня в ряды коммунистов.

Скуластое лицо, черные, широко открытые глаза командира полка разом изменились, и он, принимая листок бумаги, произнес дрогнувшим голосом:

— Это не частное дело, товарищ младший лейтенант. С удовольствием передам ваше заявление по назначению.

— Спасибо,— смутившись и заволновавшись, вымолвил Зудилкин.

— Обязательно передам,— повторил Корниенко.— И напишу свою аттестацию.

Рота выступила немедленно. Майор Корниенко остался наблюдать за ходом боя. Он, как и предполагали, разыгрался молниеносно. Сразу с трех сторон. Стрелки

шли за огневым валом пушек и противотанковых ружей. В оставленные коридоры вели огонь два станковых пулемета.

А остальное продолжалось на самой высотке. Началась рукопашная схватка, где уже не действовали ни немецкие «ишаки», ни танки, ни самолеты, а друг против друга стояли только ловкость, сила, смекалка.

Зудилкина ранило в шею. От крови на лопатках стало тепло. Чуть-чуть закружилась голова и опять стала светлой. Он ни к чему не призывал своих солдат, не отдавал никаких приказов, а просто дрался, как и все, может быть, лишь немножко проворнее.

Это видели бойцы. Им было легко с таким командиром и воевать, и умирать без страха и упрека.

Зудилкина ранило второй раз, в руку. Он выронил на миг автомат. Обернулся к ординарцу:

— Не отходи. Метни гранату за тот выступ.

Ординарец метнул. Раздался взрыв, а за ним вопль. На него бросился дважды раненный младший лейтенант. В траншее валялись четверо гитлеровцев, один был еще живой. Он тянулся к пистолету. Зудилкин выстрелил в немца и побежал дальше.

Потом, когда вся высота была очищена и уцелевшие немцы, утопая в снегу, стали убегать в сторону Новосокольников, Зудилкин выпустил в воздух зеленую ракету. На нее немедленно ответили наши артиллеристы, добивая немцев и отрезая им пути подмоги высоте.

Все это продолжалось немногим больше часа, и все это время следил за боем майор Корниенко. А когда увидел свет ракеты, передал по телефону комдиву:

— Высота 155,9 пала.

— Еду,— бросил одно слово Кроник, перестав разговаривать.

Через двадцать минут у безопасного подножья высоты заурчал вездеход. Из него по-молодому выскочил комдив. Ему навстречу шел перевязанный младший лейтенант. Полковник без слов обнял его, трижды по-русски расцеловал и, немного отойдя от героя, рассматривая его удивленно, воскликнул:

— Батыр! Сегодня же пошлем телеграмму на родину.

— Служу Советскому Союзу! — отрапортовал младший лейтенант.

— Родина гордится такими героями.

С этими словами комдив привинтил к гимнастерке молодого офицера орден Красной Звезды и опять обратился к Зудилкину:

— Вечером представь список товарищей для награждения.

— Будет сделано, товарищ командир дивизии.

— А теперь докладывай, как здоровье?

— Здоров.

— А ранения?

— Пустяки.

— Драться можешь?

— Могу.

— В таком разе получай батальон, товарищ лейтенант, и веди вон за ту высоту перед проклятой Ширипиной.

— Есть принять батальон!

Комдив опять подошел близко к офицеру, только что повышенному в звании, положил руку на его плечо и глухим от волнения голосом сообщил:

— А заявление твое мы передали парторгу полка. Дали рекомендацию. Считай себя коммунистом.

— Спасибо от души, товарищ полковник,— вздрогнул Володя Зудилкин.

— Воюй, товарищ лейтенант. Нам нельзя ждать.

Зудилкин повернулся к уже подошедшим рядам новых бойцов и, попросив разрешения комдива, подал команду:

— Батальон, смирно! Равнение на середину. Слушай командира дивизии.

В новом бою, за вторую в тот день высоту, лейтенанта Владимира Зудилкина не стало в живых. Высота была взята. За ней пали деревни Ширипина и Шелково. В этих боях противник потерял до тысячи убитыми и ранеными. Наши подразделения захватили богатые трофеи и в том числе девятнадцать артиллерийских орудий, три шестиствольных миномета, три танка, пять тягачей, автомашины, радиостанции, пулеметы... На этом закончился первый этап боев за Великие Луки, продолжавшийся девятнадцать дней. Тыл дивизии был обезопасен. А вот парня с монгольским разрезом глаз с берегов красавицы Камы дивизия лишилась. Это была большая потеря. Герои рождаются не в каждом бою. Они гордость народа и армии. Таким остался в бессмертной славе дивизии и офицер-коммунист Владимир Зудилкин.

РЕВАНШ ЗА СЫЧЕВКУ

Наука ненависти

С падением последних высот в тылу дивизии мы получили возможность завязать бои непосредственно за город. Правда, это осложнялось непрекращающимися многочисленными попытками противника деблокировать окруженный гарнизон. Нам все еще приходилось воевать на два фронта.

Но боевой дух дивизии был неумолим. Он во многом отличался от того настроения, каким мы жили прошлую зиму в калининских лесах. Мы обрели боевой опыт, были лучше вооружены, обеспечены питанием и обмундированием, но главное — мы постигли науку ненависти. Никто из нас не мог предполагать потенциальной силы этой науки, пока она не овладела нашими сердцами. Разумом мы ее понимали и ранее, но душой восприняли только после смертельных боев, после многочисленных потерь своих товарищей, после всего увиденного и услышанного в недавно оккупированных городах и селах.

С этой непреклонной социальной ненавистью мы и пришли под стены древнего русского города, чтобы дать ей волю выплеснуться из наших существ и обернуться победой над врагом. Что нас будет ждать потом, все ли мы останемся живы после боев за Великие Луки, мы тогда не думали. Перед нами была поставлена большая и ответственная задача — Великие Луки были не Сычевкой.

И все-таки о Сычевке мы думали постоянно. Слишком крепкими нитями памяти, боевого братства, землячества мы были связаны с теми местами. Там остались тысячи наших друзей и товарищей, остались кусочки наших сердец, и ничем уже до поры до времени, во всяком случае, до окончания войны, нельзя было заполнить эти пустоты.

В нас кипела ненависть. Она уже принесла нам под Великими Луками первые победы. Ненависть вела роту, а потом батальон Владимира Зудилкина на безымянные ощерившиеся огнем высоты. Ненависть же руководила подвигом пятерых артиллеристов у моста через Ловать в ту метельную морозную ночь, когда на огневых позициях ждали как спасение ящики со снарядами.

С конца ноября и примерно до пятнадцатого декабря у нас шла перегруппировка сил. Дивизия получала

пополнение, готовилась к штурму города. Частные бои на окраинных улицах в счет не шли. То же самое: поиски языков, артиллерийская разведка, огневая дуэль, воздушные налеты с той и другой стороны были лишь ягодками.

Единственно серьезными и опасными оставались бои на внешнем кольце окружения. Тут контратаковали немцы, а мы оборонялись. Нас поддерживали дальнобойные орудия из резерва армии, гвардейские минометы, наши бесстрашные «илы» и «лаги». Это нас спасало.

Но это же нас и торопило. Всем было ясно, что не может долго продолжаться затишье на внутреннем кольце окружения. Хотя враг и был обречен, лишен всякой связи с внешним миром, кроме радио, получал вооружение и продовольствие только на парашютах, он мог причинять нам и причинял немало вреда. Продолжались минометные налеты по пристрелянным площадям. Не прекращались бомбовые удары. Наши передние ряды то и дело прошивались пулеметными очередями.

Надо было торопиться. Кончать с дьявольским мешком, срезать и выбросить злокачественную опухоль, присосавшуюся к нашему телу. Так понимали свою задачу все солдаты и офицеры. Этому учил превосходный опыт наших войск на южных фронтах. От Великих Лук отныне зависело дальнейшее наступление нашей армии на северо-западе, вызволение многострадального Ленинграда.

Я в эти дни часто встречался со своими земляками. Хотя их сохранилось и немного, но костяк дивизии все еще оставался удмуртским. Куда ни зайдешь, обязательно встретишь знакомого: повзрослевшего, посуровевшего, возмужалого.

В начале повествования я только упомянул о лейтенанте Романе Лекомцеве, глазовском рабочем, командире транспортного взвода. Потом он выпал из поля моего зрения. Не рассказывали о нем и земляки. И вот под Луками нас опять свела судьба.

Живым и здоровым оказался Роман Иванович, очень скромный, немногословный человек. Прошел через все передряги, был контужен, терял под бомбежкой лошадей, а все-таки сохранился. Сейчас он занимался тем же: привозил в дивизию хлеб и мясо, крупу и консервы, чай и водку, валенки и полушубки. Привозил в любое время, без перерыва, без ссылок на бомбежки и об-

К. Д. Вячкилев

П. А. Наговицын

стрелы. Получил приказ — дуй, днем и ночью, в метель и изморозь.

— Привык? — спросил я Романа Ивановича.

— Нет,— покачал он головой.

— Не нравится в хозвзводе?

— Не нравится на войне.

— Но ведь домой не уедешь.

— Я не о том. Скорей бы кончать.

Он тосковал по своей мастерской, по своим, как говорил, неотложным мирным делам. У него осталось какое-то незаконченное изобретение, в мастерскую пришли, говорят, новые, чуть ли не автоматические станки — как же там справятся без него. Он часто переписывался с родным городом и, пожалуй, знал об удмуртских новостях больше, чем кто-либо.

— Говорят, в Ижевске театр строят,— сообщал Роман Иванович.— Цирк, говорят. Глазов и Ижевск соединили железной дорогой.

— Не может быть,— не верил я.— До того ли сейчас.

— А вот, понимаешь, строят. Это, по-моему, очень справедливо. Дух поднимает у народа. Веру. Раз театр — войне скоро капут.

Он был прав, этот рабочий-философ. Театр и цирк, как я узнал позднее, были действительно заложены в столице республики. Построена и железная дорога.

Много интересного рассказывал о родном городе Константин Дмитриевич Вячкилев, теперь заместитель командира полка, бывший секретарь одного из райкомов Ижевска. Он передавал, по каким фронтам разбрелись его товарищи, и очень сердился, что некоторые, вполне здоровые, отсиживаются в тылу.

— Я не стерпел да написал одному такому,— рассказывал Константин Дмитриевич.— Вместе работали, чуть ли не дружки. И знаешь что он мне ответил? Говорит, у меня поважнее фронт, чем у тебя. Без меня, говорит, ты бы с голоду подох. Понимаешь, какой фрукт?

Он сердился очень сдержанно, этот вообще сдержанный человек. Только глаза, серые и беспокойные, горели огнем. Вот уж год как воюет он, тоже прошел через огонь и воду, и тоже сохранил чистоту и бодрость духа.

Не унывал и наш ветеран Иван Максимович Бахтин, командующий конницей, как называли его солдаты. Одну «конницу», свою, удмуртскую, ему пришлось начисто загубить в калининских лесах. Там она сослужила нам бесценную службу. Была и тягой, и средством разведки, и шла в котел.

Теперь у Бахтина были новые лошади, кажется, монгольские. Он берег их пуще глаза. Он был влюблен в лошадей, как в сознательные существа, этот необыкновенный ветврач, который за натертую холку какой-либо замухрышистой кобыле мог дать солдату наряд вне очереди.

Сейчас «конница» Бахтина запасала снаряды. Перевозила их из тыла днем и ночью.

— Говорят, будет большой сабантуй,— передавал, как по секрету, ветврач.— Из Великих Лук будут делать маленькие.

О сабантуе разговор шел везде. Да и как его скроешь? Да и зачем скрывать?

Малые сабантуи уже раздавались на окраинах города. Знали о них лучше всех опять «два друга — модель

да подпруга», как успели окрестить бойцы Голубкова и Ипатова. Они не обижались на эту шутку, исправно делали свое дело, а как чуть затишье, свободное время — шасть к немцам. Без шума снимут часового, наделают в блиндаже переполоха, прихватят кое-какое барахлишко, конечно, не забудут про шнапс — и обратно, к своим. Тяпнут малость с успеха, остальное припрячут или товарищей угостят и ждут следующего случая.

— Что-то у тебя глаза красные, Голубков,— заметит заместитель командира дивизиона Коровин.

— Так не спавши же воюем, товарищ капитан,— состроит безвинное лицо сержант.

— Знаю я — «не спавши». Сам пьешь, Ипатова не обходишь, а начальство забываешь.

Голубков расплывается в ангельской улыбке.

— С полным удовольствием, товарищ капитан. Мы думали...

— Замполит не пьет? Ну и правильно думали. Я пью свои сто, и шабаш. И вам советую не перешагивать границы.

— Мы с устатку чуть-чуть.

— Сколько в вещмешке хранишь?

— С литр, не больше.

— Передай санинструктору. Пригодится раненым.

— С полным удовольствием, товарищ капитан.

Таков был Голубков, о котором я уже рассказывал и еще буду не раз возвращаться к нему. Не надо делать о человеке преждевременные выводы, озорство никогда не было большим пороком, хотя не было, может быть, и достоинством.

А наши силы вокруг окруженного врага стягивались и стягивались. Продолжались бои на внешнем кольце. Они были жестокие, противник рвался на выручку котла отчаянно и дерзко. В некоторых местах он уже приблизился к городу на три километра. По рациям шли беспрерывные переговоры генерала Шерера и подполковника фон Засса. Первый успел вырваться из окружения, второй был оставлен в осажденном городе как представитель самого фельдмаршала фон Клюге. Радиоконсультации перехватывались нашими станциями и секреты противника, таким образом, переставали быть секретами.

Обстановка под Великими Луками складывалась весьма острая и серьезная. За ней внимательно следила

Ставка Верховного Главнокомандующего. И вот в один из дней оттуда пожаловал в штаб армии, а затем и в штаб нашей дивизии ответственный представитель — заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Григорий Константинович Жуков.

Известный полководец оказался бывшим начальником и наставником нашего командира дивизии, когда тот еще служил старшиной эскадрона в далекие годы после гражданской войны.

Встреча однополчан была сердечной и трогательной.

— Вот когда я тебя разыскал,— шумел кряжистый, суровый на вид полководец.— Ничего, держишься молодцом. Малость постарел, а есть порох в пороховницах. Докладывай, как готов к штурму.

Штурм города был назначен на двенадцатое декабря, но из-за сильного тумана был отложен. Туман вызывал беспокойство и в штабах армии и фронта, и в Ставке Верховного Главнокомандующего. Подпирали события на внешнем кольце окружения: три километра разрыва — не шутка.

Представитель Ставки вызвал на доклад командующего артиллерией дивизии майора Засовского. Молодой командующий понравился полководцу.

— Что вам надо для успеха штурма? — спросил он майора без предисловий.

— Снарядов,— последовал ответ.

— Сколько?

— По двадцать на ствол.

По широкому лицу полководца пробежала улыбка. Он взглянул на слегка растерянного комдива и опять обратился к майору:

— Почему так мало требуете?

— А потому, что снаряды нужны под Сталинградом.

— Ответ умный. Но мы вам можем дать больше. Теперь можем.

Последние слова полководец подчеркнул. Он коротко попросил доложить о системе огня, о плане штурма, хотя, разумеется, уже прекрасно все это знал. Майор Засовский рассказал с полным знанием дела. Полководец опять остался довольным.

— Хорошо понимаете свое дело,— похвалил он напоследок.— Воюйте на славу, майор.

А оставшись наедине с комдивом, добавил:

— Думающий у тебя офицер, командующий артиллерией. Успех штурма будет обеспечен. Отдавай приказ.

Исторический день И вот наступило утро тринадцатого декабря. Оказывается, в дивизии несколько дней находились московские писатели Александр Фадеев и Борис Полевой. Я об этом узнал только сегодня, увидев их на НП полка Корниенко.

Фадеев — высокий, худой, бледный, с седыми висками, выглядел задумчивым и, пожалуй, даже грустным. Его светлые, как небо, глаза то и дело искали новых людей, меряли их с ног до головы, как бы оценивая, чего стоит человек. В то же время они часто хмурились, от чего, к слову сказать, лицо писателя становилось не суровым, а как бы обиженным. Весь благородный облик Фадеева был полон высоких дум, поэтому, должно быть, он мало двигался, а больше стоял на одном месте и все смотрел и смотрел на хлопоты окружающих его людей. Изредка он перебрасывался словами с Полевым, человеком куда более подвижным и горячим, с черными улыбающимися глазами. Говорил больше Полевой, Фадеев чаще кивал.

Их обоих, как я заметил, интересовал командир полка Прокопий Корниенко, с виду мало похожий на военного. На нем была защитного цвета фуфайка, застегнутая на одну нижнюю пуговицу. Из-под фуфайки виднелся мягкий ворот светло-серого свитера. На голове запрокинутая на затылок шапка-ушанка, на ногах крепкие яловые сапоги. Ни дать ни взять — колхозный бригадир или лесоруб. И карие глаза, спокойные, добрые, тоже совсем не боевые, ничем не выражающие внутреннее состояние человека, через полчаса, а может быть, и раньше принимающего на себя величайшую ответственность.

Полк Корниенко стоял на левом фланге. В случае успеха атаки он первым врывался в центральную часть города, выходил к реке Ловать и имел наиболее реальные шансы на соединение с соседями в юго-восточной части Великих Лук. Поэтому, естественно, и было всеобщее внимание к этому полку и в том числе писателей.

Но Корниенко будто не замечал гостей. Он по-хозяйски, негромко переговаривался с артиллеристами, так же вел себя с комдивом, то и дело вызывавшим полк, разговаривал с заместителем по политчасти и парторгом. Те рвались в батальоны. Сейчас Корниенко удерживал их при себе.

— Вы тут справитесь одни,— умолял командира молодой, красивый Никита Рыжих.

— Сиди пока,— взмахом руки останавливал замполита Корниенко.

— Пусть сидят писаря, я же комиссар.

— Не шуми, не рыпайся.

— Но, Прокопий Филиппович...

Спокойнее вел себя Наговицын. В его поведении было что-то фадеевское. Только он не стоял на месте, а ходил, то и дело зачем-то хватаясь за полевую сумку. Он словно что-то припоминал забытое, светлел, когда нащупывал нужную мысль.

Полк Корниенко поддерживался артиллерийским дивизионом Поздеева. На его НП шла своя жизнь, такая же напряженная и собранная. Наблюдательный пункт — это не штаб. Последние всегда находятся от переднего края в двух-трех километрах. Под Великими Луками они ютились в километре, а иногда и того меньше. Там были свои хлопоты. Уточнялся бой в перспективе: что должно произойти на карте через пятнадцать-двадцать минут после атаки, куда продвинутся наши при успехе, куда им лучше отступить при контратаке. Это было как бы справочное бюро командиров, откуда в любую минуту можно получить выверенное расстояние до цели, точную цифру, название улицы и высотки. В то же время можно получить и совет, предупреждение, ибо бой контролировался не только с НП, но и из штабов.

У артиллеристов за штабами еще огневые позиции. Они укрыты за склонами высоток, в рощицах, замаскированы. От них почти не видно переднего края, и орудия стреляют по целям, которые выбираются по картам. У них есть расчеты, заранее пристрелянные площади, огневые точки противника. Когда начнется артподготовка, им будет приказано с НП по проводам, какими расчетами пользоваться для первых трех или пяти выстрелов, какими для следующих. За разрывами будут наблюдать командиры батарей и командир дивизиона. Последний, как правило, устраивается на НП одной из четырех батарей, выдвинутой на линию главного удара. В нужном случае он всегда через свой штаб может связаться и с наблюдательными пунктами других батарей, ободрить преуспевающих, предупредить ошибающихся.

Постоянная и тесная связь у командира дивизиона с командиром стрелкового полка. Особенно она необходима после начала атаки. Артподготовкой помощь пехоте не исчерпывается. Атака на каких-то участках может

захлебнуться. Из-за трусости взвода или роты этого почти никогда не случалось, но из-за неожиданно ожившего пулемета противника или неподавленного «ишака» солдаты могли залечь. В этом случае на помощь по просьбе командира батальона или полка срочно должны прийти артиллеристы.

Поздеев все это, разумеется, прекрасно знал. Но опыта у него было маловато. Да и откуда ему появиться, когда, по существу, только под Великими Луками дивизия начала воевать по всем правилам военного искусства. Недавнее прошлое больше смахивало на партизанские действия.

Капитан Поздеев по характеру был сродни майору Корниенко. Да и по возрасту, пожалуй, ровесник. Он тоже умел не выдавать внутреннего волнения, оставаться внешне спокойным, даже иногда веселым. Но у Корниенко это получалось лучше, естественнее, по-мужски. Поздеева же выдавала интеллигентность натуры и более нежные, чем у Корниенко, черты лица, похожего то ли на подростковое, то ли на девичье.

Состояние командира дивизиона лучше, чем кто-либо, понимал Степан Некрасов. По манерам и складу характера более решительный и грубоватый, он говорил капитану:

— Ничего, Григорий Андреевич, накроем фрицев по первое число. Это им не Сычевка.

— Очень хочется накрыть поточнее,— вздыхал Поздеев.— Надо взять обязательный реванш.

— Да с придачей.

— У нас люди из Ставки.

— Вчера видел генерала Галицкого.

— И писатели, говорят.

— Ну, писатели, бог с ними.

— Все-таки, если осрамимся...

Человек на войне. Должно быть, не было и не будет расписанных правил, как ему вести себя перед наступлением. Каждый ведет себя по-своему. Раньше, говорят, перед атакой надевали новое белье. Я таких суеверий в своей дивизии не примечал. Не видел и солдат, вспоминавших бога. Люди вели себя самым обыкновенным образом, как, скажем, перед спортивными соревнованиями. Конечно, без песен, без смеха, без болтовни. Разве только какой-нибудь неисправимый балагур оторвет смачную шутку, разрядит на минуту напряжение, и опять все тихо.

Война — работа. Так она воспринималась большинством солдат. Работа тяжелая, опасная. Зазеваешься — можно сорваться, как, скажем, с лесов пятого этажа. По-пустому умереть можно везде, даже в своей квартире, стукнувшись виском или затылком о косяк двери. Умереть с толком, с пользой, ради чего-то большого, бессмертного — другое дело. Поэтому предчувствия смерти ни у кого не было, как не было животного страха, хотя многие через час или даже меньше могли расстаться с этим миром.

Погода похолодала, но туман не рассеивался. На помощь авиации рассчитывать нечего. С утра все ждали, что небо хоть немножко прояснится. Но оно оставалось промозглым.

Наступать в одночасье должны были все дивизии. Ждали сигнала командующего армией. На его НП находился представитель Ставки. Все это еще больше поддерживало боевой дух воинов.

Наступление началось в середине дня. Ждать больше стало невозможно. Немцы вовсю подпирали с внешнего кольца. Еще полсуток промедления — того и гляди кольцо будет прорвано, и тогда в ловушке, между двумя огнями, окажемся мы.

Начали, как сказано, без авиации, с помощью одной артиллерии. Комдив сразу предупредил командиров полков:

— Товарищи, наступает решающий час. Начинаем работать без ястребков, при тумане. Надеюсь на ваш маневр.

Маневр в бою. Маневр солдата и командира. Как он всегда помогал нашим войскам. И наоборот, как жестоко платила за себя схема, слепая вера в первичный приказ. На это и намекал сейчас комдив, нисколько не боясь показаться перед подчиненными несамостоятельным.

Начинались бои за город, за каждую улицу, за каждый дом. Ни один военачальник, самый мудрый и дальнозоркий, не может предусмотреть в деталях, как эти бои будут протекать от начала до конца. Обстановка будет вносить постоянные коррективы, и бой выиграет тот, кто сумеет быстро маневрировать, управлять атакующими сообразно условиям.

Об этом и думал сегодня целое утро, думал вчера и позавчера майор Корниенко. Над этим же ломал голову, испещрив карту десятком вариантов системы огня,

и капитан Поздеев. Этим мучился и комдив — какие сюрпризы преподнесет противник, кажется, хорошо изученный и в то же время почти незнакомый.

И сюрпризы действительно начались с первых же минут атаки. Артиллеристы сработали хорошо и дружно. Некоторые батальоны поднялись в атаку за огневым валом. Таким оказался батальон Михаила Яковлева, того самого офицера, который говорил «посмотрим, кто и как поведет себя в бою». Он первым атаковал траншеи немцев на северо-западной окраине города. Ему приходилось идти через овраги и ручьи, брать безымянную высоту и каменную часовню кладбища, бесчисленные перекрестки улиц и кварталы домов. Быстрее оседлать все это и прорваться на восточный берег реки — задача батальона.

Комбат Яковлев остался верным своим словам — его солдаты не кланялись пулям. Он был смел и беспощаден, этот грубоватый и своевольный комбат. Он мог дать замешкавшемуся в бою солдату затрещину, мог пригрозить нерешительному командиру роты или взвода расстрелом, обложить матом нерасторопного связиста, но он, начав атаку, не мог отступить.

Так было и в этом бою. Батальон Яковлева стремительно пошел к мосту. Но всякое центральное наступление, как известно, поддерживается фланговым. Без надежных рук — нет головы.

Ударный батальон рвался вперед. Трепетной радостью забилось сердце командира полка.

— Добре шагает Миша,— шептал он про себя.— Дай бог такого марша еще часик-другой.

— Как дела? — волновался на своем НП комдив.

— Пока хорошо,— сообщил Корниенко.

— Как соседи?

Майор не успел ответить, на атакующие цепи полка обрушился шквал минометного огня. Он продолжался несколько минут, а за ним раздался в телефоне злой и негодующий голос Яковлева.

— Какого хрена спят правофланговые. Мне не дают идти пулеметы.

— Сейчас подавим,— пообещал Корниенко.

— Давай, Прокопий Филиппович, скорее.

— Держись, Мишук!

Просто обещать помощь, но не так-то просто ее оказывать. Пока вызовешь соседа, пока выслушаешь жа-

лобы, пока прикажешь. А бой идет. Кто промедлил — тот и проиграл.

Медлили два соседних полка, которым надо было двигаться по улицам. А городская улица — тайна. Что ни дом — крепость. Откуда свистят пули — и не поймешь. За какой угол завернуть — не знаешь. А с обеих параллельных улиц бьют не только по соседям, но и по полку Корниенко и особенно по его головному батальону.

— К чертовой матери такую войну,— взрывается Никита Рыжих.

— Я доложу политотделу,— поддерживает замполита парторг Наговицын.

— Трусы, предатели,— шепчет Корниенко, почерневший, осунувшийся.

— Я пойду, товарищ майор,— сообщает, как решенное, Рыжих.— Я покажу им кузькину мать.

— Иди на правый фланг,— разрешает Корниенко.

— И я,— просит Наговицын.

— Шагай и ты,— кивает майор.— Ползи к Яковлеву. Передай, что молодец. Берите мост.

— Есть, товарищ майор.

— С богом, парторг. Не посрами Удмуртскую!

В шестнадцать часов тридцать минут повторяется артиллерийский налет. На наблюдательных пунктах полков появляется на танке командир дивизии. Он сегодня тоже зол и вспыльчив. Только что дал нагоняя командирам полков Курташову и Хейфицу. Огромной силой воли сдержался от крайних мер, оставил командовать до вечера.

— Если и сейчас не поймут,— шумел комдив уже на НП третьего полка,— отдам под трибунал.

— Сложная ситуация,— двусмысленно выразился Корниенко.

— Ты о чем? — вдруг успокоился Кроник.

— Говорю, крепкий орешек.

— Но Яковлев же его грызет.

— То Яковлев — плохой воспитатель.

— Кто это сказал?

— Да политотдельцы.

— Давай Яковлева.

Связист стал искать комбата — плохого воспитателя. Искал минут пять, наконец, разыскал, но не комбата, а его ординарца. Оказалось, что батальон уже зацепился за мост и комбат дерется вместе с солдатами.

— Это, пожалуй, лишнее,— подумав, сказал комдив.

— Яковлева не остановишь,— вздохнул Корниенко.

— Кто с ним из комиссаров?

— Послал парторга полка Наговицына. Боюсь, что и он ввяжется в драку.

В батальон Яковлева, который врезался почти на два километра в оборону противника, послали рацию. Проволочная связь то и дело рвалась.

Приближался вечер. День как выдался серым с утра, так и остался таким до конца. Уличные бои соседних полков еще более осложнились. Но было достигнуто главное — дивизия за первый день штурма силами полка майора Корниенко вышла к мосту через реку Ловать и этим рассекла надвое группировку врага в западной части города. В десять часов вечера об этом было доложено командующему армией.

Равнение на мост

Генерал Галицкий приехал на НП дивизии через час. Он, вопреки ожиданиям Кроника, был добродушен и разговорчив.

— Ну, докладывайте,— не приказал, а попросил командарм, устраиваясь у карты.

— Нужно снять командиров полков Хейфица и Курташова,— с ходу сообщил Кроник, не зная, как отреагирует на это генерал.

Тот внимательно посмотрел на комдива, перевел взгляд на начальника штаба и только спросил:

— Тех самых?

— Да,— кивнул Кроник.

— Ну что ж, правильно,— согласился генерал.— Только не ошибитесь в выборе новых.

— У нас есть толковые капитаны.

Командующий армией пожелал познакомиться с новыми командирами полков. Капитаны Осадчий и Любавин были намного моложе своих предшественников. На командарма они произвели хорошее впечатление. Задав несколько автобиографических вопросов, генерал заключил:

— Воевать, как комбат Яковлев. Вы знаете, где он?

— На мосту,— ответили командиры полков.

— Да, на мосту через Ловать. В центре города. Нужно развить успех.

— Разовьем,— заверили капитаны.— Через час завяжем бой.

— Через час никто не требует,— охладил пыл командиров полков генерал.— Но к утру чтобы помощь была обеспечена.

Уточнив задачу следующего дня, организовав взаимодействие дивизий, сообщив, что Кронику даются в помощь стрелковые батальоны из эстонского корпуса и штрафники, командующий армией попросил вызвать по рации комбата Яковлева. Тот появился в эфире быстро и, не дожидаясь приказа, сам доложил, не зная точно кому.

— Мост удерживаю. Фрицы не дают покоя. До утра не уступлю.

— Благодарю за службу, комбат,— пророкотал голос командарма.— Награждаю орденом Красного Знамени.

Яковлев понял, кто с ним разговаривает: орденом Красного Знамени имел право награждать только командующий армией и фронтом. Заволновавшись сильнее обычного, забыв уставные правила обращения со старшими по званию, Яковлев выпалил простуженным голосом:

— За орден спасибо. Можете быть спокойны — отработаю. Пока жив — с моста не уйду.

— Передайте благодарность всему батальону.

— Передам, обязательно. Кончаю. Атакуют.

Рация заглохла. Все какое-то время молчали, скорбно опустив головы. Потом командарм кашлянул и, повернувшись к комдиву, сказал:

— Счастливый ты, Александр Львович, что имеешь таких комбатов. Бери скорее город.

В полк Корниенко был направлен начальник штаба артиллерии дивизии подполковник Тафтай. Эту мысль подал командующий армией, хорошо знавший подполковника по довоенной совместной службе.

На утро подморозило. Рассеялся немного и туман. Но авиация опять не могла действовать. Батальон Яковлева с приданными эстонцами продолжал удерживать мост.

Корниенко просил Григория Поздеева:

— Капитан, помоги получше мосту.

— Постараюсь, Прокопий Филиппович,— отвечал командир дивизиона.

Подполковник Тафтай прибыл на НП полка еще ночью. Он рассказал Корниенко обо всех новостях, свя-

занных с распоряжением командующего армией. О многих Корниенко знал. Знал, в частности, о награждении орденом Красного Знамени Яковлева.

— И тебя похвалил,— сообщил в заключение подполковник как бы между прочим.

— Я подожду,— отмахнулся командир полка.— Вот возьмем город...

— Верно, Прокопий Филиппович. Награды от нас не уйдут.

А потом началось обычное столпотворение. Артподготовка. Бросок пехоты. Контрудар противника. И пошло, и пошло.

Сегодня фланговые полки дрались лучше. Стало известно имя нового героя дня, заместителя командира 1188 полка по политчасти Константина Вячкилева. Он организовал штурмовую группу коммунистов. За ней пошли роты и батальоны. Ими умело управлял новый командир полка капитан Осадчий. Но случилось непоправимое: с чердака одного дома сразила майора Вячкилева пулеметная очередь. Погиб еще один мой земляк.

А через полчаса после этого стало известно, что ранило комбата Михаила Яковлева. Его заменил парторг Павел Наговицын.

Мост продолжал оставаться в центре сражения. К нему все ближе подходили другие подразделения. Если бы усилить головной батальон, он мог бы рвануть дальше, по улице Круглой, на юго-восток города. Но пока отрываться от моста, без защиты его, было и рискованно, и бессмысленно.

Батальон Яковлева продолжал сражаться. На мост равнялась вся дивизия. Над ним несколько раз поднималось красное знамя, сделанное из табачных кисетов и вымоченных в крови рубах. Но знамени не давали жить фашисты. Они били по нему, кажется, более ожесточенно, чем по живым целям. Знамя падало, чтобы через мгновение снова затрепыхаться на морозном ветру.

Дивизия упорно, шаг за шагом вторгалась в город. К вечеру четырнадцатого декабря бои шли почти в тридцати кварталах. Война этажей, как прозвали такие схватки в Сталинграде, разгоралась все жарче. На ходу обретался опыт.

Ночью опять на НП дивизии был командующий армией. В районе города продолжал оставаться представитель Ставки.

Майор Корниенко, отправив в медсанбат тяжело раненного Яковлева, передавал по рации Наговицыну:

— Парторг, на тебя смотрит полк. Подержись еще немного, утром дадим отдых.

Слово «отдых» не звучало в устах майора иронией. Людям, не спавшим три ночи, действительно, можно было дать немного передохнуть. Если другие батальоны уже имели возможность переводить дух в отбитых домах, то батальон Яковлева находился в буквальном смысле слова под открытым небом.

— Я вас понял, товарищ седьмой. Можете надеяться. Не забудьте в случае чего...— отвечал Наговицын.

— Отставить эти разговоры,— сердился Корниенко.— Приказываю жить.

И парторг Павел Наговицын жил. Жил и его батальон, продолжая стоять, как богатырь, у неприступного и неуязвимого моста.

Началось пятнадцатое декабря. С нечеловеческим напряжением пробивала дивизия свой путь на восток. Слова «на восток» звучали как-то странно. Вся советская армия устремлялась на запад, а мы двигались на восток. Но это было так. Мы шли на соединение с соседней дивизией полковника Дьяконова и эстонским корпусом генерала Пэрна, наступавшими на город с противоположной стороны. Нам следовало как можно скорее встретиться друг с другом и таким образом покончить с вражеским гарнизоном.

Но до этого, к сожалению, было еще далеко. Прояснилась погода. В небе немедленно появились самолеты. Немецкие приступили к беспощадной бомбардировке наших подразделений и сбрасыванию боеприпасов и продовольствия своему блокированному гарнизону. В жаркие схватки с ними вступали наши летчики. В воздухе порой бывало до двухсот пятидесяти самолетов, наших и вражеских, в два-три яруса. Трудно сказать, кому больше вреда приносили воздушные сражения. Пожалуй, нам. Мы находились на окраинных улицах города, а немцы — на центральных. Они были менее уязвимы в каменных домах, мы же имели немалые потери.

Особенно плохо стало батальону у моста. Его кромсала авиация без перерыва. И помочь ничем было нельзя. Подступы к мосту открыты. Не построишь на льду ни блиндажей, ни траншей. Единственное спасение — каменные быки моста.

Батальон истекал кровью, и помогать людьми ему было бесполезно. Но и снимать гарнизон с моста было нельзя, этим немедленно воспользовались бы немцы. Да и моральное поражение для нас было бы немалое.

Приближался вечер. Рация Наговицына продолжала чудом сохраняться. Она передавала коротко:

— Нас осталось сорок. Ночью просим забрать раненых.

Корниенко скрипел зубами. Под смертельной угрозой находилась последняя опора — парторг Павел Наговицын.

Майор вспомнил его просьбу: не забыть в случае чего. Нет, нет, повторил себе Корниенко. И просил передать:

— Гордимся и восхищаемся вашим мужеством. Ночью поможем.

Батальону действительно помогли, как только улетели на базы «юнкерсы». Но парторга Наговицына к этому времени ранило. Жалко было Наговицына майору Корниенко: коммунист украинец успел горячо полюбить коммуниста удмурта. Парторг отказался от эвакуации, остался лечиться в медсанбате.

Трепещи, оккупант

В ночь с пятнадцатого на шестнадцатое снова состоялся большой совет. В нем принял участие представитель Ставки. Не раздраженный, но в то же время и недовольный, он коротко сказал:

— С Луками надо кончать. Туман прошел. Какая нужна помощь?

И посмотрел на командующего артиллерией дивизии майора Засовского. Тот вздрогнул под взглядом полководца и приготовился к самому худшему. Но представитель Ставки сказал:

— Претензий к пушкарям у меня нет. Они работают хорошо. На завтра получат двойную порцию «гостинцев». Какие требования у комдива?

— Если артиллерия будет обеспечена снарядами и, как вы говорите, двойной порцией,— очень внятно, не тушуясь ответил Кроник,— то других требований у меня нет.

— Зато есть у меня,— теперь уже жестко сказал полководец.— Знают ли солдаты о подвигах коммунистов Вячкилева, Яковлева и Наговицына?

— Знают,— ответил комдив.

— Рассказать всем,— подчеркнул представитель Ставки.— Сегодня, шестнадцатого, наступающие с востока и запада обязаны соединиться. Коммунисты должны показать пример.

Как много значит на фронте такая зарядка. Да, с Луками надо кончать. Враг еще на что-то надеется и продолжает атаковать из-за внешнего кольца. Вчера в расположение наших войск стали ложиться снаряды даже дальнобойных орудий. Обнаглела вконец немецкая авиация. Медлить нельзя. Победа близка. Реванш за Сычевку обеспечен. Это надо внушать каждому солдату. Мстить и еще раз мстить. Пусть трепещут оккупанты. Обычных приказов и бесед здесь недостаточно. Пример и пример. Его могут и должны показать штурмовые группы.

Всю ночь, собственно, уже только полночи, шла перегруппировка сил. Конвейером подвозились на огневые позиции снаряды. Сбились с ног старшины, придумывая, чем бы особенным накормить солдат в это утро. В ход уже шли трофейные продукты из захваченных складов противника. Достаточно было водки. Но каждый старшина на то и зовется отцом солдат, чтобы, кроме положенного по войсковому довольствию, уметь побаловать своих подопечных и кое-чем неположенным. В этом был шик старшинской службы, и именно о таких старшинах говорили, что они на войне главнее генералов.

Из города через передний край текли на нашу сторону бесконечными ручьями перебежчики — мирные жители. Кто они были, чем занимались при оккупантах, расследовать не было времени. Им не мешали растекаться по нашим тылам, подальше от места боев. Правда, некоторые оставались и при полках, просили оружие, клялись драться с врагом, но в суматохе своих неотложных дел на эти клятвы особого внимания не обращали.

Рождались новые штурмовые группы, они стали создаваться даже у артиллеристов. Из самых умелых, из самых отчаянных солдат и офицеров. Им коротко, по десять минут рассказывали об опыте сталинградцев, объясняли по карте задачу. Проверялось оружие, подгонка обмундирования. Полушубки менялись на фуфайки, валяные сапоги — на кожаные, карабины — на автоматы. Всем вручалось холодное оружие.

Накоротке проходили партийные собрания. Тут же желающих принимали в ряды коммунистов. Некоторые из зачисленных в штурмовые группы сдавали старшинам документы, писали домой письма.

В батальонах никто не спал. Запись в штурмовики шла, прежде всего, добровольная. Только потом проводился отбор. Никакого секрета из этого не строили.

Вместе со всеми не спали и писатели. Их видели все эти дни то в одном полку, то в другом. По дивизии ходили самые невероятные байки о поведении гостей, будто бы недосягаемых ни пулям, ни минам, ни снарядам. В одном месте они будто во весь рост прошли в десяти метрах от немецких траншей, в другом — и не подумали упасть на снег при налете «юнкерсов», в третьем — оба так сработали гранатами, что от фрицев осталось мокрое место. Это была естественная солдатская, народная страсть к преувеличению заслуг уважаемых людей, тем более писателей, да особенно военных. Роман «Разгром» многие знали хорошо, так же как «Чапаева» или «Железный поток». И вот автор одной из этих книг был рядом. Как же тут не сочинить байку, если даже кое-что было и не так.

Не находили себе места артиллеристы. Похвала представителя Ставки, немедленно переданная майором Засовским во все дивизионы и батареи, так подхлестнула пушкарей, что они готовы были теперь расшибиться в лепешку, чтобы и дальнейшими делами оправдать доброе отношение начальства.

Конечно, не обошла весть о похвале большого генерала и известных нам друзей Голубкова и Ипатова. Все эти дни они работали самоотверженно. Ворвавшись в город, друзья готовы были без конца бегать на устранение обрывов провода, лишь бы на обратном пути заскочить в какой-либо заброшенный дом. Нет, не думайте, что связисты были мародерами. Скорее их можно было назвать любителями сувениров. За это их по-прежнему журил замполит Коровин, но журил по-свойски, любя, потому что парни-то они были золотые, а вояки бесстрашные.

Тяжело переживал потери своего полка майор Корниенко. Он уже был представлен к ордену Красного Знамени, но не мог радоваться этому, сердце было занято другими чувствами.

Через час предстояли новые горячие дела. Надо было через силу держать себя в рамках, наступать на

горло отчаянию и делать все для того, чтобы в новых боях выглядеть настоящим солдатом.

В это утро перехватили небо наши самолеты. Они появились точно перед концом артиллерийской подготовки, которая велась сегодня особенно гармонично, как по нотам. Вслед за ней сразу же обрушились на расположение немцев бомбы, да такой силы, что готовы были лопнуть перепонки. За бомбовым налетом вдарили по парочке раз красавицы «катюши», их поддержали «андрюши», потом «иваны-долбаны» со своими снарядами-ящиками, от одного вида которых можно было провалиться сквозь землю.

И началось то последнее сражение, которое должно было, как говорил представитель Ставки, соединить наши дивизии, чтобы приступить к поголовному уничтожению окруженного и расчлененного врага. Пошли в атаку штурмовые группы. Пошли ходко, с полковыми пушками, крупнокалиберными пулеметами, противотанковыми ружьями. Отвоевывалась одна улица за другой, наши ворвались в церкви, превращенные в конюшни и кладбища, достигли таких домов, в которых гитлеровцы собирались отсиживаться, должно быть, до бесконечности. В одной из лихих атак напали на бар-притон, захватили с проститутками тепленьких немецких офицеров и дали тем и другим что полагается.

День был полон самых неожиданных и невероятных подвигов. Но самым из самых ярких, по общему признанию, был рейд штурмового отряда артиллеристов, создавать который никто не приказывал и который возник, так сказать, стихийно. Его возглавил замполит Коровин, тот самый «заводской-тульской» парень. К нему, конечно, пристроились два неразлучных друга Голубков и Ипатов. Эта троица повела за собой не менее двадцати орлов, в основном из обслуги: связистов, разведчиков, поваров, писарей, не трогая огневые расчеты.

Собрались в тылах дивизиона у деревни Литвинихи, хватили по стакану сорокаградусной, закусили свиной тушонкой и пошли вперед по руслу речки, потом по балкам, траншеям, дошли до улицы Долгой и тряхнули ее, бедную, кинжальным огнем.

Налет был столь неожиданный и дерзкий, что немцы не сумели оказать почти никакого сопротивления, бежали сломя голову, оставляя оружие и пожитки. Их преследовали, в плен не брали, били с остервенением.

Переполох на Долгой перекинулся на Петроградскую. По немецкой связи побежали панические предупреждения о появлении в городе неизвестного доселе полка смертников, в другом случае — чапаевцев, в третьем — коммунистов, от которых предлагалось отступать, не ввязываясь в бой.

Дошла эта легенда и до нашего комдива. Он начал запрашивать один полк за другим, никто ничего толком не знал. Спросить артиллеристов полковник сразу не догадался, а когда понял, где собака зарыта, вызвал к телефону майора Засовского и по-отечески пожурил за самовольничанье.

— А вообще молодцы,— заключил комдив.— Наделали тарараму за все дни. Представляй героев к наградам.

А герои готовы были гнать немцев без передышки. Еще десять-двадцать минут такой инициативы, и они могли быть отрезаны от своих. Их остановили силой. Артиллеристы удивились и возмутились:

— Фрицев бить не даете?!

А опьяненный боем Голубков кричал:

— Другие притоны захватывают. А мы что, рыжие?

Их кое-как успокоили уже к вечеру, когда западная часть города была почти полностью в наших руках. Задача дня была выполнена. Следовало собраться с духом, спокойно оценить положение и силы противника, подсчитать трофеи и потери, провести опрос пленных и наметить план дальнейшего наступления.

Вечером комдив пригласил на ужин московских гостей. Нужно было идти и майору Засовскому. Он немного задержался с делами. Когда же вошел в блиндаж полковника, то в первую очередь услышал дружеский упрек:

— Что же опаздываешь к обеду, именинник?

Эти слова сказал моложавый, голубоглазый, седой военный, сидевший рядом с комдивом. Засовский вначале не понял смысла упрека, но потом вспомнил, что действительно он сегодня именинник. Шестнадцатого декабря ему исполнилось тридцать четыре года. Но откуда об этом знают в блиндаже комдива, и тем более, как известна такая деталь из его биографии не местному военному, как теперь разглядел Засовский, писателю Фадееву. Он хотел было признаться, что да, сегодня на самом деле именинник, ему стукнуло тридцать четыре, но его раздумья прервал комдив:

— Проходи, проходи, именинник. За пушкарей первый тост.

Ах, вот оно что! Поздравляют артиллеристов. Сердце майора наполнилось двойной благодарностью. Он поклонился и, пристраиваясь к общему тону, все-таки сообщил и о своем дне рождения.

— Вот как! — воскликнул Фадеев.— Превосходный сюжет. День рождения на фронте. Обязательно напишу рассказ.

И он посмотрел на майора молодыми, добрыми глазами сорокалетнего человека, успевшего за свою жизнь столько, сколько другой не успевал за сто лет.

А за блиндажом ухали пушки. Шла обычная и необычная на этот раз фронтовая ночь. Ночь победителей, впервые, по-настоящему утоливших жажду мести и по всем правилам военного искусства воплотивших ее в умные и смелые боевые операции.

КРАСНЫЕ ФЛАГИ

Фронт и тыл Семнадцатое декабря сорок второго года началось в Великих Луках с водружения красных флагов. Они появились везде: на колокольнях, зданиях бывших школ и кинотеатров, просто на деревьях. Флаги самых различных размеров и оттенков, но уже не из рубах и бинтов, вымоченных в человеческой крови, какие подняли первыми солдаты батальона Яковлева.

Но и этим флагам враг не давал спокойно трепыхаться на ветру. В городе вовсю продолжались уличные бои. Еще прочно удерживалась противником крепость, с высоких валов которой простреливались чуть ли не все Великие Луки.

Не утихали сражения на внешнем кольце окружения. Наши успехи в городе бесили немцев. Они все еще надеялись прорваться к своему блокированному гарнизону. Положение наших войск продолжало оставаться крайне серьезным.

Предстояло зажать в клещи крепость, железнодорожное депо — наиболее сильно укрепленные пункты обороны немцев. А до этого еще надо было взять не одну сотню домов, очистить десятки улиц, вышибить вражеских пулеметчиков не менее чем с пяти колоколен.

И все-таки город был уже наш. Это не вызывало ни у кого ни малейшего сомнения. Больше того, кое-кто даже предался благодушию. По улицам поползли трофейные команды. Десяток ловких старшин орудовали на захваченных продуктовых и вещевых складах. Ветврачи уводили в тыл трофейных лошадей.

В освобожденные дома возвращались бог весть где прятавшиеся жители. Одни из них только вчера пытались бежать дальше от города, а сегодня вновь появлялись на своих пепелищах. Гражданское население то и дело переходило из квартала в квартал — от наших к немцам и наоборот. И черт знает, кто из них был честный и кто шпион.

Фронт и тыл перемешались. Скажем, с чердака дома наши ведут пулеметный огонь, а в разбитых комнатах уже орудуют хозяева. Они что-то приколачивают, убирают мусор, заделывают фанерой выбитые окна, ладят печку.

Во дворе другого дома — походная кухня одного из наших батальонов. Бойцам некогда пообедать вместе, они бегают с котелками по очереди. И тут же крутятся изморенные, в лохмотьях ребятишки, ожидая, когда повар с красной звездочкой на шапке плеснет им в консервные банки по черпаку наваристого супа.

Тут же среди бойцов и мирных жителей наши политработники. Раздают центральные и красноармейские газеты. Великолукчане набрасываются на них с жадностью. Бесконечные вопросы и расспросы. Потеют агитаторы политотдела Борис Векслер и Дмитрий Пинхенсон. Нет проходу работникам дивизионных и армейских газет.

А бои за город не кончились. Они в самом разгаре. Гражданское население мешает сражениям. Ему приказывают на время оставить свои дома и квартиры, но люди лишь на минуту прячутся в подвалы и снова высовывают головы.

Ругаются командиры батальонов и рот. Только что тут вот лежал с автоматом боец и вдруг исчез. Куда? Оказывается, уходил напиться к соседке, тетке Марье. А тот вон молодой старшина, доставивший роте термоса с обедом, уже пять минут за укромным уголочком заговаривает зубы какой-то блондинке.

Зазевавшихся и излишне любопытных бьют немецкие снайперы, их скашивают пулеметные очереди, но зевак

не уменьшается. Мелькают по улицам сумки с красными крестами наших санинструкторов. Среди них вездесущий и неуязвимый Николай Кузьмич Козлов.

— Куда бежишь, Кузьмич?

— Да баба вон в том подвале, говорят, рожает.

— Ты же не акушер?

— Так надо же помочь.

Фронт и тыл. За что ругать тут военных и упрекать гражданских? Все истосковались по мирной жизни, а она не так-то просто и дешево дается. А ждать ой как надоело. Рады-радешеньки те и другие долгожданной встрече. А земляки, великолукские солдаты, прямо-таки на седьмом небе.

— Товарищ командир, разрешите сбегать вон на ту улицу,— канючит молоденький автоматчик.

— Я тебе сбегаю,— сердится лейтенант.— Дом сейчас будем блокировать.

— У меня там мамка...

— Была да сплыла.

— Я хочу проверить...

И тут: бух, трах, дзинь. Очередной налет «ишаков». Кто успел укрыться — остался жив. Кто глазел на свой дом «вон на той улице» — приказал долго жить.

Так продолжается и час, и два, и три. Но местные жители и помогают армии. Особенно мальчишки и подростки. Они доносят нашим о заминированных зданиях, вылавливают в мусорных ямах и подвалах полицаев, служащих немецкой жандармерии, официантов ресторанов, гулящих девок. Ведут их в расположение наших подразделений с видом победителей.

— Вот сцапал предателя.

— Врет он, врет,— божится сцапанный.— Я в мастерских работал.

— А почему донес на нашего батьку, что он коммунист?

Идут уличные бои. Мир сражается против войны. Миру не хочется слушать разрывы бомб и снарядов, он рвется к житейским хлопотам, к маленьким земным радостям, к лепету новорожденных.

А залпы бухают и бухают. Черные «юнкерсы» не дают себе отдыха. Лезут сквозь заслон и зенитных пушек, и пулеметов наших «илов». Они не хотят, не могут смириться с потерей столь дорогого для себя опорного пункта.

По «юнкерсам» стреляют все, кому не лень. Приноровились к новым целям ПТРовцы — истребители танков. Они уже отогнали от города несколько самолетов. Многих ранили в крылья, в хвост, но вот до моторов никак не доберутся. А добраться хочется. И противотанковые ружья бьют и бьют по пикирующим стервятникам вместе с зенитными пушками.

В одну из таких дуэлей улыбнулось счастье старшине Николаю Романову, коренастому, широкоскулому русскому парню, который еще в первых боях за высоты наловчился из своего ружья поражать бронированные дзоты. На этот раз на глазах всей армии он поджег в самом центре города двухмоторный немецкий самолет. Тот вначале выпустил черный шлейф дыма, потом накренился, начал снижаться и, наконец, стрелой устремился к земле.

Это было чудом, великим мастерством русского солдата, повторившего чуть ли не подвиг известного Левши. А как он был необходим, этот подвиг, для наших воинов! Как пример, как знамя. Не так страшен черт, как его малюют. Черта наземного мы бьем в хвост и в гриву. Надо учиться бить и воздушного. Довольно гулять в советском небе гитлеровской свастике.

Выстрел Николая Романова так и был понят, так и оценен. С высокой похвалой отозвался о нем командующий армией. Он же наградил героя орденом Ленина. Сообщить об этом приехал к старшине на передовую командир дивизии.

Все видели, как расцеловал старшину полковник. Как крепко пожал ему руку, как пожелал новых боевых успехов, пообещал написать о герое его родителям. Политотдел выпустил об этом листовку.

Борьба с немецкими самолетами захватила тысячи солдат. И это сразу же при следующем налете сказалось на боевых порядках атакующих. Они рассыпались еще на подходе к цели, сбрасывали груз беспорядочно, порой в расположение своих частей. Это заметно умерило аппетит немецких летчиков, отбило у них охоту безнаказанно появляться над Великими Луками.

Но самолеты все-таки прилетали. Они не могли, при всех обстоятельствах, этого не делать. Окруженный гарнизон немцев задыхался от недостатка оружия, продуктов и медикаментов. Доставлять их можно было только по воздуху, на парашютах.

Но наши не давали спускаться и парашютам. Расстреливая их на высоте, они обрекали груз на уничтожение. Или же подкарауливали ящики на нейтральной полосе.

При этом опять разыгрывались грустные и смешные сцены. Кто-то выдумал моду обшивать шелковой материей парашютов внутренние стены блиндажей. И пошла охота за этим шелком. А попутно его начали пускать на попоны для лошадей и на портянки.

Увлекся этим далеко неблаговидным делом и мой знакомый ездовой Володя Захаров. Притащил к штабу полка чуть ли не целый парашют.

— Зачем тебе он?

— Так, пригодится в хозяйстве.

— В каком хозяйстве?

— В нашем.

— Куда же ты хочешь его употребить?

— Лошадь буду покрывать по ночам.

А другой боец, тоже наш, из Удмуртии, Николай Архипов раздобыл ящик шоколаду и давай им угощать своих товарищей и ребятишек местных жителей.

— Где достал, Коля?

— Да вон там, на той улице.

— Там же немцы.

— Я успел первым.

— Могли убить.

— Сладкого больно захотелось.

Фронт и тыл. Война и мир. За что тут судить людей. Человек оставался человеком.

Никому не хочется умирать, но никто и не думает о смерти. Просто делают свои дела. Одни исправно, порой героически, другие кое-как, по своей неумелости или хитрости. Но все работают на победу, все хотят приближения ее.

В эти дни, как и всегда, а может быть, особенно самоотверженно работали связисты. Если артиллерийским расчетам да и пехоте случалось передохнуть, то связистов гоняли день и ночь. Наблюдательные пункты командиров перемещались каждый час, и за ними непременно должны были следовать связисты. Комдив не терпел, если связь работала плохо, если нельзя было в нужную минуту узнать, где находится командир полка или дивизиона.

А они во второй половине декабря обычно находились на чердаках домов или на колокольнях. За ними

лезли и солдаты с катушками. Дежурили неотступно, по первому вызову бежали устранять обрывы, очень часто под обстрелом, ночью, по нескольку раз.

В боях за Великие Луки отличился заместитель командира батальона связи Михаил Булдаков. Он был наш, удмурт. Прибыл сержантом, вырос до офицера. Геройски вел себя в калининских лесах. Сопровождал поиски за языками. Под Луками получил тяжелое ранение. Связисты попали под страшный минометный огонь. Вышли из боя один за другим пять человек, посланных на линию. А на проводе генерал. Нельзя медлить ни минуты. И тогда пошел на линию офицер Булдаков, восстановил связь, продолжая оставаться под обстрелом до конца разговора генерала с командиром полка.

Его, полуживого, провожали в медсанбат и солдаты, и мирные жители. Женщины плакали, ребятишки шмыгали носами.

— Не дождался, касатик. Поди уж скоро немчуре конец.

— А какой молодой, наверно, жена ждет али невеста.

— Откуда такой?

— Говорят, из Удмуртии.

— Это от чукчей, что ли?

— Сам ты чукча.

Дружба фронта с тылом продолжалась. Она помогала всем лучше драться с врагом.

Подвал на Садовой

В тот же день, о котором только что шла речь, в Великие Луки был назначен представитель Советской власти и комендант города. Образовалось своеобразное двоевластие, потому что в неосвобожденных кварталах еще продолжали скрываться и прежний мэр города, и комендант. Фамилии того и другого были известны. В должности первого служил у немцев бывший советский землемер Чурилов, вторым был уже знакомый фон Засс. Но как эти птицы выглядят в натуре, пока еще никто не знал.

— Вот вас и посылаем,— напутствовал командующий армией офицеров Сметанникова и Прилюстенко,— чтобы вы поскорее разыскали своих двойников и начали управлять городом самостоятельно. Ясна ситуация?

— Вполне,— улыбнулись офицеры.

— Ну, а штабы и все прочее будете подбирать сами. Найдете и помещение, обзаведетесь телефоном. Пока мы вам будем помогать, а там оперитесь и сами. В городе может вспыхнуть эпидемия, нужны бани, столовые, пекарни, больницы... Ясна ситуация?

— Ясна, товарищ генерал.

— Тогда отправляйтесь.

В городе идут жаркие сечи, и в то же время в нем начинает действовать Советская власть. В этом был огромный смысл. Армия, верная своей родной власти, сразу же брала ее под защиту, как только появлялась малейшая возможность скинуть другую, ненавистную, оккупационную власть. В этом и было одно из проявлений единства народа и его армии.

Сметанников и Прилюстенко заняли подвал дома 29 по Садовой улице. До их прихода тут был командный пункт стрелкового полка. Ни тот ни другой, разумеется, никогда не были председателями горсоветов и комендантами еще не освобожденных городов, а может быть, вообще не были на подобной работе. Но им сказали, что и Ленин не был до седьмого ноября семнадцатого года председателем Совета Министров Российской республики. Не имели понятия о министерских портфелях и его соратники, только что вернувшиеся из эмиграции и сибирских ссылок. И тем не менее со всем быстро освоились, да во сто крат лучше коронованных сановников.

Сметанников и Прилюстенко вспоминали об этом с доброй улыбкой, подзадоривая друг друга.

— Ну ладно, я, скажем, мэр Великих Лук,— рассуждал высокий, русоголовый, очень милый на вид Вадим Сметанников.— Но скажи, Петро, где мы будем сегодня обедать и ужинать? С довольствия в частях нас сняли, а если и не сняли, до них не доберешься. Каково, а?

— Ничего, пообедаем и поужинаем,— успокаивал друга грубоватый и кряжистый Петр Прилюстенко.— Пошлем делегацию к Чурилову и фон Зассу. Так и так, мол, господа хорошие...

— И они нашу делегацию скушают, как серый волк козлика.

— Ни хрена, Вадим, не скушают. Я этого Чурилова и всю его свиту приведу к тебе сегодня же.

— Свежо предание...

— Не веришь? У меня же знакомые разведчики.

Так они подошли, вернее, приползли под пулями и минами в подвал на Садовой. В распоряжение Прилюстенко был выделен взвод охраны, а Сметанников оставался один, как перст.

Их встретили политработники дивизии, уже познакомившиеся с освобожденными районами города.

— Срочно нужна баня,— советовал агитатор политотдела Борис Александрович Векслер.— Старая разбита. Надо открывать новую, пока без водопровода. В городе тысячи дистрофиков, они наиболее вероятные носители эпидемии.

— Но где же я возьму рабочих,— разводил руками Сметанников.

— Поможет население.

— Но тогда и вы помогайте.

Сметанников с армейскими политработниками начал обходить улицу за улицей, знакомиться с людьми, выяснять бывших коммунистов и комсомольцев, советских активистов. Помощников появлялось сотни.

Это окрылило Вадима Сметанникова, и он без стеснения стал рекомендоваться представителем вновь организуемого городского Совета.

Восстановление советской жизни началось со своеобразного тимуровского движения взрослых и детей — взаимопомощи в ремонте разрушенных жилищ. В большинстве семей не было мужчин, молодежь угнана в Германию, оставались главным образом старые да малые. Артельный образ жизни в такой обстановке был единственным выходом из положения, и люди охотно его устанавливали. Это происходило, не нужно забывать, при непрекращающихся обстрелах и постоянной угрозе смерти.

О многом удалось договориться Сметанникову за первый день своего вступления в новую должность. Он быстро вошел во вкус своих обязанностей и, кажется, всерьез стал воображать себя председателем горсовета.

В полночь на Садовую позвонил наш комдив. Он интересовался первым днем официальной Советской власти в Великих Луках.

— Начала жить и здравствовать,— довольный и усталый, сообщил Сметанников.— Завтра будет открыта баня. Подобрали парикмахеров, достали мыла, пять

Т

швейных машин. Начнем обмывать и одевать детишек.

— Правильно,— одобрил полковник.— А как комендант?

— Действует.

— Вы смотрите за Прилюстенко. Не давайте лишней воли.

— Да он ничего...

— Я знаю его, следите, следите.

— Слушаюсь.

— Вы теперь не в моем подчинении. Советую вам как коммунист коммунисту. Держите меня в курсе дел.

Это тоже была война. Одна из сторон ее, неизбежная и необходимая, горькая и радостная, но деталь войны, которая останется в истории.

Не успел Сметанников закончить разговор с комдивом, в подвал ввалились возбужденные бойцы Прилюстенко и с ними наши Голубков и Ипатов. Они привели с собой плотного, низенького пожилого мужчину в хромовых сапогах, в драповом пальто с каракулевым воротником, с острой козлиной черной бородкой и закрученными усиками.

— Вот, товарищ комендант, поймали,— выпалил возбужденный Голубков, подталкивая в спину пленника.

— Кто таков? — нахмурился Прилюстенко.

— Не признается, а бабы говорят, Чурилов, бургомистр,— нашелся ответить Ипатов, раскрасневшийся не меньше своего друга.

— А-а-а, вот ты какой, голубчик! — прищелкнул языком комендант.— Тебя-то нам и надо. Значит, Чурилов?

— Да, Чурилов,— вздохнул человек с бородкой, моментально смерив подвал острыми бегающими глазками.

— Бургомистр Великих Лук?

— Да, бургомистр.

Прилюстенко повернулся к Сметанникову и, показывая на него взглядом, представил Чурилову:

— А это новый, наш мэр города. Представляешь, фашистский холуй?

— Остановись,— попросил друга Сметанников. И к Чурилову: — Вы понимаете свое положение, гражданин бургомистр?

— Понимаю.

— Вы не сдались в плен, а вас пленили.

— Я не имел возможности...

— Предположим. Чтобы облегчить свою вину, вы обязаны помочь Советской власти быстрее навести порядок в освобожденном городе.

— Я снял с себя полномочия...

— Не в полномочиях дело. Нам нужно немедленно восстановить водопровод и свет. Давайте адреса ремонтных рабочих.

— Не помню.

— Назовите базы, склады, магазины, запасы в городе кабеля, труб, лесоматериалов...

— Это было не в моем ведении.

На улице, рядом с подвалом, грохнул снаряд дальнобойного орудия. За ним второй и третий. Стреляли из-за внешнего кольца окружения. Бойцы комендантского взвода заволновались. Подвал зашумел. Прилюстенко поддержал настроение своих солдат.

— Да что с ним разводить дипломатию, товарищ председатель горсовета,— стараясь держаться официального тона, обратился он к Сметанникову.— Холуй надеется на спасение своих хозяев. Отправить его в трибунал и точка.

— Потребуй, чтобы сообщил список полицаев,— посоветовал Сметанников, тоже потерявший интерес к бургомистру.

— Слышал приказание председателя горсовета? — грохнул по столу Прилюстенко, упершись взглядом в бургомистра.— Список!

— Он в немецкой комендатуре.

— Фамилии.

— Не помню.

— Юлишь. Называй своих заместителей.

— Я работал один.

— Работал! Скажи — вешал, расстреливал, морил голодом... Где списки угнанных в неволю?!

— В комендатуре.

— Но их же составлял ты, землемер-эсер Чурилов. Список!

Подвал продолжал шуметь. Он явно соглашался во всем с комендантом и ждал скорейшей развязки.

Не вытерпел сержант Голубков.

— Пусть назовет, где хоронится фон Засс.

— Дельный вопрос,— поддержал Прилюстенко.— Отвечай, бургомистр.

— Я с ним не встречался.
— Совсем? Может, и не знаешь в лицо?
— Видел в последний раз месяц назад.
— Врешь!
Сметанников опять остановил Прилюстенко и обратился к Чурилову:
— Значит, вы ни в чем не желаете оказать содействия Советской власти? Мы так и передадим трибуналу, и тогда пеняйте на себя.
— Я выполнял приказы,— выдавил Чурилов.
— Один из сорокатысячного населения города.
— Меня принудили.
— Почему же именно вас, а не других?
Дверь в подвал, то и дело открывавшаяся с неприятным скрипом, распахнулась настежь, и в ней показался огромный человек, с вращающимися в неистовстве белками глаз. Это был бывший штрафник. Он принес кипу газет и положил их перед Сметанниковым.
— Читай, городская голова, что пишут у тебя под носом.
— Кто такие? — насторожился Прилюстенко.
— Штрафники пришли с подарком.
С этими словами геркулес вытолкнул вперед, как цыпленка, плюгавенького, с рысьими глазами, потрепанного пожилого мужчину.
— Прошу любить и жаловать — редактор «Великолукских известий».
— Ага, прихлопнули обоих,— выдохнул подвал.
Сметанников и Прилюстенко все поняли и оценили моментально. Комендант повернул редактора лицом к бургомистру.
— Знакомые?
— Да, да, да,— забормотал плюгавенький.— Мы знакомы с бургомистром.
— Расхлебывайте свою кашу одни,— цыкнул на редактора Чурилов.
— Я ничего не сказал...
«Великолукские известия» были за вчерашнее число. На всю первую полосу шапка: «К нам идет помощь. Держаться до конца». Сметанников, прочитав эти слова, улыбнулся.
— Это вы писали?
— Не я один,— забегал мутными глазами редактор.— Мне было приказано...

— Город в руках советских войск. На какую помощь вы надеялись?

— Мне так объяснили...

— Вот стерва,— не выдержал Прилюстенко.— Луки горят, у немцев остается одна крепость, а он «держаться до конца».

— Давайте сыграем ему «ланца дрица гоп ца-ца».

— Тихо!

Звонил телефон. На проводе командир дивизии. До него уже дошли слухи о пленении бургомистра и редактора. Он спрашивал, почему задерживается их доставка в штаб дивизии.

— Ведем допрос,— ответил Сметанников.

— Его проведут без вас.

— Но нам тоже интересно знать.

— Заканчивайте свой допрос и срочно пленных в штаб.

— Есть, товарищ десятый.

Прилюстенко подобрался и посмотрел на Сметанникова.

— Сам поведу.

— Обойдемся без вас, товарищ комендант,— пообещал штрафник-геркулес.

— Пошли вместе. Газеты заберите. Я скоро. Действовать по моим указаниям.

— Есть, товарищ комендант.

Сметанников встал и прошелся по подвалу. Он немного опустел. С улицы в открытую дверь набралось свежака. Дверь захлопнули, потушили и опять зажгли фитиль-гильзу.

К Сметанникову обратился Алексей Голубков:

— Товарищ председатель горсовета, мы от своего командира. Велено доложить, если нужна какая помощь — обращайтесь к артиллеристам.

— Спасибо, сержант,— кивнул Сметанников.— Обязательно обращусь. Это ты привел бургомистра?

— Мы с ребятами.

— Как же нащупали?

— Это наше дело. Скоро фон барона приведем.

— Давай, сержант, действуй. Да найди мне где-нибудь автоматическую ручку с блокнотом, а то в горсовете никакой канцелярии.

— Это сей момент,— заулыбался Голубков и попросил Ипатова развязать коллективный вещмешок. Из

него была извлечена стопка ученических тетрадей, превосходный мраморный чернильный прибор и две позолоченные ручки. Все это Голубков торжественно, немного рисуясь, передал Сметанникову и опять обнажил зубы.

— А хотите, товарищ председатель горсовета, доставим живую секретаршу восемнадцати годов?

— Ха-ха-ха! — разразился Сметанников, увидев подарки и услышав о секретарше.— Для кого это вы припасли?

— Для своего командира.

— А секретарша, кто такая?

— У бургомистра служила.

Сметанников насупился.

— Где она сейчас?

— Под домашним арестом.

— Вы что, гарем свой собираете? — рассердился Сметанников.

— Так некуда же ей деваться.

— Доставить немедленно для допроса.— И спокойнее: — Вы же слышали, как упорствует Чурилов. Может, эта девчонка развяжет язык.

— Идея! — стукнул себя по лбу Голубков и заторопился к выходу.— Мы сей момент ее сюда.

А на дворе уже начал брезжить рассвет. Ночь прошла, как один час. Первая ночь послевоенного Великолукского горсовета депутатов трудящихся.

И тут же опять потянулись в подвал люди. Теперь больше гражданские, женщины и подростки. Некоторые обращались к Сметанникову, как к знакомому, запросто, по-хозяйски.

— Мы пришли,— докладывала от группы женщин бойкая востроглазая девчушка.— Вы обещали материю на детские рубашонки.

— А мы насчет бани.

— А мы склад провода нашли.

Сметанников улыбался. Заулыбались и гости. Просто так, без причины — давно не говорили по душам со своей Советской властью.

Как же стосковались люди по этой родной власти. Раньше относились к ней как к само собой разумеющемуся факту, без удивления и умиления, случалось, и поругивали малость, высказывали недовольство. А теперь вот, после горемычной разлуки, готовы были этой влас-

о
го н

— Поцарапа.

— Вы уж давай

ствует себя роженица?

— Сына принесла.

— Мужик принимал. Санитар вое

— Не оставляйте мать одну.

— Это уж само собой.

— Молока сгущенного попросим в дивизии.

— Поскорее бы очистили Луки.

— Теперь вместе будем чистить.

А за стенами каменного подвала опять заухало. Начался день, и начался бой. Но вместе с ними начиналось и строительство новой жизни, жизни на пепелище и развалинах.

Ультиматум Тридцать первого декабря были, наконец, блокированы крепость и железнодорожное депо. Город, за исключением этих опорных пунктов, был полностью освобожден от оккупантов. Но это еще мало облегчало положение наших дивизий. Город отлично простреливался из крепости. Оттуда било не менее двадцати крупнокалиберных пулеметов и столько же минометов.

Немцы продолжали рваться из-за внешнего кольца на спасение окруженного и почти раздавленного великолукского гарнизона. Из одиннадцати тысяч осталось

им
войск.
требования уси-
связан с гарнизоном
очной блокированной груп-

ановке в ночь на первое января 1943 го-
ный Совет армии предъявил фон Зассу ульти-
матум о безоговорочной капитуляции. Ответа не последовало.

Зато утром Совинформбюро распространило сообщение, немало удивившее всех, что наши войска овладели городом и железнодорожным узлом Великие Луки, а гарнизон истребили как не пожелавший сложить оружие. Это была выдача желаемого за действительное.

Но как бы там ни было, а война продолжалась. Город не мог начинать нормальный образ жизни при наличии непокоренной крепости. Она же продолжала оставаться питательной средой для реваншистских устремлений противника за внешним кольцом окружения.

Первого января командир нашей дивизии был назначен начальником обороны западного сектора города и начальником гарнизона Великих Лук. Надо было немедленно штурмовать крепость, но сил для этого не осталось. Мы продолжали вести борьбу на два фронта.

Положение дивизии и прежде всего ее командира выглядело более чем странным. Страна и мир были извещены о падении Великих Лук, а тут еще предстояла

уйма работы. И главное — не хватало сил и, пожалуй, неоткуда их было ждать.

Шла срочная перегруппировка частей. Велись разведка и инженерные работы. Ответственность за все это была возложена на заместителя командира дивизии полковника Букштыновича.

Он был старше Кроника на девять лет. Высокообразованный офицер с академической выучкой, участник гражданской войны, штабной работник военных округов, знаток нескольких иностранных языков, полковник Букштынович был находкой для командира дивизии. Он был прислан неспроста в штурмовую дивизию, на один из самых ответственных участков фронта. Всего лишь месяц назад полковник был освобожден из сибирских лагерей, где абсолютно безвинный пробыл четыре года.

Обо всем этом рассказал сам Михаил Фомич Букштынович и тем вызвал симпатию полковника Кроника. Комдива подкупил удивительный оптимизм этого уже, можно сказать, старого человека. Рассказывая, он грустно улыбался.

— Вот — помиловали, хотя неизвестно за что наказали: читал иностранные военные журналы. Приказано искупить вину.

— Я вас хорошо понимаю, Михаил Фомич,— искренне сочувствовал Кроник.— Забудем прошлое, начнем новую жизнь.

— Мое прошлое слишком чистое.

— Пожалуй, я не так сказал, не забудем, а постараемся прошлое поставить на службу настоящему и в горячих делах забудем обиду.

— С этим согласен.

— Я ваш боевой товарищ.

— Благодарю.

Долгие часы просиживали по ночам два полковника. Один черный, с редькообразной головой, другой — белый, бритый, с выправкой и манерами интеллигента.

Михаил Фомич за несколько дней боев под Великими Луками изменился неузнаваемо. Почти начисто пропал осадок горечи, привезенный из Сибири. Он снова был в полной боевой форме, и это несказанно радовало Кроника.

На улицах города я то и дело встречал своих земляков. Федот Иванов носился с радостным сообщением — спас от разграбления три пруда с карпами.

— Деликатес! — поднимал указательный палец начпрод дивизии.— Надо хоть чуть-чуть побаловать солдатушек. А то суп да каша.

— Сами как, Федот Сергеевич?

— О себе разговора нет, дрожжи продолжаю глотать.

— До Берлина еще далеко, надо беречься.

— Лишь бы побыстрее шагать.

Шнырял по городу хозвзвод Романа Ивановича Лекомцева, под пулями и минами с крепости он подбирал добро. Одной трофейной команде было не справиться. А потом ведь, чего скрывать, каждому полку хочется хоть немножко разжиться награбленным у нас же немцами. Барахло и продукты раздать гражданскому населению, а себе взять самый пустяк: ящик шнапса, партию кожаных сапог, новенькие зажигалки. Кричать при этом о мародерстве не было ни малейшего основания.

Доставал кое-что по мелочи для своего полка и Роман Лекомцев. Не отставал от него и тезка-усач, впрочем, больше нажимая сейчас по поручению командира полка на лошадей и телеги — дело двигалось к весне.

Война и мирные хлопоты. Не единым автоматом жив солдат на передовой. И полон не только патриотизма. Ему никогда не было чуждым ничего человеческое.

Крепость изрыгала смерть. К ней подбирались ключи. Шли схватки на внешнем кольце окружения. А в городе уже устанавливались свои порядки.

Нет ничего более пагубного для войскового подразделения, чем неопределенность — ни наступление, ни оборона. Да тут еще мирные жители, а среди них и девицы-красавицы, шут знает как и уцелевшие. Попробуй устоять молодой солдат.

Политработники не знали сна. В открытом бою им, пожалуй, было легче. Объясняй лучше одну задачу: вперед. В нужную минуту показывай личный пример. А тут сотни вопросов и запросов, заколдованных узлов.

Большинство наших солдат уживалось с гражданским населением. Но иногда к командиру прибегал какой-нибудь жалобщик, больше из тех, кому не очень-то хотелось возвращения нашей армии. Наговаривал на солдат, что они будто бы стащили у него курицу или

бочку соленых огурцов. Требовал строжайше наказать, возместить убыток. Какое тут принять решение?

Все знали, как поступал в этих случаях в гражданскую войну Чапаев — за курицу расстреливал человека. И себя требовал не миловать: «Если я попадусь — и меня в расход!» В тех условиях в деревнях и станицах, может быть, это и было справедливым. А тут город, бывший под оккупацией. Уж если на то пошло — откуда у жалобщика курицы и огурцы?

Но наши командиры не терялись. Год войны научил их многому. А некоторых и полтора года.

— Курицу, говоришь, свистнули? — переспрашивал жалобщика замполит Коровин.— А ты бы сам подарил ребятам.

— А вы мне много подарили? — косился мужичок.

— Мы тебе город подарили, голова садовая, свободу.

— Свободой сыт не будешь.

— А чем же тогда? Может, службой у немцев?

— Я требую заплатить.

— Шагай, шагай, папаша, поимей совесть.

А наедине выговаривал виновникам кляузной истории по-другому:

— На кой черт вам курицу. Да еще у полицаев. Лучше у тетки какой попросите. А то у девахи. Зажарит — будь здоров. И стопочку поставит.

— Хмы, хмы,— улыбались в кулак солдаты.— К девахе на ночь надо, а мы на посту.

— А вы умейте как Голубков с Ипатовым: раз-два и — в дамки.

— Хмы, хмы...

Как эти разговоры разряжали ту тягостную атмосферу, в которой мы стали жить с первого января в Великих Луках. Не поймешь, кто мы: освободители или только полуосвободители города. Будто бы и очистили его от врага, а ходим по улицам все еще с опаской. Обидно и зло берет. Не довели дело до конца, а р... хвастались. Говорят, к сводке Совинформб... дование дивизии и армии не имеет каса... факт налицо, и сообщения не зачеркне...

Идет второй день со времени пр... матума, а ответа все нет. Значит, не... полковник фон Засс решил держать... и надеется на гитлеровское чудо. Ну что...

кажем это чудо. Всякому терпению приходит конец. Сорок второй день мы под Великими Луками. На юге советская армия заканчивает ликвидацию сталинградского котла. Покончим со своим котлом и мы.

В дивизии круто изменились дисциплина и характер политической работы. Временной вольности наступил конец. Все силы на штурм крепости. Смерть упрямому, ненавистному фон Зассу и его блокированной банде.

ЕСЛИ ВРАГ НЕ СДАЕТСЯ

Дни и ночи

Неуязвимость Великолукской крепости была в ее шестнадцатиметровом валу. У подошвы он достигал толщины тридцати пяти метров. По валу проходили траншеи. Перед ними — остатки другого крепостного вала, задутого снегом. За основным валом — контрэскарпы, оборудованные по всем правилам инженерной науки, противотанковые рвы. За ними проволочные заграждения, подвалы-дзоты. В опорные пункты превращены тюрьма, церковь и две казармы. К северо-западу крепость имела с вала три водосточные трубы, а также проход — остатки бывших ворот. Все подступы к крепости находились под фланговым огнем пулеметов, установленных на угловых выступах. С внешней стороны вал имел обледенелые скаты, каждую ночь поливаемые водой.

Вот какой орешек предстояло раскусить напоследок нашей дивизии. Только с падением крепости можно было говорить о полном освобождении Великих Лук и убить этим интерес у немцев к прорыву в город с внешнего кольца окружения.

А надежды на прорыв враг и не думал терять. Бои
на западных подступах к городу разгорались все ожес-
В Новосокольники шел эшелон за эшелоном
и техникой. Они с ходу вводились в бой.
астках, как и в декабре, в начале ок-
между нами и противником дохо-
етров. Это всего лишь получасовой
олка.
такого броска у немцев не хватало.
а и живая сила. Мы это знали, но это

не могло нас успокаивать. Враг мог пойти на любую авантюру, не зря в крепости был оставлен исполнитель рискованных замыслов маньяк фон Засс.

Положение дивизии тяжело переживал, разумеется, прежде всего ее командир. После стольких дней героических боев упустить из рук победу, выпустить из ловушки кичливого врага, хотя бы того же кавалера «креста с дубовыми листьями», принять на свою голову позор — было сверх человеческого терпения.

Кроник часами просиживал за картой крепости вместе с полковником Букштыновичем, капитаном Васильевым и дивизионным инженером Баскаевым. Полковник передал комдиву мысль артиллериста Поздеева о танковом ударе по крепости. Тот только вздохнул:

— Танковый удар без пехоты — авантюра.

— Неужели нельзя обратиться за помощью, если не в штаб армии, то в штаб фронта? — удивленно заметил капитан Васильев.

— Нельзя,— отрубил Кроник.

— А если бы наша дивизия начисто полегла в первых боях?

— Заставили бы брать крепость меня и вас.

Крепость предстояло отбивать своими силами. Это так и было сказано личному составу дивизии. Снова создавались штурмовые группы, теперь по несколько иному принципу, имея в виду особенности обороны крепости. Мастерились к валенкам самодельные шипы, на волокуши ставились пулеметы, все бойцы получали каски, до этого растерянные в уличных боях. По ночам на подступах к крепости отрывались траншеи, оборудовались огневые позиции для прямой наводки.

Сумрачным ходил в эти дни комдив. Предстоял большой риск. Как разумнее использовать силы дивизии? Бросить ли их сразу в атаку, последнюю, решительную, и этим рассчитаться раз и навсегда с крепостью, или пойти по линии разведки боем. Соблазн первого варианта был велик. Но он и страшил. Два полка стояли фронтом на запад, в обороне города и только один полк на ликвидации горизонта крепости. А что, если штурм захлебнется? Чем его тогда повторять?

На главный удар с востока выставлялся второй батальон 1188 полка под командованием капитана Василия Кострецова и его заместителей по политической и строевой части капитана Нурислама Гареева и Дмит-

рия Дивина. В этом батальоне находились известные Георгий Тетерин и Николай Романов.

За батальоном Кострецова следовал резерв комдива, третий батальон 1190 полка, отличившийся в боях за мост. На северо-западный выступ крепости была нацелена вторая рота 1188 полка, усиленная саперным отделением, противотанковыми орудиями и взводом минометчиков. С юго-запада наступала первая рота 1188 полка, с юга — разведчики.

Гарнизон крепости, кроме своей огневой мощи, имел поддержку извне двух артиллерийских полков и двух бронепоездов. Начеку находились дальнобойные орудия.

Кроник и Букштынович обходили полки и батальоны. Тот и другой, кажется, совсем забыли в эти дни об опасности.

— Вы хоть написали домой письмецо, Михаил Фомич? — спрашивал своего заместителя Кроник.

— Некому писать, Александр Львович,— признавался полковник. — Пока сидел в лагере, жена умерла..

— Да, дела...

А в блиндажах и подвалах с командирами батальонов и дивизионов шел другой разговор.

— Какие у вас расчеты на взятие крепости?

Командиры докладывали все начистоту — этому научил их комдив. Ничего не скрывать: ни требований, ни сомнений.

Комдив любовался ладной, красивой фигурой комбата Кострецова,— ему бы выступать в цирке. Наверно, в тылу жена такая же красавица, а может, капитан еще и не женат.

Замполит Гареев, татарин по национальности, человек другой внешности и иного склада характера. Он порывист и резок. Ему нужна узда, хотя он сам должен быть сдерживающим началом в батальоне.

Оба они, комбат и замполит, не имели возможности проявить себя как следует в прошлых боях. В этом во многом был повинен бывший командир полка, да и обстоятельства сложились таким образом. Сейчас открывалась блестящая, но и архиопасная перспектива для подвига. Как используют ее капитаны?

— Батальон готов к выполнению боевой задачи,— горячо ответил Василий Кострецов.

— А положа руку на сердце? — участливо спросил Кроник.

— И положа руку — тоже,— откровеннее сказал капитан.— Может быть, возьмем крепость не с первой и даже не со второй попытки, но возьмем.

— Но ведь пополнение не дадут.

— Будем беречь свои силы.

— Какое мнение у замполита?

— Такое же, как у комбата.

— Договорились? Ну, смотрите, капитаны, защищайте честь дивизии.

Так же, как комбат Кострецов, очень толково и спокойно доложил о системе артиллерийского огня командир дивизиона капитан Поздеев. Он даже внешне немного походил на Кострецова, ясноглазого, улыбчивого русского парня.

— Мы тоже готовы,— отвечал Поздеев.— Но нам обязательно нужна разведка боем. Вал из города почти не просматривается. Мы можем только предполагать об огневых точках противника.

— Разведка будет,— пообещал комдив.— А обучены ли расчеты прямой наводке?

— По живым целям почти не били, но расчеты подобраны лучшие.

— Чей, например?

— Старшего сержанта Воронцова.

— Не слыхал такого. Зря не представляете к наградам отличившихся.

— Ждем новых подвигов.

— Поздно награждать мертвых, капитан, лучше заботьтесь о живых.

— Учту, товарищ полковник.

А комдив уже к парторгу Степану Некрасову:

— Ну, вас не учить, как действовать при опасности.

— На прямой наводке будут коммунисты,— доложил парторг.

— Правильно.

— В каждом расчете по два заряжающих и по два наводчика.

— Тоже верно.

— На позициях буду сам.

— Это по обстоятельствам, нам дорога каждая жизнь.

Какое прекрасное чувство испытывает командир, заражаясь уверенностью в своих подчиненных. Это при-

носит огромное моральное наслаждение — не зря потрачены силы на воспитание. И наоборот, горько тому командиру, которого не понимают помощники.

Перед глазами в таких случаях всегда встает Чапай, умевший и песню спеть с солдатами, и сплясать, а если нужно — лечь с ними в боевую цепь, подняться в атаку и первым ворваться в стан врага. Может быть, кто-нибудь скажет: не те времена. Но все-таки пример Чапая, наверное, останется непререкаемым на все времена и для всех военачальников.

Так успокаивали себя в неспокойные часы перед штурмом крепости Кроник и Букштынович. Так же думали командиры полков и батальонов.

Первая разведка боем была предпринята третьего января. Нас не переставая бомбили немецкие самолеты. Правда, их тоже сейчас появлялось не помногу, но все-таки прилетали аккуратно и делали свое черное дело. У крепости они не могли сбрасывать груз, боясь поражения своих. Но город кромсали жестоко, вызывая там и тут пожары.

Разведка боем — тот же бой, только с вводом ограниченных сил. От этого наступающим, разумеется, не легче. Те же раненые и убитые. Эти потери бывают особенно тяжелы, так как от них в этом случае нет нужной отдачи.

А разведка нужна. Порой она — единственный выход из положения. Под Сычевкой мы действовали, как правило, без разведки и на этом многое теряли.

Разведка, предпринятая третьего января, не имела успеха. Она была отбита. Начатая очень активно, она вовремя была придержана, чтобы не нести напрасных жертв.

Четвертого января проведена вторая демонстрация штурма. Были выявлены многие доселе неизвестные огневые точки. Это уже был успех, небольшой, но успех.

Крепость оказалась действительно отлично защищенной. За такое признание тогда можно было навлечь на себя немалую кару. Но это было так. Сто гектаров великолукской земли были для нас пока неприступными. Сознавать это и горько, и больно, и страшно. Но осознать нужно, чтобы еще и еще раз трезво проанализировать все, принять единственно верное решение для нанесения последнего и решительного удара.

Подвиг танкистов

Наступило пятое января. Мы вели по крепости методический огонь из минометов. В этот день решили испробовать ампулометы — носители горящей смеси.

Маневр удался. В крепости возникли пожары. Этим немедленно воспользовались штурмовые подразделения. Все повторилось, как и в прошлые дни.

Наши активно нажали с северо-западного направления, где действовали противотанковые пушки. Но на скаты вала никто не мог взобраться.

— Эх, мать честная,— вздыхали пехотинцы.— Хоть бы невидимками, что ли, стать на час всего.

— Или в рыцарские доспехи нарядиться.

— Бегать надо проворнее, вот и все доспехи. Лазать, как кошки.

— Так лазь, дуй по льду на самую верхотуру.

— А ты будешь смотреть?

Раздался сильный шум мотора. К боевым цепям пехоты на полном ходу несся советский танк. Откуда он? Мы знали, что танкисты отражают контратаки противника на внешнем кольце окружения. Работы им там хоть отбавляй. Если бы не танкисты, черт знает что было бы с коридором, отделяющим нас от немцев.

А тут танк среди нас. Уж не фашистский ли? Кто-то из пушкарей загородил машине дорогу. Танк остановился. Приподнялся люк. Показалось злое молодое лицо в шлеме.

— Чего надо, мать вашу так?

— Кто такие? — потребовали ответа артиллеристы.

— Не видишь? Документ надо?

— Куда вы, ребята?

— В крепость.

— Одни?

— Так вас, что ли, брать?

— Доложить надо.

— Всем доложено. Поддерживайте только лучше нас.

— Ну, если так...

— Так не так, а растакивать поздно.

— Как фамилия командира?

— Павел Шеметов.

— Как?

— Ше-ме-то-о-ов! С Урала, братцы. Поехали.

И танк опять рванулся. Направился в тот самый проход на месте бывших ворот, куда нельзя было да-

же посмотреть ни одному смертному. Все наблюдавшие застыли в оцепенении. Вот он, прогноз капитана Позде-ева. Значит, не только он думал о танковом таране.

Не сразу сообразили, что к чему, видимо, и немцы. А может, были отвлечены атаками наших с других сторон.

Танк шел, не снижая скорости. И тут одумались пушкари.

— Чего же мы стоим? — закричал командир орудия.— Давай прямой наводкой по флангам.

Одумались и немцы. Но танк пулеметами не сразишь, а минометами бить несподручно. Ему не мешали.

Опять глазела пехота, несколько минут не зная что делать.

— Вперед! — наконец, прорезал воздух чей-то догадливый голос.

Так бывает на войне. Удивление сковывает действия солдат. Скажем, рота или батальон наблюдают за одним бойцом, как тот с гранатой в руке подползает к немецкому дзоту, который не дает никому поднять голову. А боец-смельчак ползет и ползет. Дзот совсем рядом. Замирают сердца наблюдающих. Вот сейчас раздастся взрыв. Вот сейчас произойдет чудо.

И оно, фронтовое чудо, действительно происходит. Взрыв потрясает окружающее. На миг замолкает дзот. Но только на миг. Почему? Промазал парень. Ах, какая досада. Что же теперь будет? Как он станет пробираться назад? Как выкарабкиваться отсюда нам?

А парень мудрит что-то еще. Как видно, отступать не собирается. Но у него же нет больше гранат, а автоматом дзот не возьмешь.

Но чу! Зорче глаз. Перестань колотиться, сердце. Смотри, смотри, солдат. Твой товарищ, твой брат встал во весь рост, пошел к дзоту. Вот он в пяти шагах от него, в двух. Подходит сбоку. Немцы не видят его.

Замри все на свете. Парень схватился за ствол пулемета и хочет его перетянуть к себе. Тянуть ему неудобно, пулемет работает, ствол дрожит, его направляет сильная рука немецкого ефрейтора. Тянуть спереди нельзя совсем, немедленно прошьет очередью.

Парень оглядывается на лежащий в снегу батальон. Неужели он видит нас и думает о нас? Чего он затеял, отчаянная голова? Зачем? Отцепись от пулемета, вдавись в снег, отползай!

Но нет, совсем непонятное делает парень. Он продолжает тянуть на себя пулемет. Сумасшедший. Ты же не осилишь! Тебя же сейчас накроют. Вертайся!

Но тихо, братцы, тихо. Не дышать. Замереть. Парень, парнишка, что ты делаешь?!.

Батальон, как один человек, закрывает на миг глаза, чтобы в следующий миг, открыв их, увидеть лежащего на стволе пулемета боевого товарища, сердцем своим заглушившего проклятый говор пуль. И тогда раздается то самое слово, полное отчаяния и скорби, ненависти и порыва, которое поднимает батальон, как ветром.

— Вперед!

Нечто подобное произошло тогда и у северо-западной окраины крепости, с которой прорвался в логово врага богатырский экипаж советских танкистов. Все рванулись вперед, как за знаменем, факелом, солнцем.

— В атаку!

— Смерть душегубам!

А танк Павла Шеметова уже единоборствовал в крепости. Он в упор расстреливал и давил минометные расчеты, бил по подвалам и дзотам, опрокидывал машины и повозки, загонял фашистов, как мышей, в подземелья.

О чем он думал в те минуты, командир танка Павел Шеметов? Что думали его боевые друзья? Они еще имели возможность, наделав в крепости переполоха, вернуться назад. Доложить командиру, что задача выполнена, может быть, похвастаться перед товарищами.

Как мы мало знаем законы поведения людей в критическую минуту. Меряем на свой аршин. Ахаем и хватаемся за голову. Строим страшные глаза: не может этого быть.

А это бывает. Так было и с экипажем Павла Шеметова. Он не собирался назад. Он ждал, когда в крепость ворвется пехота и закончит начатое им дело.

А пехоты все не было и не было. Ну что ж, подождем. А пока пошвыряем фрицев, дадим им, стервам, прикурить. Вот из окна целится какая-то сука. Дай туда залп, братишка. А это кто такой перебегает двор? Прострочи из пулемета.

Стоять, ребята, насмерть. Нас поддержат. Вот-вот поднимется на вал пехтура. Ей нелегко. Не надо торопиться. У нас снаряды еще есть.

И танк дерется. Один среди шестисот головорезов. Один на ста гектарах земли, в своеобразном маленьком городке.

А пехоты все нет и нет. Страшная догадка начинает вкрадываться в сердце. От этого оно закипает еще большей злостью. Танк расходует последние снаряды, давит гусеницами, все, что может.

Его не берут пулеметы. Для минометов не та цель. Выскочить с гранатой не решается ни один фриц.

Давно передано за внешнее кольцо окружения о советском танке в крепости. Сообщены расчеты для наводки дальнобойных орудий. Фон Засс решается вызвать огонь на себя, лишь бы убрать с глаз долой чудовище-танк.

Исполнитель рискованных замыслов получил, наконец, возможность отличиться. Пожертвовать сотней своих солдат, но поразить советский танк. Эффектно, гениально, бесстрашно. Не зря барон фон Засс награжден крестом.

Ничего не знал об этом уральский парень Павел Шеметов. Он думал совсем о другом. Танк продолжал сражаться на последнем пределе.

И вот началось неожиданное — во дворе крепости стали рваться снаряды. Что они делают, эти безмозглые пушкари. Бьют по своим. Стойте, остановитесь. В крепости советские танкисты.

Но снаряды ложатся и ложатся. Они корежат каменные стены крепости. Все ближе и ближе подбираются и к танку Павла Шеметова. И тут командир понимает: его экипаж расстреливают комбинированным ударом дальнебойные орудия и фауст патроны.

Фашистам удалось поджечь танк. Спасения нет. О сдаче в плен не может быть и речи. Все труднее становится дышать. Возвращаться к своим у машины нет сил.

Охваченный пламенем танк рванулся к озеру. Озеро во дворе крепости небольшое, но глубокое. Оно почти на середине. Немцы передали за кольцо окружения о прекращении артиллерийского огня. Любопытные высунули головы из укрытий. Что делают советские танкисты?

А танк уже совсем у берега. Вот он спустился на лед. Прошел несколько метров и начал погружаться в пучину. Тут открылся люк, и немцы услышали песню,

запрещенную в их стране. Танкисты умирали с «Интернационалом».

Это были герои 13 отдельного гвардейского тяжелого танкового полка. Они пожертвовали своими жизнями в последней, генеральной разведке боем по овладению крепостью и этим вписали бессмертную страницу в историю освобождения Великих Лук от гитлеровских захватчиков.

Вот имена этих пяти верных сынов нашей Родины:

Шеметов Павел Иванович, гвардии младший лейтенант, командир танкового взвода.

Ребриков Петр Георгиевич, гвардии техник-лейтенант, старший механик-водитель.

Пряткин Михаил Федорович, гвардии старший сержант, старший радиотелеграфист.

Гудков Семен Алексеевич, гвардии старшина, командир орудия.

Касаткин Андрей Ефимович, гвардии старший сержант, младший механик-водитель.

Одна из улиц города Великие Луки названа улицей Пяти танкистов.

Опасный сигнал

Каждая наша разведка под крепостью немедленно становится известной немцам за внешним кольцом окружения. Фон Засса подбадривали и поздравляли, фельдмаршал фон Клюге сулил новые награды, генерал Шерер наращивал силы прорыва. Противник рвался на соединение с блокированным гарнизоном крепости.

Мы находились в городе, но хорошо слышали и видели кипевший рядом бой. Посланцем соседей явился экипаж Павла Шеметова. Нетрудно было представить, какие храбрецы сдерживали врага на западных и северо-западных подступах к Великим Лукам. Там героически сражались главные силы третьей ударной армии. Бои шли в полосе до восьмедесяти километров. Наша дивизия должна была удержать город, быстрее расправиться с последними очагами сопротивления гитлеровцев.

Неопределенное положение Великих Лук, продолжавшееся почти две недели, стало порождать всевозможные нелепые слухи. Их разжигали немецкие листовки, в изобилии сбрасываемые над городом. За чтение их сейчас никто не преследовал. На листовки просто не

обращали внимания. Не хотели верить и тому, что за нашей спиной, не далее как в трех километрах, стоят отборные дивизии врага. И не просто стоят, а занесли над Великими Луками меч.

Так смотрели на вещи солдаты. Но залпы с запада и листовки с самолетов делали свое дело среди гражданского населения. Энтузиазм, с каким принялись люди за восстановление советских порядков в городе в первые дни после освобождения, стал снижаться. Этому способствовали шепотки тех самых крепких мужичков-жалобщиков, что плакались в жилетку по своим курам и огурцам.

В политотделе появлялся растерянный Сметанников.

— Помогайте, товарищи. Опять потек народ из города. А это наруку местным бандитам.

— А что же Прилюстенко? — интересовались в политотделе.

— Воюет. Расстрелял нескольких грабителей.

— Как расстрелял? Без суда и следствия?

— Так вооруженное же сопротивление.

— Ну, знаете ли, товарищи, это перегиб.

— Вот и прошу помощи.

Конечно, жалобы Сметанникова не были совсем неожиданными. О непорядках в городе и перегибах Прилюстенко кое-что слышали и в штабе дивизии, и в политотделе, и в трибунале. Но все были увлечены крепостью, и тыл, так сказать, отходил на второй план.

А у него, у города, отбитого у врага, была своя жизнь. Он жадно стремился к обновлению, хотел быстрее сбросить с себя путы, освободиться от всей ненавистной накипи, покрывшей его тело и душу за время оккупации. А накипь приросла к кое-кому накрепко и сейчас, в самые критические для города дни, давала о себе знать.

— Говорят, Гитлер прислал в Новосокольники десять дивизий. На днях двинет на Луки.

— Откуда ты знаешь?

— Ванька Кривой перебежал сегодня ночью.

— Слушай больше ванек.

— А ты слушай не ванек, а пушки, что ухают под Маленками. Чуешь? Три километра.

— Ох, пресвятая богородица, уйти от греха подальше.

И некоторые уходили. Деревня Маленки действительно была рядом и там на самом деле ухали пушки.

А это только и было нужно шептунам-мародерам. Тетка с салазками и ребятишками за город, а в ее квартиру мешочники.

— Что делаете, сволочи? — настигали воров солдаты Прилюстенко.

— Так мы ж в своей хате.

— Документы?

— Из оккупации мы, невольники.

— Пошли к Сметанникову.

И тут выстрел из-за печки. Падает наш боец. Разбегается банда. За ней погоня. Ищи в поле ветра. Переулки, закоулки, подвалы. Был человек и на глазах пропал.

Опять тыл и фронт, только с другой стороны. Арестовали Чурилова, но остались чуриловцы, презренное отродье гитлеровских холуев, готовое в любую минуту при удобном случае всадить в спину нож.

Но горсовет и комендатура продолжали действовать. Новое, наше было непреоборимым. Каждый день приводили грязных, обросших и ободранных пленных немцев. Откуда они появлялись? Из подвальных тайников, из крепости?

Да, и из крепости. Несмотря на приказ фон Засса расстреливать за одно слово «плен», гитлеровские вояки все-таки бежали из мешка. С большой предосторожностью, под покровом ночи, по скрытым ходам на реку Ловать, канализационным трубам, но все-таки бежали.

Их ловили все: и мальчишки, и женщины, и наши хозвзводовцы, и писаря. Приводили в комендатуру, в штабы батальонов и полков. Пленные рассказывали о критическом положении блокированных в крепости. Солдаты голодали. Все, что можно было пустить в котел, уже пущено. Вот-вот начнется людоедство. Мертвых не хоронят, а просто выкидывают на мороз. Тяжело раненных умерщвляют.

И все-таки крепость держалась. Демонстрировать штурм ее четвертый раз было и бесполезно и рискованно. Следовало ударить наверняка. И дивизия готовилась к такому удару.

Неделя прошла с пятого января, со дня третьей разведки боем. Нужен штурм. Грозные предупреждения сыплются из штаба армии. Хорошо, что уехал представитель Ставки. Слава богу, что, видимо, не знает о судь-

бе Великолукской крепости Москва. У нее другие заботы, другой котел, фельдмаршал Паулюс, разгром немцев на Северном Кавказе. Нам особенно тяжело переживать свое бессилие.

Тринадцатого, кажется, все было готово для удара. Командование дивизии еще раз проверяло боевые порядки. Допрашивало последних пленных. Изучало разведданные из-за внешнего кольца окружения. Спешить и спешить.

Весь день тринадцатого шел смертельный бой у деревень Маленки и Фотиево. У тех самых Маленок, о которых уже знало гражданское население Великих Лук. Это по направлению к Новосокольникам.

Наши сдерживали одну атаку за другой. Немцы в этот день особенно часто вводили в бой танковые подразделения. Стоял мороз. Короткий день. К четырем часам пополудни уже темно. Схватки немного стихли.

Никто не предполагал, какой коварный маневр готовило немецкое командование. Исполнитель рискованных замыслов авантюрист фон Засс вытребовал у шефов прорыва в крепость немецких танков. По плану фон Засса, блокированный гарнизон крепости, усиленный танками, прорвется с боем навстречу контрударной внешней группировке своих.

Гитлеровское командование согласилось с этим сумасбродным замыслом и решило направить на вызволение обреченных двадцать танков. Срочно были закрашены свои опознавательные знаки и вместо них нарисованы красные звезды. Во главу колонны выставлены три трофейных Т-34. Пользуясь суматохой боя у Маленок и Фотиева, самоубийцы под покровом сумерек и поземки тронулись в путь.

Он прошел беспрепятственно более трех километров, этот так называемый отряд особого назначения. Приблизился к самому городу со стороны бывшего госбанка, рядом с рощей, и, должно быть, решив, что дело теперь в шляпе, открыл из пулеметов огонь по придорожным блиндажам, где находились артиллеристы.

Те вначале не поняли, что происходит. Танки будто наши, а лупят по своим. Но чего не бывает на войне.

Пока суть да дело, гитлеровские головорезы, как оказалось впоследствии — двадцатилетние эсэсовцы, позабавившись стрельбой, двинулись дальше. Казалось, на этом и потехе конец.

Но по-другому рассудил этот случай командир расчета противотанковой пушки старший сержант Николай Кадыров, парень из Ижевска. Он первым сообразил, что происходит под носом артиллеристов, и без чьего-либо приказа, на свой риск выпустил первый снаряд по головному танку. Удар пришелся по гусенице, пушка била сбоку. Танк закрутился на месте. Его начал обходить по обочине зимней дороги второй. То ли по неопытности, то ли в горячке водитель повел машину не правой стороной, а левой, той самой, откуда била пушка Кадырова.

Старший сержант, сам стоявший у орудия, вдарил и по второму танку. Первым снарядом неудачно, остановил вторым.

В колонне немецких танков началось замешательство. Теперь уже, через десять минут после пулеметных очередей неизвестных хулиганов, как показалось многим вначале, все знали, кто находится на дороге. Выскочившие из блиндажей и землянок артиллеристы начали палить по танкам всем, чем можно.

По снежному полю в сторону Новосокольников бежали экипажи подбитых машин. За ними устремились наши автоматчики. А Кадыров и пристроившиеся к нему другие расчеты расправлялись с остальными машинами.

Это был редкий поединок. Немецкие танки во что бы то ни стало стремились обойти первые, подбитые. А наши били уже без выбора — все перемешалось на узенькой дороге, на расстоянии каких-то ста — двухсот метров.

Один за другим выходили из строя немецкие танки и бронетранспортеры. Из них немедленно выскакивали экипажи. Их срезали автоматными очередями, а за теми фрицами, что пытались ускользнуть, наши пускались вдогонку.

Конечно же, в этой свалке, как догадывается читатель, обязательно участвовали известные Голубков и Ипатов. Разве они могли пропустить такой интересный спектакль. Они не палили из пушек, а караулили, когда артиллеристы подобьют очередную машину, и стрелой бросались к ней. В этом случае не успевал открыться люк, как налетчиков встречали дула автоматов. Признаюсь, Голубков и Ипатов не взяли в плен ни одного гитлеровского бандита, расправившись с экипажами не

менее чем трех танков и двух бронетранспортеров. Конечно, эта братва не удержалась после боя и от того, чтобы не обшарить подбитые машины. В одной из них были найдены железные кресты, которые Гитлер посылал в награду гарнизону крепости.

Общий итог скоротечного боя: двенадцать остановленных у входа в город танков противника. Но восемь все-таки прорвались в Великие Луки и достигли крепости. Это был опасный сигнал, из которого следовало делать немедленные выводы.

Пощады не будет

Какому командиру дивизии может быть приятно, что через его боевые порядки прорывается противник. Был зол на себя за происшедшее и полковник Кроник.

— Ваше мнение о прорыве танков? — спросил он с плохо скрываемым раздражением своего заместителя полковника Букштыновича.

— Провокация с дальним прицелом,— без настроения ответил полковник.

— Именно?

— Противник за внешним кольцом выдыхается и идет ва-банк.

— Какой приказ могли доставить налетчики фон Зассу?

— Думаю, обыкновенный, стандартный: держаться.

— Но неужели фон будет упорствовать и дальше?

— Это зависит от нас.

— Когда начнем штурм?

— По-моему, послезавтра.

А в крепости с прорывом восьми танков строились свои прогнозы. О них узнал и фон Засс, успевший перебраться в бетонированное убежище в районе железнодорожной станции. Его всегда розовые щеки стали красными. Седеющая бородка запрыгала от нервного тика. Он стал курить чаще обычного. И начал ходить по подземелью, где у него был оборудован кабинет, увешанный коврами. Раньше фон Засс любил больше сидеть, от чего, должно быть, и выдался коротышкой с массивным туловищем и ножками-подставками.

Фон думал. Танкисты-налетчики, на которых он возлагал большие и последние надежды, задали ему трудную задачу. Значит, надеяться на помощь извне нечего.

На обратный прорыв из крепости — тем более. Если при первой попытке из двадцати танков осталось восемь, то при второй можно не досчитаться всех.

Конечно, он верен своему фюреру и шефу-фельдмаршалу. Они его поднимали, награждали, вели. Подбадривают и сейчас. Прислали даже, говорят, новый крест. Но вот в чем штука: он, фон Засс, комендант Великолукской крепости, сидит в сыром, вонючем подвале, а его покровители пока прохлаждаются в роскошных особняках. Конечно, из последних легче повелевать и обещать.

Эти скверные мысли, зашевелившиеся в голове фона с прорывом танкистов, никак не хотели улетучиваться. Они сверлили и сверлили мозг до умопомрачения.

Но свое истинное состояние фон Засс не выдавал. Наоборот, он представлял подчиненным все в другом свете, приказывая держаться до последнего, и обещал скорое освобождение.

Об этом раздвоении твердолобого коменданта крепости не знало и наше командование. Оно вело приготовления к штурму с ориентацией на прежний характер фон Засса.

Кроник резко повысил требования к инженерам дивизии. Он был недоволен их работой.

— Где же ваша изобретательность и выдумка, майор Баскаев? — нажимал полковник на дивизионного инженера.— Солдаты придумали шипы, а вы им что подарили?

— Все, что былё в наших силях...— отвечал инженер с осетинским акцентом.

— Нет, не все. Вы читали что-нибудь о побегах революционеров из царских тюрем?

— Приходилось.

— Помните о побеге Литвинова из киевской тюрьмы?

— Нет.

— Очень плохо. Литвинов и его товарищи имели заброски-лестницы с крюками на конце. Раз — на тюремную стену, и пожалуйста, залезай.

— Это интересно.

— Подумайте над этим. Сегодня, сейчас же.

Для разъяснения предстоящей боевой задачи была мобилизована вся партийная организация дивизии. Чет-

вертая атака на крепость расценивалась как последняя и решительная.

— Или пан, или пропал,— по-своему растолковывал эту мысль солдатам Степан Некрасов.— Пятьдесят пять дней мы под Великими Луками. Советская армия за это время освободила сотни городов и стремительно продвигается вперед, а мы, как спутанные лошади, топчемся на месте. Кому что непонятно?

— Все ясно.

— А раз ясно: крепость или смерть.

Проводил беседу замполит Коровин.

— Помните, как брали Долгую улицу? Так же будем брать и крепость.

— Сделаем, товарищ капитан,— отвечал за всех Алексей Голубков.

— Я за вас с Ипатовым не беспокоюсь. Только смотрите, не крохоборничать.

— Так в крепости же дохнут с голоду.

— Вы и у мертвых найдете что стянуть.

— Нет, товарищ капитан, крепость мы возьмем без дураков.

Молча обходил роты своего резервного батальона майор Корниенко. Он страшно переживал вынужденное безделье. Не спали, не ели, не курили Кострецов и Гареев. Больше обыкновенного был вежлив с солдатами капитан Поздеев.

Так проходили ночь с тринадцатого на четырнадцатое и день четырнадцатого. Бои на внешнем кольце не утихали. Усилились налеты «юнкерсов». Конечно, фон Засс как-то информировал свое командование о прорыве танков, но как именно, наши не знали.

И вот поздней ночью четырнадцатого у комдива раздается телефонный сигнал.

— Товарищ десятый, на Ловати пойман немецкий подполковник в штатском платье. Это звонят соседи...

— Понятно. Спасибо...— у комдива засверкали глаза.

Война полна неожиданностей. В том числе мгновенных, порой непостижимых уму, фантастических. Их пережила наша дивизия под Великими Луками множество. И все-таки каждая новая неожиданность поражала воображение. Неужели такое бывает на белом свете?

Такой сногсшибательной новостью явилось в этот раз появление в штабе эстонской дивизии подполковника фон Засса.

Да, да, того самого прусского барона, исполнителя рискованных замыслов, начальника Великолукского гарнизона немцев, любимца фельдмаршала фон Клюге, который держался до последнего патрона. Впрочем, теперь уже не держался. Стало совершенно очевидно: штурм крепости надо начинать немедленно, доведя до сведения наших и немецких солдат о пленении бывшего начальника гарнизона Великих Лук.

Памятник в Великих Луках павшим при освобождении города. На нем высечено имя и 357 стрелковой дивизии

Штурм начался пятнадцатого января в одиннадцать часов утра. Двадцатипятиминутный артиллерийский налет. Бомбовой удар девяти самолетов.

А остальное все пошло своим чередом.

Все было так, как разрабатывалось в штабах и в солдатских блиндажах. Бойцы с шипами на обледенелых скатах вала. Пулеметы на волокушах. Орудия на прямой наводке. Навесной огонь минометов.

Вначале удалось зацепиться за крепость с северо-восточной стороны. Командир отделения Георгий Тетерин затащил на вал пулемет. Рядом с ним лег комсорг роты Иван Волков. Оба молодые, двадцатилетние безусые ребята.

Бой шел весь день, но мы не имели успеха. Немцы бросили против штурмовых групп свои только что прорвавшиеся из Новосокольников танки. К вечеру наши группы были выбиты из крепости.

С наступлением сумерек на крепостной вал скрытно поднялись истребители танков во главе с Николаем Романовым. Началась подготовка второй атаки.

Она грянула в девять часов вечера без выстрела. Немцы не ожидали ее, полагая, должно быть, что после дневной атаки у нас не хватит ни сил, ни настойчивости. Но наши истребители блестяще выполнили поставленную задачу. Вслед за ними артиллеристы вкатили на вал пушку, в упор расстреливая врага внутри крепости. А дальше начались рукопашные схватки в траншеях.

Конечно, там, на валу, опять были наши вездесущие Голубков и Ипатов. Рядом с ними действовали разведчик Николай Семакин, связист Александр Максимов, командир орудия Николай Воронцов, ездовой Владимир Захаров, санинструктор Николай Кузьмич Козлов. Напоследок, к утру, не стерпел и старшина Лекомцев. На вал забрались многие командиры батальонов и рот. Всю ночь, до утра, руководили боем в крепостных траншеях капитаны Кострецов, Дивин и Гареев.

У подошвы крепости находились командиры полков и работники политотдела дивизии. В двухстах метрах от крепости был оборудован наблюдательный пункт комдива.

К утру, видя полное свое поражение, гитлеровцы начали растекаться из крепости по скрытым выходам. Вышло около ста человек. Прошли более полукилометра. Наткнулись на штаб артиллерийского полка и были разгромлены и пленены.

В семь утра в дымке предрассветного тумана взвился над крепостью красный флаг, и в ту же минуту командир штурмового батальона доложил комдиву, что крепость пала. Кроник со своими ближайшими помощниками тотчас же появился во дворе крепости. То, что предстало его взору, было трудно описуемо. Все вокруг выглядело ледовым побоищем. Большая часть гарнизона была уничтожена. Раненые снесены в подвал, где штабелями лежали и ранее погибшие.

Но каким воодушевлением сияли лица наших бойцов и офицеров. Грязные, черные, в ободранных фуфайках и шинелях, с неостывшими автоматами, они выглядели именинниками, шумно поздравляли друг друга, прилаживали тут и там красные флажки.

Кроник прежде всего подошел к командиру штурмового батальона. Обнял, расцеловал и во всеуслышание воскликнул:

— Поздравляю с победой, комендант крепости. Приступайте к исполнению своих новых обязанностей

и ни при каких обстоятельствах не сдавайте эту твердыню.

Потом комдив поздравил всех бойцов, обошел ряды и под непрекращающимся огнем противника со стороны вокзала и Новосокольников объявил о представлении к награде участников боев за крепость.

Таким выдалось в дивизии шестнадцатое января сорок третьего года. Годовщина с начала боев под Сычевкой. Два января были совсем не похожи друг на друга.

— Вот и все,— глубоко вздохнул комдив, еще раз обведя взором окружающее.

— Да,— кивнул Букштынович.— Вот и кончились бои за Великие Луки.

— Теперь дальше, на запад.

— На Кенигсберг, Варшаву, Берлин...

В это время во дворе крепости загромыхали походные кухни. Замелькали белые халаты наших медиков, вызванных к раненым немцам. Тут и там стоял громкий и сочный солдатский говор, который постепенно стал отвлекать от раздумий и командира дивизии. Он смотрел по сторонам, на радостную суетню своих солдат, примечал их обгорелые шинели и полушубки, серые валенки, ставшие давно черными, слушал звон котелков, шутки и прибаутки и вдруг рассмеялся, поворачиваясь к своему заместителю.

— А что, Михаил Фомич, не хватить ли и нам солдатской каши?

— После работы можно, со вчерашнего дня ни росинки во рту,— в тон комдиву ответил Букштынович.

— Пошли, попросим.

В этот миг над крепостной колокольней взвился еще один яркий красный флаг и так затрепетал на холодном ветру полотнищем, что стало слышно на земле.

— Ура-а! — загремело кругом.

Комдив посмотрел на своих солдат, понял их состояние и вместе со всеми гаркнул простуженным басом:

— Ура! Ура победителям!

И от этого ему стало хорошо-хорошо, как не было ни разу за время войны, а может быть, и за всю жизнь.

ВОРОТА В БЕЛОРУССИЮ

ПОД НОВОСОКОЛЬНИКАМИ

Благодарность народа

Сразу же после падения Великолукской крепости войска третьей ударной армии, в которую входила наша дивизия, широким фронтом повернули свои штыки к Новосокольникам. Так называемая репетиция перед завтрашним штурмом Кенигсберга, Варшавы и Берлина была завершена. Кончились наши бои на два фронта, кончились возможности каких-либо авантюр противника, кончилась карьера бесноватого фон Засса и надежды на него гитлеровских фельдмаршалов. Мы выдвигались на самую западную точку советско-германского фронта, на острие великой битвы, отсюда прямо нацеленное на Прибалтику.

Все это возвеличивало престиж нашей ударной армии, несмотря ни на что, с честью выполнившей свою

историческую миссию. Это же поднимало и гордость наших воинов, которая была дороже наград.

Около четырех тысяч солдат и офицеров нашей дивизии за великолукскую операцию были удостоены орденов и медалей. Были установлены праздники двух полков. Тринадцатое декабря, начало штурма Великих Лук и освобождение западной части города, по праву отдавалось 1190 стрелковому полку, а шестнадцатое января, день падения крепости,— 1188 полку. В конце января весь личный состав дивизии получил благодарность Верховного Главнокомандующего. Значит, не забыл нас представитель Ставки и, хоть посердился за слишком долгие бои у крепости, все-таки сохранил о нашей дивизии добрые воспоминания.

Во всех подразделениях дивизии состоялись митинги. Разумеется, митинги своеобразные, ибо полки и батальоны находились в активной обороне, противник все еще продолжал огрызаться. Оборона проходила по высоткам, холмам, стыкам дорог — по абсолютно открытой местности. Бойцы жили в отбитых у врага блиндажах и землянках. И все-таки митинги с оружейными салютами были проведены и оставили у солдат неизгладимое впечатление.

И мы не хуже других. И мы заслужили благодарность народа, спасибо от Родины. Сознание этого рождало новые силы, заставляло лучше выполнять сегодняшние обязанности. В совокупности с тем настроением, какое царило тогда во всей советской армии, обстановка в нашей дивизии создавала огромную потенциальную силу для новых битв и походов.

В начале февраля была достигнута полная победа над окруженными под Сталинградом немецкими войсками. Одна цифра потерь живой силы противника вызывала изумление — четверть миллиона солдат. Это был решающий поворот в военных действиях на советско-германском фронте в пользу Красной Армии. Свою лепту в достижение этого поворота внесла и наша дивизия, участвуя в уничтожении одиннадцатитысячного гарнизона Великих Лук.

Победа в нижневолжских и донских степях, так же как победа на нашем участке фронта, была демонстрацией несокрушимой силы советского строя. Вся страна с еще большим энтузиазмом поднялась на помощь фронту. Именно в те дни по замечательной инициативе

саратовского колхозника Ферапонта Головатого народ начал добровольный сбор средств на новые самолеты и танки. В это патриотическое движение включилась и моя родная Удмуртия.

Как бы в подтверждение нерушимой связи тыла и фронта в нашу дивизию прибыла делегация Монгольской республики. Народы Востока с надеждой смотрели на Красную Армию, готовые при первой возможности начать войну со своими поработителями.

Монголы привезли много подарков, сувениров и орденов своей республики. Одним из таких орденов был награжден за умелое командование штурмовой группой артиллеристов капитан Иван Коровин. Ему вручал орден член правительства Монгольской республики.

— После войны приезжай к нам, батыр,— приглашали гости русского парня.

— А невесту подберете? — шутил заводской-тульской.

— Сам подберешь, любая красавица пойдет за тебя.

— А если я верхом на лошади не умею?

— Научишься. Фашистов бить научился, а верхом— пустяк.

— Тогда, пожалуй, ждите после Берлина, раз такая история закрутилась.

Хорошо на душе победителей. Как долго мы ждали этого часа услады, сколько претерпели из-за него. Не все дождались желанного. Тем дороже награда для живых.

Я в эти дни небольшого затишья, как всегда, навещал своих земляков. Сколько их осталось в живых, сколько сложило головы. Редеют ряды удмуртских воинов. Зато каждый оставшийся в живых воюет за двоих и троих. Рост людей во всех отношениях поразительный.

Я думаю о Григории Андреевиче Поздееве, юноше-сироте из нашего Ваёбыжа, поднятом Советской властью на высокую кафедру науки. Каким скромным и неловким выглядел он вначале, как терялся порой в калининских лесах — и каким стал сейчас. Нет, он не огрубел, совсем наоборот, кажется, даже нашел себе симпатию среди медицинских сестер. А главное, он стал закаленным и умным солдатом, которому не страшна никакая внезапность. Сколько встречал он их в боях за Великие Луки, когда требовалась моментальная сообразительность. И она к нему приходила, пуш-

ки его дивизиона били без промаха, его бойцы не отступали ни на шаг.

А Степан Алексеевич Некрасов, бескорыстный и прямолинейный коммунист. Какую большую работу провел он над собой, чтобы из обиженного, несколько озлобленного в начале войны вырасти в обаятельного, открытого для всех, сердечнейшего из сердечных вожака солдат. Теперь он был уже парторгом артиллерийского полка, пожалуй, одним из немногих офицеров, не имеющих ординарца. Он сам с котелком ходил на кухню за обедом, сам прибирал свою маленькую землянočку, в своем роде партийный комитет полка, сам чистил себе сапоги и пришивал подворотнички к гимнастерке. И когда кто-либо из солдат предлагал свои услуги капитану, он отвечал так:

— Помощь солдата командиру в бою — одно дело, мыть грязные сапоги офицера в обороне — другое. Не учитесь пресмыкательству.

Если бы эти слова услышали на офицерском собрании, капитану, нужно полагать, не поздоровилось бы. Но он говорил так с солдатами и не боялся стать разлагателем воинской дисциплины.

А каким бойким стал Миша Ипатов. В лесах Удмуртии выглядел тюлень тюленем. А теперь, смотри-ка. Шапка набекрень. Выбрит, подстрижен. Курит трофейные сигареты.

— Вот ты какой стал екуня-ваня,— говорю в шутку.

А Миша-связист непринужденно мне в ответ:

— Хотите, шпротами угощу.

— Да откуда у тебя шпроты? — удивляюсь я.

— Из Голландии,— косит глаз Миша.

— Значит, склад в Луках почистил?

— Не склад, а блиндаж.

— Ай-ай-яй, Михаил Иванович.

— Все так делали.

Я знаю, что делали так не все. Да и не было у всех такой возможности. Это связисты гуляли с катушками по всему городу. Вот у них и остались трофейные шпроты и сигареты. Можно ли осуждать за это солдата? Мне в Мише Ипатове дорого другое, этакое житейское повзросление. Я не говорю пока политическое. Наверное, Миша намного изменился и в этом направлении. Но главное — как он жадно стал смотреть на мир и все по-своему осмысливать и оценивать.

Я также знаю, что это влияние на него русского друга Алексея Голубкова. Спрашиваю Мишу о друге. Лицо его заливается краской, глаза теплеют, весь он загорается и говорит с восторгом:

— Хороший у меня друг, очень хороший. На днях в партию вступил.

— А шпроты не помешали? — подковыриваю я.

— Шпроты — пустяк. Шухер-мухер, как говорит Алеша.

— Сколько убил под Луками?

— Не считал. Мы с Алешей.

— И не ранило вас?

— С Алешей не ранит.

— Заговор, значит, он знает против смерти.

— Он храбрый, смерти не боится. У него дочка на Волге. Для нее, говорит, сохраню жизнь до Берлина.

Я проглатываю комок, подступивший к горлу. Вот она, святая солдатская дружба. Война убивает людей. Но она же облагораживает их.

Рады-радешеньки освобождению Великих Лук солдаты — уроженцы этого города. Так бывает редко, чтобы бойцу приходилось драться за свои родные места. В нашей дивизии они оказались. Все геройски вели себя в боях. Кое-кто был ранен, но остался в строю. Некоторых постигло семейное горе — не стало матери или отца, жены или невесты. Они пересилили этот удар, отомстили врагу при штурме крепости и сейчас, в обороне, беспрестанно рвутся на самые опасные дела.

В день Красной Армии пришел приказ о присвоении командиру дивизии Александру Львовичу Кронику очередного воинского звания — генерал-майора. Комдива поздравляли офицеры и солдаты. Он немножко смущался, наш строгий на вид черноусый комдив.

— Спасибо, спасибо,— кивал на приветствия.— Плох тот солдат, который не хочет быть генералом.

Наши женщины

Вот какое упущение допустил я в своем сочинении — никак не могу удосужиться написать что-нибудь о женщинах нашей дивизии. Их было у нас, по правде сказать, очень немного. Врачи, сестры и санитарки медсанбата, санинструкторы батальонов и дивизионов. Два-три человека в столовых. Может быть, наберется всего пятьдесят женщин. Но все-таки и они творили немалые дела.

Мне вспоминается наша ижевчанка, фельдшер Аня Добрякова. Была она у нас с начала формирования. Прошла все пути-дороги. Мучилась вместе со всеми в калининских лесах. Чего только там бедненькой не пришлось пережить. Нелегко под открытым небом да под бомбежками солдатам-мужчинам, а каково девчушке? Порой по три-четыре дня не попадало корочки в рот, по неделям не снимали обувь и шинели. Умывались снегом, завтракали лесной брусникой, ели суп из лошадиных костей.

И это не в лагере каком-нибудь, а на войне, где постоянно приходилось быть начеку, держать при себе автомат.

Держала его и Аня Добрякова. Вытаскивала с поля боя раненых. Кого как: на себе ползком, на шинели волоком, на коленках под руку. Подняться нельзя. Мешкать — тоже. А сил нет. Зато было бесстрашие — будь что будет, лишь бы поскорее добраться вон до той ложбинки.

Такой была Аня-фельдшерица. А выдастся небольшое затишье — она в палатке или землянке опять с ранеными. Ухаживает за ними, мудрит над диетой, письма пишет солдатам домой, песенки поет тихонечко.

При последнем прорыве, летом сорок второго, потерялась в лесу. Группа, с которой Аня пробивалась, напоролась на немцев, был бой, были раненые и убитые. Не бросишь несчастных. Так Аня и отстала от дивизии. Выходила из окружения уже позднее, пристав к другой части. Но все-таки вышла.

Мы думали, совсем пропала Аня Добрякова, ан нет, живучей оказалась землячка. Узнала адрес дивизии, написала письмо, рассказала о своих злоключениях, пожалела, что не может вырваться к своим. Я очень был рад, когда узнал, что Аня выкарабкалась из пекла.

В нашем медсанбате работала ижевская медсестра Клавдия Степановна Плотникова. Отчество к ней тоже не очень-то подходило, молодая еще. Солдаты звали ее запросто Клавой. Она была чуть другой, чем Аня Добрякова. Та маленькая, похожая на подростка, эта— солидная, представительная. А по характеру такая же хлопотунья.

Особой славой пользовалась совсем юная девушка Валя Сентякова. Она была не только медсестрой госпитального взвода, но и постоянным донором медсан-

бата. Своею кровью спасла много жизней. За это была награждена орденом Славы 3 степени и многими медалями.

Что творилось около двух месяцев под Великими Луками, читатель уже знает. В гуще этих событий находились и медики. В иной день горячих боев сотни раненых. Без отдыха работают хирурги. Не отходят от них сестры. Вместо операционного стола — нары. Вместо лампы — гильза с ватным фитилем.

А главное, разговор с ранеными. За медсанбатом идет бой. Там товарищи. Там большие дела. Все рвутся на передовую.

Тот, кому отрезали ногу, конечно, не рвется. И без руки не повоюешь. А легко раненные? Как совладать с ними? Забинтовали голову или плечо, и он сразу к выходу.

— Куда?

— Как куда? Туда...

— Остановитесь, вам нельзя.

— Почему нельзя? Теперь можно.

— Вы должны вылежаться.

— Ну, это дудки. За меня товарищи не обязаны отдуваться.

— Но вы же раненый.

— А они, может, уже убитые. До свиданьица. Спасибо.

Или разговор с тяжело раненным.

— Вас через час эвакуируют в тыл.

— Никуда я не поеду из своей дивизии.

— У нас нет условий для вас.

— На нарах отлежусь.

— Это не положено.

— Тогда убегу к ребятам.

Хирург Мария Гавриловна Прокофьева жалуется комдиву:

— Установите дисциплину среди раненых.

— В чем именно?

— Убегают забинтованные на передовую.

— Не имею права задерживать.

— Но это нарушение...

— Сейчас многое рушится, Мария Гавриловна. А это не во вред. Забинтованный солдат в боевой цепи стоит десятерых незабинтованных.

— Я вас не понимаю.

песенки и несли их к солдатам. «Бьется в тесной печурке огонь»...

— Давай еще раз, девушка.

— Кто написал?

— Алексей Сурков.

— А-а, это тот самый «Боевой восемнадцатый».

— А ты слушай, слушай.

Идет война, а сердца остаются сердцами. И после штурмов, и после траншейных, рукопашных боев. Не черствеют, не покрываются плесенью сердца советских солдат.

Поет, тоскует, мечтает дивизия, многотысячный, живой организм — частица огромной Красной Армии, единой советской семьи.

А бои идут

Они начались сразу же, как только дивизия встала в оборону под Новосокольниками. Все кругом носило следы недавних сражений. Высотки, занятые нашими подразделениями, еще не очищены от немецких касок, а кое-где и вражеских трупов. В блиндажах все перевернуто вверх дном — не успели прибраться.

Некогда. Роты и взводы, скрытно занимая оборону, очень часто с ходу вступали в бой по отражению очередной контратаки немцев. Так было на Безымянной высоте, занятой взводом младшего лейтенанта Гордиенко. Гитлеровцы атаковали ее несколько раз. Даже с танками. Атаковали остервенело, как бы желая взять хоть небольшой реванш за Великие Луки.

А сил у нас после штурма крепости осталось совсем немного. Оборона жиденькая. Это мы потом, через месяц-два ее укрепили, а в январе и феврале приходилось обходиться тем, что осталось после Великих Лук. Поэтому, когда вступали в бой один взвод или одна рота, помогать им почти не было возможности. Послать подмогу, значит, оголить фланги.

Так произошло и со взводом Гордиенко.

— Держись,— сказали ему из штаба батальона.— Подбросим.

На этом связь оборвалась. Что «подбросим», командир взвода так и не понял. Он знал, что людей не подбросят. Значит, пулемет? Пушку?

Раздумывать некогда. Немцы прут осатанело. Происходит примерно то же самое, что в наших ноябрьских

боях за высотки и холмы. Только сейчас роли переменились: обороняемся мы, наступают немцы. И еще — у нас невыгодное расположение траншей. Для немцев они были хороши: немцы оборонялись с противоположной стороны. Перед нами же сейчас открытый скат, который можно свободно поливать из пулеметов и минами. Через несколько дней система обороны будет видоизменена, но пока приходится пользоваться старой. Так что терпи, взвод младшего лейтенанта Гордиенко.

И он терпит. Комбат посылает на высотку связного Сапарова, тихого, незаметного парня. Поручает доставить противотанковые гранаты. Комбат чувствует, что взводу Гордиенко предстоят жестокие схватки.

— Доставишь — герой будешь,— говорит Сапарову комбат.

— Я буду стараться,— отвечает солдат.— Сильно буду стараться.

Ползет человек в зимние сумерки по полю. Тащит за собой ящик смертоносного груза. Трахнет рядом мина, заденет осколок — и поминай как звали солдата Сапарова из Красногорского района Удмуртии. Разнесет, не соберешь и косточек.

Ползет человек, торопится. Приказ камандира, приказ сердца. Там, в полукилометре, тяжело товарищам, очень тяжело. Чем они виноваты, что немцы пошли на эту, а не на другую высотку. Надо помочь солдатам, надо спешить.

О многом может передумать человек за полчаса. За полчаса до подвига или смерти. Только не думает он именно об этом. Он ползет, работает руками и ногами, думает, что́ сейчас там, на высотке Гордиенко.

А на высотке шел страшный бой. Немцев было в три раза больше, чем наших. Да в придачу два танка. За ними, как саранча, пехота. Выпустит немец очередь из автомата и опять за стальную броню. Удобно, безопасно. Так можно дойти до самых траншей.

Плохо на душе у солдат взвода Гордиенко. Танки — черт с ними. Будут утюжить окопы — увернемся. Но за ними хвост коричневых крыс. Придется схватиться врукопашную.

А рядом спешит спасение. О нем никто не знает. Спасение в одном человеке, смелом удмуртском парне.

«Успеет ли»,— думает комбат. Связи нет. Ее пошли исправлять с одного, тыльного конца. А где обрыв —

неизвестно. Наверное, у высотки, но там сейчас не до связи — дорог каждый человек.

Сапаров, усталый, мокрый, сползает в крайнюю траншею и тут же осторожно берет в руки ящик с гранатами. Слава богу. Дополз. Скорее найти командира.

Гордиенко знает, что Сапаров связной комбата. Раз пришел, значит, принес какой-то приказ.

— Ну? — бросает с тревогой и затаенной надеждой младший лейтенант, продолжая руководить боем.

— Гранаты,— выдавливает через силу Сапаров.— Вот. Комбат прислал.

Гордиенко смотрит на ящик, и его молодое, почти детское лицо с пухлыми щеками расплывается на миг в улыбке.

— Сапаров — ты бог!

— Я — земляк Кожева, товарищ командир.

— Достоин земляка. Спасибо.

Он быстро перебирает гранаты, раздает их отделенным, оставляет себе и кричит во всю глотку:

— Батальон, приготовиться к отражению танков!

И сам первый с хорошего маха бросает гранату. За первой летит вторая, третья, четвертая. Заговорила вся высота.

И происходит опять то фронтовое чудо, которое кажется невероятным, в которое потом не будут верить и его авторы. Немецкие танки останавливаются как вкопанные. Пехота, не пытаясь атаковать, рассыпается как горох. Ей вдогонку дают жару пулеметы.

— Сапаров — ты бог! — теперь гогочет Гордиенко.— Буду ходатайствовать об ордене.

— У меня медаль есть, хватит,— отвечает Сапаров.

А Гордиенко уже о другом:

— Батальон!..

Никакого батальона на высоте, конечно, нет. Просто юноша Володя Гордиенко недавно читал такой рассказ, в котором четыре матроса, выдавая себя за батальон, перебили добрую сотню врагов. Вот он и вспомнил и, кажется, не напрасно.

Такие схватки время от времени происходят и на других высотках и холмах. Они не обходятся без потерь. Сознавать это сейчас, после двухмесячных боев за Великие Луки, особенно горько.

В одной из таких схваток погиб заместитель командира минометной батареи Морозко, с которым в Луках,

говорят, беседовал писатель Фадеев. Может быть, автор «Разгрома» хотел прославить второго Морозку, героя не гражданской, а отечественной войны. Кто знает. Только второго Морозки не стало в живых.

В это же время в соседней дивизии у деревни Чернушки совершил свой бессмертный подвиг Александр Матросов. Весть о нем немедленно разнеслась по всей армии. Вспоминая последний бой за Безымянную высоту, я подумал: ведь и там мог появиться свой Матросов.

Идут бои. Маленькие или большие, но бои. Они совсем не похожи на январские и февральские прошлого года. Даже если мы обороняемся, то все равно инициатива за нами. Шабаш фашистскому зазнайству. Скоро начнем сшибать и последнюю спесь.

Нас поддерживает вся Красная Армия. В начале марта она освободила Ржев, Оленино, Чертолино. Начисто очищена железная дорога Москва—Ржев—Великие Луки. Освобождены Сычевка, Белый, Гжатск, Вязьма. Выправлен весь ржевско-вяземский выступ.

Для нас эти новости особенно значительны. Дивизионная газета печатает в связи с этим отклики наших солдат — участников боев за Сычевку. Вот он, пришел праздник и на нашу улицу.

Наступила весна. Пройдет много лет, но мы, наверное, всегда будем сравнивать каждую новую весну с той, какую нам пришлось пережить в сорок втором году. Тогда нам не в радость были ни песни птиц, ни первая зеленая травка. Сознание было занято другим.

Нынче для нас весна — праздник, предвестница хорошего. Кругом нас много озер, речушек, и среди них такая милая, спокойная, извилистая, совсем как в нашей Удмуртии, речка со странным названием Удрайка. Что это за слово, я не докопался до сих пор. Но тогда оно нам очень нравилось. В дивизионной газете появилось даже стихотворение «На берегу Удрайки», в котором это слово, кажется, рифмовалось со «стайкой» журавлей, пролетавших над нами на север.

Но Удрайка была не только наша, но и немецкая. Поэтому на ее берегу, как только он покрылся зазеленевшим ивняком, стали располагаться снайперы. Тогда они только появлялись на фронте. Перекочевали из Сталинграда. Не сами, конечно, снайперы, а это движение. Докатилось оно и до нас.

Н. Рыжков. Рисунок С. Викторова

Под Новосокольниками у нас славились острым глазом двое: Касаткин и Цыкалов. Каждый имел на счету по сто тридцать — сто сорок уничтоженных гитлеровцев. Такое считалось подвигом. Правда, это было далеко до рекорда сталинградского Зайцева, но все же внушительно.

Снайперов почитали, как героев. С почтением принимали на передке. А в боевом охранении взводов и рот их встречали, как чародеев. Но скромных солдат это не трогало. Они были очень выдержанные и собранные, эти парни-снайперы.

Другими героями дня были разведчики. Среди них кумир — Николай Рыжков. По манерам он был братом артиллериста Алексея Голубкова. Таких называли в дивизии «вольницей». Нажимать на них бесполезно, наказывать за нарушение дисциплины — тем более. Единственное средство воздействия — доброта и доверие. Это хорошо понимал генерал Кроник. Перед каждым поиском и после него он лично беседовал с разведчиками.

Поблажки им старались делать во всем. С кухни — лучший кусок. Из вещевого склада — отборное обмундирование. Посылки придут из тыла — самые большие разведчикам. Им же отпуска в город с ночевкой.

И разведчики не подводили. Повышенное внимание к ним со стороны комдива кое-кому из офицеров не нравилось. Шли закулисные шепотки, ухмылочки. Генерал пресекал их решительно.

— Над разведчиками смеетесь? Собирайтесь ночью в поиск. Что? Плохое зрение? Не умеете по-пластунски? Запомните: разведка — мои глаза и уши. Вы не доросли до таких людей.

А Коле Рыжкову, развеселому, блондинистому парню, говорил так:

— Береги жизнь, Николай. Героем сделаю. Женю на хорошей девушке. Крестным отцом буду.

— Это после войны, товарищ генерал.

— Само собой. А найдешь симпатию — разрешу на фронте.

— Пока я без женитьбы как-нибудь, только в город отпускайте.

— Уговор дороже золота: за каждого **языка** — отпуск.

— Языки будут.

Разведчикам помогали саперы. Среди них славились Семен Ильин и Андрей Лысов. Умные следопыты. Однажды притащили с передка немецкие мины неизвестной конструкции.

— Как догадались? — спрашивает дивизионный инженер Баскаев.

— Так видно же...

— Молодцы. Это находка!

— Мы тоже так подумали. Может, секрет нащупаем.

— Правильно. Доложу генералу,— улыбается всегда веселый Баскаев. Его любил генерал за храбрость, как и Васильева. Баскаев вырос за два года войны от командира саперного взвода полка до начальника инженерной службы дивизии.

Мы стоим в обороне. Мы ведем бои. Война везде одинаковая. Она не может быть большой и маленькой. Нам еще шагать да шагать на запад. Значит, беречь силы, значит, продолжать учиться.

Ждем приказа

Сколько бы ни стоял солдат в обороне, знает: рано или поздно, а придется с места трогаться. Это заставляет держать себя начеку, лучше отрабатывать то, что не знаешь. А чего не знаешь после двух лет войны?

Как ни странно, многое. Война с каждым днем совершенствуется. И средства ведения ее меняются. Неизменным в своем существе остается человек. Ему надо впитывать в себя, как губке, все новое, что появляется на фронте.

В калининских лесах мы были учениками первого класса. При летнем прорыве сорок второго года уже действовали как обстрелянные. Под Великими Луками прошли курс, пожалуй, за всю среднюю школу. И все-таки учиться надо продолжать.

Мы пока, по существу, не наступали по широкому фронту, не шли с боями, как другие дивизии, по шестьдесят — семьдесят километров в день. А ведь придется так шагать и нам. По какой местности — неизвестно. Может, по белорусским лесам, а может, по прибалтийским хуторам. Но при всяком стремительном продвижении вперед пригодятся маневр и бдительность.

В обороне маневрировать негде, живи по боевому Уставу. А для закалки бдительности — широкий простор. Умей слушать передний край днем и ночью, гла-

зами и ушами, разумом и сердцем. А это получается не у всех. Подводит русское «авось» да «небось».

Недавно немцы утащили к себе солдата из боевого охранения одной из рот Николая Сизова. Конечно, была борьба, и, может быть, наши дрались неплохо, но врага-то все-таки подпустили. Сизов и пленный вел себя мужественно. Немцы шли к себе гуськом. В середине Сизов. Когда дошли до минного поля и нужно было перешагнуть через соединительную проволоку, Сизов умышленно ее дернул. Взрывом ранило всех. Двое немцев тут же умерли. Третий и Сизов оставались в сознании. Случилось так, что между ними на нейтральной полосе оказался автомат. Оба потянулись к нему. Сизов успел первым и убил третьего немца. Сам же, истекая кровью, добрался до своих траншей и на бруствере умер.

Помнится, комдив не очень одобрял шум, поднятый газетой по поводу подвига Сизова. По существу, солдат погиб из-за своей оплошности и оплошности товарищей. После этого в дивизии были введены строгие порядки ночного дозора. В боевое охранение стали посылаться вместе с молодыми бойцами обстрелянные воины, сержанты и старшины.

Не тратили время впустую и артиллеристы. У них появился новый, опытный и требовательный командир полка полковник Кравец. Во всех орудийных расчетах шла боевая учеба. У артиллеристов сохранился даже карабин Михаила Вотякова. Он неизменно вручался лучшему бойцу расчета. Под Новосокольниками расчетом Вотякова командовал старший сержант Николай Воронцов. Он учил наводить орудие в максимально сокращенное время, за тридцать восемь—сорок секунд.

Николай Воронцов находился в дивизии с начала формирования. Он славился как хороший топограф. И был командиром топовзвода. Мне как-то не приходилось с ним сталкиваться близко. Слышать о нем слышал, а, как говорят, в работе не видел. И вот мы шли сейчас, теплым летним днем, на его огневую позицию.

Если на минуту забыться, то окружающее будто ничем не напоминает войну. Наливается рожь. Зеленеют травы. Все кругом благоухает. Даже не слышно выстрелов и залпов. Словом, как у нас в Удмуртии.

Огневая позиция батареи, в которую входит расчет Воронцова, за небольшим холмом. В ряд, с интервала-

ми стоят пушки. Возле них натыканы в землю свежие елочки. Дорожки посыпаны песком.

У каждого расчета своя землянка: добротная, с двумя накатами, с окном, дверью, немного напоминающая собой баню. Такой же порядок и внутри. Стены обшиты досками, на полу хвоя. И в каждой землянке на центральном месте портрет Михаила Вотякова, перерисованный из дивизионной газеты и вставленный в самодельную рамку. Портреты и рамки сделаны с любовью чьими-то искусными руками.

Не было смысла спрашивать, знают ли батарейцы о подвиге Михаила Вотякова. Он здесь чтился как святыня. Я попросил Николая Воронцова показать карабин героя.

Старший сержант — очень серьезный молодой удмурт, землеустроитель. Нетороплив в движениях, немногословен, на вид схож со Степаном Алексеевичем Некрасовым.

— Вот он,— сказал Воронцов, входя в одну из землянок.

На дощатой стене под портретом героя висел обыкновенный, изрядно поношенный карабин. Новых наша промышленность выпустить еще не успела. Выпуск «катюши» освоила, новые гаубицы научилась делать, а карабины остались прежние. Да и не было смысла, пожалуй, их менять.

В моей голове за минуту проплыли картины давнишнего боя под Михалями. Как здорово, что артиллеристы сохранили такую реликвию. Это пригодится нам в будущих боях.

А дыхание их уже обдавало наши сердца. По всему советско-германскому фронту шли жестокие сражения. В июле Гитлер пытался разыграть спектакль на Курской дуге. Стянул огромные силы, главным образом танковые. Замысел врага был заблаговременно разгадан. Наши предупредили контратаку. И на бескрайнем плацдарме разыгралось колоссальное сражение, в котором фашизму в третий раз за время войны, после Москвы и Сталинграда, был нанесен смертельный удар, теперь по самому хребту. Около шестисот танков и более двухсот самолетов было подбито нашими войсками только за один день.

И с этого пошло. Освободили от немцев Орел и Белгород. Не стало Курской дуги. Первый московский са-

лют в честь окончательного перелома в ходе войны в пользу Красной Армии. Далее освободили Харьков. Капитулировала и перешла на сторону союзников Италия. Освобожден Смоленск.

Наш передний край полон ежечасных коротких стычек с врагом. Солдатам и командирам не терпится. Все пошло, загромыхало, полетело на запад. Скоро уже мы не будем самой передней точкой советско-германского фронта. Нас перегонят украинские дивизии.

Инструктор политотдела по разложению тыла противника капитан Лев Борисович Кайдановский каждую ночь пропадает на переднем крае. Его «Ахтунг, ахтунг», передаваемое через рупор, разносится далеко окрест. Немцы не мешают беседе большевистского агитатора. За редким исключением ее пресекают офицеры, открывая пальбу из пулеметов. Наши отвечают тем же.

— Ахтунг, ахтунг! — повторяет капитан.

— Русс, бросай газету,— просят немцы.

— Держи! — кричат наши, закидывая ком глины с заложенной внутрь бумагой.

Эта игра идет без обмана, без оскорблений. Кажется, согласись сейчас немцы на капитуляцию, началось бы братание. Ох, как не хочется солдатам воевать, как надоело терзать свои души ненавистью.

Но тут опять пулеметные очереди. Кого-то ранило. Опять кипит злоба.

— Сволочи! Звери!

— С ними по-хорошему, а они как бандиты.

— Да чего с ними чесать языки. Пулю в лоб — и весь разговор.

— Но ведь людьми же считаются.

— Вон итальянцы пошабашили.

— Гитлера надо к стенке, от него вся зараза.

И опять начинается фронтовая рапсодия. Опять накаляются солдатские сердца. Все жаждет мести. Все требует действий. Скоро ли?

Два года прошло со времени сформирования нашей дивизии. Полтора года боев. Дивизия отметила день своего рождения. На празднествах была выставка портретов героев дивизии, замечательно выполненных воином-художником Сергеем Павловичем Викторовым. Пройдено немало, а предстоит пройти еще больше. Все устремлено на запад. Отдавай приказ, Родина. Мы ждем. Мы истосковались по большим делам.

ШИРОКИМ МАНЕВРОМ

Идем на запад

Стоит сухой, солнечный сентябрь. Чуть-чуть начинают желтеть листья на деревьях. На прифронтовых полях продолжается уборка яровых. Затянулась, а ничего не поделаешь. Убирать приходится не как до войны, комбайнами и жатками, а по-дедовски, серпами. И то с опаской, только по ночам — днем не дают немецкие артиллеристы и летчики. Это еще больше накаляет ненавистью сердца наших солдат.

Бывает такое состояние зрелости плода, когда он вот-вот лопнет от напора соков. В это время его надо рвать. Так и с человеком. К нему в определенное время приходит переизбыток чувств, с которыми он бывает не в силах совладать. Им нужно дать выход, чтобы силы получили нужное применение, а не пропали даром.

В половине сентября воины нашей дивизии переживали особенно неспокойное состояние. В конце второй декады перешли в наступление войска Ленинградского фронта. Это у Тарту и Нарвы. Мы относились в это время тоже к ленинградцам. Их пример заронил в нас еще большее нетерпение.

В эти же дни пошли в наступление войска Центрального фронта, с ходу форсировали Десну и освободили Чернигов. Штурмом вышвырнули немцев из Полтавы воины Степного фронта.

— А когда же мы?

С этим вопросом солдаты не давали покоя командирам и политработникам. Все были в ожидании. Каждый готовился к скорому походу не только в мыслях, но и на деле. Сотнями отправлялись в тыл письма. Выкидывалось лишнее из вещмешков. Подбирались крепкие портянки. Проверяли, ладно ли пришиты пуговицы. Счастливчики в последние разы навещали знакомых в городе.

Шли торопливые сборы в тылах дивизии. Бегал начальник артснабжения Николай Прокопьевич Попов.

— Что с вами, товарищ майор? — спросишь при встрече.

— И не говори, брат, запарился,— махнет рукой снабженец.— Готовится большой сабантуй. Хватит, посидели восемь месяцев.

— Уже известно, где разыграется сабантуй?

— Надо догадываться. Куда же могут бросить штурмовую дивизию, как не на прорыв.

— Опять ворота открывать?

— Это лучше, чем шагать в открытые.

А я знаю, что ему, главному кладовщику артиллеристов дивизии, совсем не лучше, а главное, не легче первым лезть в пекло. Сколько раз ему приходилось дрожать, как осеннему листу, при штурме Великих Лук.

— Попов, почему снарядов даешь мало?

— Попов, срываешь подвоз огурцов.

— Попов, из-за вас захлебывается атака.

Каково выдерживать такой натиск? Да еще с угрозой отдать через час под трибунал, отправить завтра в штрафной батальон. А он все-таки выдерживал. Выжимал из себя последние силы, уж не молодые, поистрепанные, а выжимал.

И вот сейчас опять добровольно рвался навстречу новой такой же суете. «Лучше открывать, чем шагать в открытые». Таков был наш артснабженец, закаленный ветеран войны, прошедший через огни, воды и медные трубы. Трудно ему, а он ищет, где еще труднее.

Таким настроением жила вся дивизия. Чем ее после калининских лесов и Великих Лук можно было испугать? Да ничем, пожалуй. Она была готова к любым, самым опасным схваткам.

И время это наступило. В конце сентября дивизия тронулась в путь. Это был наш третий поход за войну. Как он отличался от первых двух. И по дисциплине, и по настроению, и по снаряжению. У нас теперь было все для боев с ненавистным оккупантом. Нам нечего было опасаться. Мы знали, что на нашу колонну не посмеют напасть даже немецкие самолеты, их немедленно отгонят советские ястребки. А танкового налета нечего было бояться тем более. Не те времена.

Но переходили на новое место, конечно, скрытно. Оно почти ни для кого не было секретом. Двигались пешими. Значит, где-то недалеко будет наше новое расположение. Но где же все-таки?

Оказалось, ближе к белорусской границе. Через три дня дивизия сосредоточилась перед городом Невелем. Не у самого города, а в семидесяти километрах от него. Про себя размышляли: не придется ли делать то же самое, что перед Великими Луками. Местность схожая.

Опять чертовы высотки и балки. Сами же себя успокаивали: не может быть, чтобы невельский гарнизон сопротивлялся так же, как великолукский. Не та сила нынче у немцев, зато куда крепче она у нас. Уж раз с ходу берем такие города, как Полтава, малютку Невель возьмем тем более.

Но не говори «гоп», пока не перепрыгнешь. Этот мудрый народный совет, который любил повторять Володя Зудилкин, нельзя забывать и нам. Черт его знает, этого хитрого фрица, что он приготовил для встречи за горушками и холмами.

Но мы видим нынче рядом с собой танки. В прошлом году о них только слышали. Даже под Великими Луками они помогали нам маловато. А сейчас тут же, около нас, в кустиках. Парни в шоферских шлемах готовят по ночам переправы через ручейки, болотца.

Это радует. Нельзя зевать и нам. И наши не зевают. Заняв оборону ушедших на отдых солдат, налаживают срочную разведку, поправляют окопы, огневые ячейки, выдалбливают в траншеях лесенки для быстрого прыжка на бруствер. О блиндажах не думают: засиживаться в них не придется.

Погода нам помогает. Ни дождичка, ни ветерка.

— Вот благодать,— улыбается Миша Ипатов.— Ползаешь, ползаешь и штаны даже не запачкаешь.

— А много ползать приходится?

— Это как полагается перед сабантуем. Но не трудно. Сил много. Сердце хорошо стучит.

— Вперед рвется?

— А как же. Мы с Алешей в Невель собираемся.

— Первыми — танкисты.

— Это, пожалуй. А не мешало бы и нам.

Он улыбается, все понимающий и хитрый связист.

Сосредоточенны и молчаливы артиллеристы. Они недовольны данными разведки, полученными от предшественников.

— Засиделись в обороне ребята, пригляделись и малость поослепли,— говорит Николай Иванович Семакин.— Дополнять надо цели.

— Сильна у фрица оборона?

— За год можно было укрепиться.

— Значит, опять крепкий орешек?

— Все дело — как грызть. Будешь с одной стороны — не разгрызешь, с трех — дело верное.

Вон как рассуждает артиллерийский разведчик, наш пудемский крестьянин-агроном. Маленький, плотный, очень живой, он без устали хлопочет у своей стереотрубы. И все повторяет:

— Разгрызем. Лишь бы всем вместе. Артелью.

Он помнит, как дорого обходились нам бои в калининских лесах, когда мы действовали не артелью, то есть без должного взаимодействия родов войск. Платились порой за это и под Великими Луками. Значит, теперь-то уж не должны повторять ошибок.

Встречаю перед наступлением многих земляков. Рядом с передним краем лес. В нем наши тылы. Удобно для сосредоточения и снарядов, и продовольствия. Сразу бросается в глаза: никто не устраивается накрепко. Некоторые тыловые подразделения расположились прямо под деревьями, в наскоро сделанных из веток шалашиках. Конечно, среди робинзонов первый наш Бахтин, командующий кавалерией.

— Не нашел лучше места, чем в кустах? — спрашиваю я земляка.

— А зачем? — смеется Иван Максимович.— И лошадям лучше. Нагрузочка им предстоит дай бог.

— Зашагаем, как наши на юге?

— А может, и пошибче.

— Тогда отстанут твои ишаки.

— Не беспокойтесь. Скорее машины забуксуют.

Какое удивительное настроение, когда дела ладятся во всей армии. Сами еще ничего не сделали, а чувствуем себя героями. Так сказать, авансом. И не думаем стесняться. Верим в свои силы.

Этот боевой задор и у комдива. Он разъезжает с майором Васильевым. Полковник Букштынович покинул дивизию. Его отозвали в штаб армии. Жалко было расставаться нашему генералу с боевым товарищем, но ничего не поделаешь. Поэтому, должно быть, он еще больше привязался к своему воспитаннику, молодому начальнику оперативного отдела.

Как всегда молчалив, задумчив, со своей неизменной трубочкой командир полка Корниенко. Он тот же, что и под Великими Луками, этот боевой подполковник-пехотинец. Скромен, трудолюбив, обходителен, заботлив. Я его давно не видел. Хочется поговорить.

— С удовольствием бы,— вздыхает Прокопий Филиппович,— да голова занята другим. Уж после Невеля.

Я понимаю, чем занята голова командира полка. Перед наступлением почти все офицеры любят помолчать. Другие молчат по суткам. Что происходит в это время в их головах? Видимо, пишутся целые трактаты. И все возможно, план предстоящего боя вынашивается не за столами и не за картами, как принято представлять, а в окопах, в бессонные ночи, когда никто и ничто не мешает. Помните слова лихого Петьки: «Тихо! Чапай думать будет!»

Но и раздумьям приходит конец. Наступает час проверки выношенного и выстраданного, экзамен всему, к чему готовился долго и упорно. Объявляется минута наступления.

Она выпала на шестое октября, кажется, на девять или на десять часов утра. Минута наступления, каких мы пережили уже немало. Чем она будет отличной от прошлых?

Началось все как и прежде. Артиллерийский налет и бомбовой удар. Только более длительные и массивные. Пехота наготове с автоматами и гранатами. Раньше была только с карабинами. Готовы к выкату на прямую наводку полковые пушки. Начеку минометчики. Вот-вот схлынет немного огневой вал — и пойдет, покатится. Давай, давай наступай эта минута.

Перед новым наступлением произошла смена командования. Наш комдив Кроник занял оборону с 178 дивизией в знакомых ему местах, а командиром 357 стал генерал-майор Александр Георгиевич Кудрявцев. Он сверстник Кроника, и биографии их сходны. Участник гражданской войны, вырос от солдата до генерала. Кажется, поспокойнее Кроника, пошире в плечах, носит усы. Новый комдив произвел приятное впечатление. Он быстро познакомился с офицерами штаба, с командирами полков.

Чуть раньше комдива прибыл новый начальник политотдела полковник Минин. Говорят, ленинградец.

На плечах врага

— Пошли, поехали,— были первые слова Алексея Голубкова, как только кончился артиллерийский налет и пехотинцы начали выбрасываться из траншей.

Он и не подумал усомниться, что сегодняшняя атака может захлебнуться и налет придется повторить. Нет, этого, по его мнению, не могло быть, а раз так, сверты-

вай провод и закрывай на этом месте лавочку. Ведь все равно придется это делать, так лучше поскорее, чтобы не отстать от пехтуры.

А пехота действительно рванулась вперед лавиной. И не потому, что не встретила сопротивления. Нет, высотки и холмы, как и под Великими Луками, ощерились тысячами стволов. Но удивительное дело, сейчас наша пехота не кланялась пулям, не залегала, а так быстро и искусно обходила опорные пункты врага, что они моментально оказывались блокированными.

Конечно, не все высотки и стыки дорог падали моментально. Некоторые держались довольно долго. Их обходили танки и артиллерия, потому что делать им тут было нечего, следовало быстрее развивать прорыв. С непокорными оставались пехотинцы и минометчики.

Одна такая высота застряла на пути и нашей дивизии. Все полки и батальоны давно прошли вперед, некоторые оторвались на три километра. Четыре танка 59 гвардейского полка уже ворвались в Невель. Маневрируют колесами и траекторией артиллеристы. А эта паршивая, на вид похожая на египетскую пирамиду высота продолжает стоять, как бельмо на глазу.

Не трудно представить в эти минуты состояние командира дивизии и командира полка. Наступление только нашей части идет по фронту более трех километров. Идет успешно, быстро. И лишь одна малюсенькая точка, как заноза, портит общую панораму. Все думают, что она вот-вот рухнет, не стоит о ней особо беспокоиться, пожалуй, можно даже скрыть ее при первом докладе командующему армией.

Мимо злополучной высотки, стороной от нее, уже катят вперед некоторые тыловые подразделения, а высотка все огрызается, и у ее подножья падают все новые наши бойцы. Погиб герой великолукских схваток парторг Павел Наговицын.

Если бы эта высота была непокоренной в ряду других, как это было под Великими Луками. Но весь конфуз как раз в том и заключался, что она оставалась единственной, и это было несчастьем для дивизии.

Оттягивать к высоте силы от вырвавшихся на оперативный простор батальонов — неразумно. Подкинуть помощь из резерва — он тоже выпущен вперед. Кто мог подумать, что немцы приготовили такой сюрприз и именно на фронте нашей дивизии.

А наступление развивается с прежним размахом. Танкисты устроили в Невеле переполох. Задержали на железнодорожных путях готовый к отправке в Германию эшелон невольников. Блокировали склады с боеприпасами и продовольствием.

А трижды проклятая высота продолжала изрыгать огонь.

Все это происходило в продолжение получаса или, в крайнем случае, сорока пяти минут. В прошлых наступлениях подобный инцидент мог остаться незамеченным долгое время. Во всяком случае, неизвестным для командующего армией и, тем более, фронтом. Теперь же все оборачивалось по-другому. Темп наступления открывал всем глаза...

Высотку все-таки сковырнули и еще бойчее всей дивизией, широким маневром пошли вперед.

Какое это было огромное моральное удовлетворение: и мы освободители. Пока мы видели деревни и хутора, освобожденные другими. В них останавливались по пути на фронт, угощались картошкой в мундире, дарили ребятишкам карандаши и тетради. А теперь вот первыми входили в такие деревни.

В боевых порядках пехоты — артиллеристы. Им в новинку это. То чувствовали себя своеобразными аристократами, порой посмеивались над «шалашами», а тут рядом с ними, бок о бок. И ничего, дружба полная. Довольны те и другие.

У пушкарей теперь командует Кравец, рыжий полковник с большими навыкате глазами. Он деятелен, хлопотлив, строг, как говорят, сует свой нос в каждую щелочку. Но солдаты и офицеры на это не обижаются. Не обижается и Григорий Андреевич Поздеев.

— Как воюется, товарищ капитан?

— Огрызаются, сволочи, а целей настоящих нет,— отвечает командир дивизиона.

— Совсем?

— Крупные сшибают танкисты, а нам достаются летучие отряды.

— Применяйте маневр, расширяйте прорыв, нас ждут Невель и Белоруссия.

— И мы их ждем.

Вот как война переделывает людей. Я все чаще и чаще задумываюсь над этим, наблюдая за своими земляками. Смотри, каким стал тот же Николай Воронцов,

достойный преемник Вотякова. До сих пор не было о нем слышно, а в сегодняшних боях уже подшиб несколько автомашин противника. И главное — с ходу.

Огонь с ходу — новое у артиллеристов. Не приходилось им так стрелять, да и негде было. И вот первый блин и не комом. Не зря командир орудия учил расчет быстрой наводке. Вот и пригодилось.

— Чик — и в дамки,— говорит Миша Ипатов.— Я видел, как Коля стреляет.

Он доволен. Связисты вышагивают вместе со всеми, не разматывая катушек. Незачем. Никто не стоит на месте. Командиры батарей и дивизионов рядом с солдатами.

Но не надо думать, что первый день наступления был спокойным маршем. Кроме той высоты, о которой уже шла речь, пришлось схлестнуться с немцами еще несколько раз. Кое-где крепенько. Кровопролитные бои за расширение прорыва продолжались двое суток. Врагу не удалось закрыть брешь.

Сказывалось падение Невеля. Танкисты находились в семидесяти километрах от нас. Теперь бы всех немцев турнуть до второй линии обороны, до какого-нибудь стыка дорог, до железнодорожной станции. Хорошо бы гнать их без передыху.

— Будем, обязательно будем,— восторженно говорит Николай Прокопьевич Попов.— Огурчиков припасено до Берлина.

Он счастлив, главный кладовщик пушкарей. Как же, сегодня и он пахал. Не зря не спал три ночи, не брился, не умывался как следует.

Вышагивают с ротами и батальонами политработники. Я вижу своих знакомых Векслера и Пинхенсона. Цветет особенно последний. Как же, наступает Ленинградский фронт. Наконец-то. Недалеко и до снятия блокады с города-героя, родины старшего лейтенанта.

Идет, гудет военный шум. Мы шагаем на запад. Шагаем на плечах врага. Сколько мы ждали этого часа.

В сводке Совинформбюро за восьмое октября читаем: «В районе Невеля наши войска, продолжая наступление, заняли более 60 населенных пунктов, среди которых Лахны, Касилово, Рикшино, Буслово, Жуково, Раки, Болотница». Это о нас. Здорово. Вчера и сегодня были в сводке.

Подбадривает воинов наша дивизионная газета. Она выходит через день. Во всю страницу шапка: «Оборона немцев прорвана. Смелее ломать сопротивление врага. Окружать и уничтожать его». И тут же слова Суворова: «Удвой шаг богатырский, нагрянь быстро, внезапно».

— Идет дело,— говорит мне старшина-усач Лекомцев.— Мы бьем немца у Невеля, соседи у Витебска. Лупят на Таманском полуострове и на Днепре. Вот как, екуня-ваня.

Он остался прежним, этот пожилой, франтоватый, неунывающий старшина. Каким он будет золотым председателем колхоза после войны.

А пока вперед и вперед.

Смерть Корниенко

Вот, наконец, и начались белорусские леса. Кто первым открыл ворота в них, наша ли дивизия или соседняя — в суматохе не разберешься. Во всяком случае мы были одними из первых.

В дивизионной газете мелькают заголовки: «Будь смелым и хитрым в бою», «Русская смекалка», «С боями через леса и реки». И опять напоминание Суворова: «Делай на войне то, что противник почитает за невозможное». Пожалуй, эти советы сейчас как никогда кстати, наша газета наконец-то начинает бить в цель. То ли это от того, что в дивизии вместе с новым командиром и новый начальник политотдела, то ли от того, что в редакции появились новые работники.

Да, нам сейчас очень нужны смекалка и хитрость. Собственно, они были нужны всегда, умение маневрировать в бою никогда не отменялось. Но до сих пор применять эти правила на практике нам не очень-то приходилось. Правда, кое-что из этих законов нам помогало в калининских лесах. Но там мы больше оборонялись, чем наступали. Хитрили, конечно, и в Великих Луках, но не на широком маневре, а в статичных уличных боях.

А здесь нам надо идти вперед, вбивать клин в оборону противника, продвигаться порой без защищенных флангов. Отсюда постоянные встречные бои, столкновения с засадами, вражескими бандами в тылу. Смотри за каждым кустиком, за каждым пеньком, развивай наблюдательность, не иди напролом.

Вот она когда опять пригодилась, бдительность. Батальоны, которые обучены ей, продвигаются вперед ходко и почти без потерь. Даже отрываясь на время от основных сил, они умело отражают контратаки врага и принуждают его отступать.

Как и в боях за Великие Луки, отличается полк Корниенко. У него опять подобрались прекрасные командиры батальонов и рот. Конечно, не подобрались, а лучше сказать, отобраны командиром полка, который из десятка офицеров умел почти безошибочно приметить одного и назначить его на командную должность. На бюрократическом языке это называется подбирать кадры, на обыкновенном — чуять людей. Прокопий Корниенко умел чуять.

Так у него оказались во главе рот и батальонов отчаянные и умные головушки.

Подобрались смелые и дальнозоркие разведчики. Уже не из породы Рыжковых, какие славились в обороне, а другие, более грамотные и культурные. Среди последних был любимец Корниенко, командир взвода разведки, в прошлом сельский учитель, Василий Гордеев.

До прихода в полк Гордеев уже имел семь ранений. Три из них тяжелые. Но раны заживали на этом молодом сильном человеке с замашками и характером моряка настолько быстро, что врачи только покачивали головами.

— Как это у вас, Гордеев, получается?

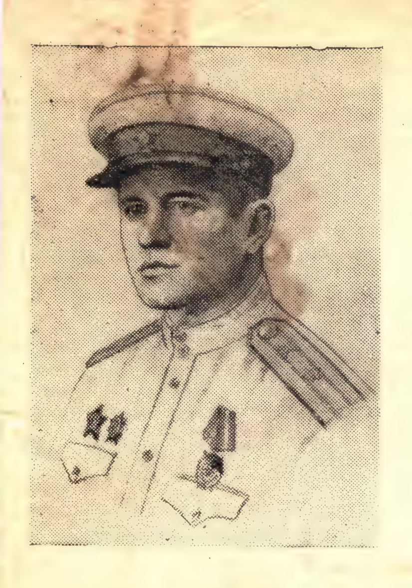
— Очень просто: не пью, не курю, ем по две порции супа,— улыбался широколицый разведчик.

А чуть поправившись, не дожидаясь официальной выписки, убегал из госпиталя.

С Гордеевым очень подружились наши Голубков и Ипатов. Привязался к нему и артиллерийский разведчик Семакин. Всех их объединяло что-то общее.

Выступая вперед, командир полка высылал в авангард разведку. Подзывал к себе Гордеева, расстилал перед ним карту, ставил острие карандаша на каком-нибудь населенном пункте и говорил:

— Через три часа головной батальон полка должен быть здесь. Твой взвод — через час. Разузнай все, если гарнизон пустяшный — выкинь из деревни, если сильный — обойди, жди нас и вдарь с тыла. А вообще соображай сам.

Г. А. Поздеев
Рисунок Л. Мяготина

И. Коровин
Рисунок С. Викторова.

И Гордеев соображал. Иногда брал артиллерийских разведчиков с рацией. Дважды заставлял их вызывать огонь на себя, сидя вместе с немцами на одном хуторе. Как ему и его товарищам удавалось при этом оставаться даже непоцарапанными, уму непостижимо.

— Расскажи, Николай Иванович,— попрошу я, бывало, своего земляка Семакина.— Огонь на себя — не шутка.

— Так, ничего особенного,— ответит разведчик.— Нас с рацией Гордеев спрячет в укрытие, а сам наблюдает за разрывами и говорит нам — недолет или перелет.

— Но ведь Гордеев-то тоже не железный.

— Он учитель, умный человек.

Я разговаривал с Поздеевым — не боязно ли ему бить из пушек по своим.

— Когда впереди Семакин — не боязно,— отвечал командир дивизиона.— Надо верить в своего разведчика.

Дивизион Поздеева поддерживал полк Корниенко. Они были знакомы с Великих Лук. Уважали друг дру-

га, верили друг другу. Пушки катились в боевых порядках пехоты. С интервалами, по батальонам. По сторонам дороги, немного впереди — прочесывающие группы. Чуть какой сигнал, подозрительная опушка леса, одинокий хутор в стороне — пушки с ходу открывают огонь. Нащупают цель — вступают в бой пулеметы.

— Добре с тобой воевать, Григорий Андреевич,— скажет, покуривая трубку, Корниенко.

— И мне с тобой, Прокопий Филиппович.

— Но как только покончим с фашистской Германией, я не буду военным.

— И я тоже.

— Пойду в колхоз.

— А я преподавать.

Дивизия продолжала расширять брешь в Невельском котле. По обеим сторонам большака леса и болота. Стояла глубокая осень, но еще без снега. Бои, хотя и не крупные, но тревожные, неожиданные, скоротечные. Каждую минуту нужно быть начеку. Нет времени вздремнуть полчасика. Задача — вгрызаться в оборону противника глубже и глубже.

Это потом, когда мы вышли к станции Дретунь и озеру Червятка, недалеко от Полоцка, общая линия обороны была более или менее выправлена, а когда продвигались, наши фланги были открыты. Но нас спасало то, что немца гнали и на Витебском направлении, юго-восточнее нас, так что закрепляться ему на нашем пути не было особого смысла.

И все-таки, разумеется, он не отступал добровольно. Особенно жаркий бой разгорелся за деревню Черсухи, расположенную на взгорье, на стыке двух дорог. Бой, как и предыдущие, шел на изматывание сил. Немцы понимали, что им все равно не закрепиться на этом рубеже, но бой все-таки навязали.

Отчаянно работали шестиствольные «ишаки». Наш полк рассредоточился и начал забирать деревню в клещи. Командир полка остался недалеко у дороги, в немецкой траншее, в центре боя. Тут же руководил орудийными расчетами капитан Поздеев.

Должно быть, пушки тоже надо было рассредоточить. Но Поздееву хотелось шарахнуть по «ишакам» массированным огнем. Он так и сделал, подавил несколько минометов, но вместе с этим обнаружил и себя. Оставшиеся немедленно перенесли огонь по нашим

пушкарям. Немцы пошли в контратаку. Наши артиллеристы начали растаскивать орудия, укрывать за бугорками, чтобы с новых позиций дать жару фрицам.

А командир полка остался на месте. Ему надо было наблюдать за боем, который накалялся с каждой минутой. Даже казалось странным, с чего вдруг немцы решили контратаковать наши боевые порядки. Надежды на успех у них не было никакой. И тем не менее...

— Быстрей готовь подарок упрямцам,— сказал Корниенко Поздееву.— Ишь ты, чего задумали...

Поздеев ушел к своим. Батальоны Корниенко чуть попятились. Ослаб на миг огонь противника. И только один «ишак» продолжал изрыгать с отвратительным визгом свои болванки. Одна из них разорвалась недалеко от командира полка.

Война полна неожиданностей, хотя каждая из них имеет и закономерность. Может быть, если бы Корниенко получше оценил опасность контратаки немцев, он оказался бы неуязвимым.

Осколки впились в спину, поясницу, ноги. Корниенко упал не сразу. Постоял, понаблюдал за батальонами, как бы желая удостовериться, дойдут ли они до того «ишака», который всадил в него смертельные осколки, и только после этого, сделав два-три шага, рухнул.

— Берите скорее деревню,— приказал начальнику связи полка капитану Борису Шилову, оказавшемуся рядом.— Скорее. И дальше...

И умер. Сразу. Без вздохов. Без мучений, во всяком случае, внешних. Лицо окаменело. Губы сжались. Все унес с собой без позы: и твердость духа, и силу мускул.

Его похоронили у поселка Опухлики, следующего населенного пункта. Похоронили с почестями и тут же пошли вперед.

— Полк, слушай команду,— приказал застывшим в безмолвии солдатам начальник штаба полка Кусяк.— За смерть командира каждому истребить за сутки по два гитлеровца. Шагать маршем, врываться в деревни с ходу. Кровь за кровь. Смерть немецким оккупантам!

— Смерть! Смерть! Смерть! — ответили сотни людей.

И опять ожил, заклокотал ударный стрелковый полк. [illegible] повел за собой дивизию. На Полоцк, в глубину [illegible]страдальной Белоруссии.

Пришла зима Идет октябрь. Шагаем с толковым и умным риском. Ведем бои с заслонами, засадами, за деревни и большаки, за небольшие переправы, ловим и уничтожаем банды немцев в своем тылу. Все роты и батальоны заразились боями на окружение. Берем очень мало пленных, не встречаем капитуляции.

Впереди, как всегда, пехотные и артиллерийские разведчики с рацией. Превосходно навострились вызывать огонь на себя из деревенских погребов. Автоматчики умело прочесывают леса. Пулеметчики с марша бьют по опушкам и крутым берегам рек. Пехота помогает артиллеристам переправлять на руках пушки по тонкому, еще не окрепшему льду. За первым эшелоном трусит, не останавливаясь, второй.

Ему тоже достается. Отставшие группы немецких солдат из глубинных лесных гарнизонов то и дело наталкиваются на наши тылы. Завязываются короткие схватки. В них принимают участие выходящие из лесов партизаны.

Уже несколько боев провел хозвзвод Романа Ивановича Лекомцева. Не отдал фрицам ни сухаря, ни фляжки водки. Лейтенант злой.

— Сволочи,— цедит сквозь зубы всегда уравновешенный тыловик.— Убили две лошади. Зато мы уложили двадцать бандитов.

— Чем воюете?

— Всем, чем придется. Выпросил ручной пулемет.

— Держись, Роман Иванович.

— Надо.

Воюют политотдельцы, работники редакции. Рассказывает о стычках наш редактор Михаил Поль[illegible]ин.

— Вот война так война — по нужде выйти опасно. Печатаем газету с охраной. Даже художник Сергей Викторов, в очках, несет караул.

— Может, вам подальше отставать?

— Нельзя. Инструкторы в батальонах. Как же возвращаться с материалом. И нарочным утром надо за газетой.

Нет, действительно, нельзя отставать тылам. Даже медсанбату, оружейной мастерской, трибуналу, партийной комиссии. Ее секретарь Алексей Николаевич Белов с палочкой и пистолетом семенит с каким[illegible]ь полком. С ним же обедает из чужих котелк[illegible]м же

спит на еловых веточках. Да ухитряется по ночам еще заседать. Надо, прием в партию не отложишь.

— Вот вчера принимали ребят,— рассказывает майор.— Это солдаты так солдаты. Приехали с передка на конях. Многие забинтованные. Не спали по трое суток. Пока одного принимаем, второй храпит.

— Как в Чапаевской дивизии.

— Тоже так? Я что-то не помню. Хорошее пополнение идет в нашу партию.

Его, бывшего секретаря сельского райкома партии, верного ленинца, распирает большая человеческая радость. За смену, за опору партии, за любовь к ней народа. Да разве с такой головой можно нас победить! Неужели глупая башка Гитлера не думала об этом при развязывании войны.

Будоражат вести с юга. Наши на Днепре. К празднику Октябрьской революции освободили столицу Украины Киев. В газетах напечатаны уже снимки. Очередь за столицей Белоруссии.

От этих мыслей хорошо воюется. Изредка над нами пролетают немецкие самолеты. Иногда крутится на одном месте «рама». Наши научились отшугивать стервятников. Все по тому же примеру старшины Романова под Великими Луками.

Большая деревня Малые Синты. Сохранился лесозавод. Он был нужен немцам. Наших встречает группа партизан. Советские люди. В разномастном обмундировании, некоторые в немецком. Исхудавшие, почерневшие в лесных берлогах. Рассказывают страшные истории. Костры и виселицы на улицах и площадях Полоцка. Сожженные партизанские деревни. И бесконечные казни.

— Что же вы плохо гадюкам мстили? — хмурится наш Алексей Голубков.

— Почему плохо? — немного сердятся партизаны.

Нас ведут в центр деревни, на небольшую площадь, усаженную столетними липами. У трех стволов, со стороны незаметные, болтаются три повешенных человека.

— Вот,— говорят партизаны.— Изловили в дороге, драпали за хозяевами.

— Полицаи?

— Они самые.

Мы стоим не разговаривая. Тяжелая картина. Чего надо было этим предателям? Судя по скудной одежон-

ке, даже на штаны не заработали у немцев. А служили, вершили черные дела. На что надеялись?

Кто-то спрашивает партизан:

— А что делаете с семьями полицаев и старост?

— Ничего. Пусть живут.

— И ребятишки у многих есть?

— Как у всех.

— И смотрят на повешенных?

— Все смотрят. Ничего не поделаешь. Пусть запоминают.

Вот она, опять наука ненависти. Пусть запоминают. И взрослые, и дети. Проходят наглядный курс классовой борьбы.

Нас нагоняет кавалерийский корпус. Это вместо танков. Умное решение. Хлопцы как на подбор: молодцеватые, форсистые. Они будут чистить наши фланги, пройдут по проселочным дорогам. Теперь банд в нашем тылу не будет.

С кавалеристами наш Бахтин. Не стерпела душа поэта. По заданию комдива ведет конников к нашим передовым цепям. Рассуждает, как настоящий полководец.

— Нас беспокоит правый фланг. Там железная дорога. Станция Дретунь.

— Плюнь, дунь и станции не будет Дретунь,— хохочет молоденький кавалерист.

— Это мы сделаем, сплюнем и сдунем,— поддерживает его другой.

— Только, чур, не отставать.

— Нам гулять тут долго некогда. Пошухарим и дальше.

Наши обмениваются впечатлениями.

— Вот это орлы! Дадут прикурить фрицам.

— Так в лесу же только орлы, а в степи — пташки.

— Ну не скажи... А Буденный...

— Когда это было.

— Но Буденный-то жив. Может, новую конницу собирает.

— Отсталый ты, брат, элемент.

— А при чем тут алименты?

— Ха-ха-ха! Элементы — алименты. Поехали дальше.

Мы в деревне Булыги. Выпал первый снег. Здесь, среди лесов, он кажется особенно красивым. От него

веет чем-то домашним, д
встал бы на лыжи и покат

И действительно, с выс
ребятишки. Вчера, при нем
носа из своих развалюх. Покажешься за околицей — расстрел. А сегодня, после двух лет оккупации высыпали радостные. Хоть голодные, полураздетые, а хохочут. Волосы неподстриженные, шапки отцовские, зипуны с материнских плеч, а приятно смотреть на ребятишек. Много ли надо детству. Но и этого немногого лишали наших детей гитлеровские разбойники.

Солдат встречают, как родных отцов, тоже где-то сражающихся или уже сложивших головы. Расспрашивают наперебой:

— Дяденька, а Москва наша?

— А школу откроют в наших Булыгах?

— Не видели моего тятьку на войне?

Их разгоняют взрослые:

— Шшшь, пострелята, дайте погутарить по-серьезному.

А из домов уже приглашают:

— Бульбы отведайте с нами. Хлеба нема, а бульбу сховали.

Некогда солдатам, но на минуту задерживаются. Развязывают свои вещевые мешки и выкладывают на общий стол все, чем богаты. Теперь они могут подарить более интересные вещи, чем во время марша по пути к Великим Лукам. У солдат водятся не только карандаши и тетради, но и платки, отрезы на платья, бусы, губные гармошки. Зачем они солдату? Посылки отправлять не разрешается. А вот хранят люди всякие пустяки, потому что думают о возвращении домой. А раз пока до дому далеко, получайте булыгинские бабы и ребятишки.

— Носи на здоровье,— повязывая молодой женщине цветастый платок, подмигивает Алексей Голубков.— Был бы не женат — побаловался.

— А это я дарю,— говорит Миша Ипатов, ставя на стол две банки консервов и кулек сахару.— Детям надо жир и сладкое.

— Милые вы наши, ненаглядные,— начинают причитать старухи.

— Счастливо оставаться. Нам пора.

И снова дорога, снега, леса, уже замерзшие речки и болота. Опять встречи с партизанами. Опять повешен-

…е Труды они болтаются на …зрытых по случаю, отесан… здорово насолили здешним людям предател…

Разыгрываются бои за станцию Дретунь. У немцев бронепоезд, пушки, минометы. Тревожная ночь в лесу. Солдаты под деревьями, в снегу. Командиры в воронках от бомб или в оставленных партизанских землянках. Суетятся связисты, повара, старшины. Костров разжигать нельзя. Греемся табачком, остывшей кашей, ста граммами маршальского бальзама.

Хлопочут артиллеристы. Куда бить — неизвестно. Кругом лес. Разведчики ползают по ротам и взводам. Выспрашивают, выслеживают, натыкаются на боевые охранения немцев.

Восьмое ранение в руку получает Василий Гордеев.

— Что же ты так быстро уходишь от нас,— жалеет Голубков.

— Даже сабантуй не сыграли,— вздыхает Ипатов.

— Скоро вернусь,— обещает разведчик.— Раз на восьмом не убили, значит, буду жить до победы.

Начинает пошаливать мороз. Плохое удовольствие лежать в снегу. Надо дать по зубам фрицу на станции Дренуть и двигаться на Полоцк.

Мы прошли от Невеля более восьмидесяти километров в глубь Белоруссии. Это наш клин в расшатанную оборону немцев. Окружить нас им не придется, не те времена. А страху мы на них напустим. Будем держать в узде.

А сейчас Дретунь. Да, та самая плюнь-дунь, которая неожиданно выпустила клыки. Не удалось сшибить их конникам, поломаем мы.

В ПОЛОЦКИХ ЛЕСАХ

Встали в оборону

Недолго нам пришлось повоевать, каких-нибудь два месяца. В начале декабря встали в оборону. Помогли поколошматить немцев на Витебском направлении, сами посчитали им косточки, выровняли фронт и опять стали собирать силы для новых походов. Да, теперь уж обязательно для походов на запад, иначе и быть не может. По всему фронту трещит оборона врага.

Рубеж дивизии пролег недалеко от Полоцка, хом лесу, у единственной деревни Липники и озер вятка. Заняли кое-какие блиндажи немцев, парти лесников, понаделали свои. Опять придется жить в земле, как под Новосокольниками.

Вначале некоторые штабные подразделения хотели расположиться в селе Труды, но вовремя отказались от этого решения. Вот была бы отличная мишень для вражеских самолетов, которые, действительно, не оставили без внимания хорошо знакомое место.

Но дивизия, начиная от стрелкового взвода и кончая медсанбатом, вся ушла в лес. В двух километрах от переднего края расположились штаб дивизии и политотдел, в семи-восьми — тылы: продовольственные и оружейные склады, медикосанитарный батальон, редакция дивизионной газеты, трибунал, особый отдел и так далее. Материала кругом полно, срубили добротные блиндажи с накатами, окнами, с дощатыми стенами, с полом из горбылей. Понаделали нары, смастерили печи.

— Ну, теперь жить можно, наверно, до весны,— сказал начальник полевой походной пекарни Прокопий Васильевич Тутынин, пригласив как-то меня в свои апартаменты.

Я в продолжение всего рассказа о войне ни разу не заикнулся о людях этой профессии, о наших, так сказать, поильцах и кормильцах. А хлеб, превосходный, душистый, всегда свежий, не то что немецкий, с примесью суррогатов, ел вместе со всеми каждый день. Его готовили по десяткам тонн в самых неприхотливых условиях наши пекаря ижевцы Афанасий Гаврилович Безденежных и Иван Леонтьевич Сырвасов. Мастером-механиком по установке печей у них был тоже наш, удмуртский, колхозник из деревни Макарово Вавожского района Алексей Андреевич Обухов.

Вот к ним мне и пришлось заглянуть. Разговорились, вспомнили два года походной жизни, окружение, штурмы, маневры.

— Как же вы ухитрялись не отставать от передка?

— О, это целая история,— замахали руками пекаря.— Всему голова Алексей Андреевич.

— Как понимать это?

— Просто. Утром выпекли, машины и подводы забрали хлеб, мы свертываемся — и на новое место. Все зависело от того, как быстро разберет и соберет печи

з. Один ведь. Собирать приходилось черт знает А простаивать печам нельзя, голодной останется дивизия.

Вот, оказывается, какие солдатские профессии бывают на войне. А мы всё — стрелки да пушкари, ПТРовцы да минометчики, разведчики да саперы. Конечно, они главная сила. Но мне захотелось сказать доброе слово и о пекарях. Тут же можно бы вспомнить о портных, сапожниках, поварах, письмоносцах, фотографах, киномеханиках, да нет времени обо всем расписывать.

Скажу о киномеханике земляке Вениамине Иванове. Сеансы крутили все больше в землянках или в заброшенных домах.

— Это не театр, а самоубийство одно,— сказал както в политотделе Иванов.

— О чем ты? — не понял полковник Минин.

— О том, товарищ полковник, что как накроет фриц такой театр снарядом или миной и готовь могилы для полсотни зрителей.

— Мудро. Что предлагаешь?

— Крутить в лесу, на свежем воздухе. Простынь между двух сосен и пошел. А смотри — откуда и как хочешь. Хоть стоя, хоть лежа, хоть на карачках. Зато в случае чего — врассыпную и порядок.

— Опять мудро. Значит, на карачках?

Полковник улыбнулся, с уважением посмотрел на молодого офицера.

— Принимаем твое рационализаторское предложение. Театры-блиндажи отменяются. Киносеансы под звездами. Но как на передке?

— А так же.

— А стрекотание мотора? Немцы-то услышат.

— Пусть слышат. Мы за бугром.

— Запустят миной.

— В лесу не страшно.

— Пусть будет по-твоему.

Мелочь, а тоже война. Фотограф политотдела ползет по-пластунски в стрелковую роту снять бойца для кандидатской партийной карточки. С толстой сумкой на ремне письмоносец идет в батальоны. Художник Сергей Викторов рисует в окопе героя прошедшего боя. Повар Петр Наговицын с термосом за плечами пробирается тропкой во взвод. А кругом пули, разрывы мин и снарядов. Это тоже война.

Конечно, наша оборона под Липниками и Червяткой начиналась не с киносеансов и фотокарточек. Надо было занять наиболее выгодные рубежи, отогнать немцев подальше. Перед нами лежало озеро, в которое впадала и из которого вытекала небольшая речка. По логике оборона и должна бы пройти по берегу этой речонки. Но для нас не везде это было выгодно. Наш берег больше проходил по низинной местности, а противоположный — по взгорьям. Вот за то, чтобы побольше захватить этих горушек, перебраться кое-где за речку, и шли бои в первые дни.

Это были жестокие схватки. Неверно представлять, что на фронте горячие сечи могут развертываться только на больших пространствах, вроде, скажем, курского плацдарма. Иногда на пятачке сталкиваются такие силы, что в них отражались как бы вся Германия и Советский Союз. Вот так же было и в том декабре на нашем участке.

Тогда только что организовался новый, Прибалтийский фронт, в который вошли и мы. Командующий фронтом — генерал армии Иван Христофорович Баграмян. Какой дивизии не хочется отличиться перед новым командующим. Хотели показать товар лицом и мы.

А немцы, почуяв, что наступает передышка, уперлись как окаянные. К ним забираются в тыл наши разведчики и саперы, гремят взрывы. На прямой наводке работают артиллеристы. Крошится лед на озере Червятка. Пробоины на речке. Разрушены мосты. Покалечены береговые деревья.

— Давайте плацдарм на правом берегу,— приказывает комдив Кудрявцев.

А на правый берег можно прорваться только по дорогам. Да и нужно только так. Зачем плацдарм на болоте.

А дороги две, справа и слева от озера. Мосты тут и там разрушены. Слева за рекой сразу деревня. Правда, одно наименование, остались только печные трубы. Но все равно опорный пункт. Справа — деревня за четыре километра. Сразу за речкой только окопы и то не сильно укрепленные. Вот и было решено ударить по этой стороне и проскочить к той, дальней деревушке, заиметь в обороне свой, дивизионный клин.

Азарт боя подожгли власовцы. Откуда они тут появились, черт знает. Только немцы выставили против нас

на этот случай чернофуфаечников. Власовцы не имел шинелей. Зимой и летом — в черном, рабочем обмундировании.

Обороняются, конечно, пьяные. Орут во все глотки:

— Эй, русаки, мотайте к нам, живы останетесь.

— У нас по бабе у каждого.

— Виски — завались.

Наши, конечно, тоже не остаются в долгу. Дает жару Алексей Голубков.

— А фига с маслом не хочешь, продажная шкура.

— Фига мы сами можем продать.

— Погоди, иудейская душа — шашлык из тебя будем делать.

— Руки коротки.

— А вот получай.

Артиллеристы дают налет. Их поддерживают минометчики. Пушки выкатываются к берегу прямо перед носом чернофуфаечников. И пошло, и поехало.

— Ура! Бей предателей!

— Смерть изменникам Родины!

Вырвался первый батальон 1190 стрелкового полка. Его поддерживает дивизион Поздеева. Некоторые расчеты со своими орудиями в горячке боя тоже перемахнули через речку. Лупят по отступающим немцам и власовцам шрапнелью. Ловят замешкавшихся.

Бегут вместе с пехотой Голубков и Ипатов. Им очень хочется сцапать хоть одного власовца.

— Для интересу, что за рожа у предателя,— говорит другу Голубков и тянет его за собой.

Наконец им удается осуществить свою затею. В густом буреломе они настигают богатыря-детину. Патроны у того кончились, приготовился встретить наших кинжалом. Понял, что хотят не убивать, а брать в плен.

— Не подходи, закантую,— хрипит власовец.

— Заткнись, черт немытый,— отвечает Голубков.

— Я урка.

— Какой ты урка-мурка, сын кулака.

— Курва буду...

— Бросай нож, скачаем права.

— А кого ты знаешь?

— Всех от Одессы до Костромы. Слыхал про Монаха?

— Как не слышать...

— Ну так я Монах. Сдавайся, паскуда.

А кругом идет еще бой. Голубков с Ипатовым ведут власовца. Его бы надо щелкнуть и все, но ребятам хочется проводить предателя, как обезьяну из зверинца.

— Эй, смотри, кому не лень, власа-тараса поймали.

— Вы постойте с власом,— просят командиры взводов и рот.— Потом разберемся.

А связисты свое:

— Предателя-марателя хапнули. Подходи, налетай.

— Бросьте, ребята,— умоляет власовец.— Не по своей воле...

— По божьей, да? — ухмыляется Ипатов.— А говорил турка, магометанин.

— Урка, а не турка,— ноет пленный.

— Я вот тебе как всажу за урку,— грозится Голубков.— Воры за Советскую власть воюют, а ты за свою, кулацкую!

Идет бой и тут же политбеседа. Опять смех и грех. Толкуют о роли воров в отечественной войне. Вот тема так тема. Ни один агитатор не придумает.

Наши вбивают клин. Закрепляются на опушке леса, на подходе к дальней деревне. Бои будто утихают. Надолго ли?

Держим оборону у Полоцка, а уши навострены на весь советско-германский фронт. Мы его кусочек, его нерв, его мускул.

Как в человеческом организме все важно и значительно для жизнедеятельности, так и в военном механизме нет главных и второстепенных частей. Все нужны, все связаны между собой. Ослабь одну — расползутся соседние.

Это хорошо понимают наши солдаты и с нетерпением ждут газеты. Радиоприемников в дивизии два — в политотделе и редакции. Оттуда идут на передовую все новости.

Первая новость из Харькова. Судебный процесс о зверствах немецко-фашистских захватчиков. Леденеет кровь, когда слушаешь обвинительное заключение. Вспоминаются рассказы жителей освобожденных нами городов и сел.

Новость радостная. Снята блокада с Ленинграда. В этой великой победе есть доля и нашего участия. Мы за год перерезали несколько железнодорожных магистралей, связывавших немцев у Балтики с центральными группами войск.

За большой новостью маленькая: 178 Кулагинская стрелковая дивизия, которой мы передали свою оборону, уходя в наступление, и которой стал командовать наш генерал Кроник, освободила город Новосокольники, соседа Великих Лук, и стала краснознаменной. Это нам тоже приятно. Мы восемь месяцев изматывали там врага.

А потом пошли еще более значительные сообщения. Уничтожена большая группировка противника в Корсунь-Шевченковском районе. Окружен Кировоград. Пали Каменецк-Подольск, Проскуров, Черновицы, Берислав. Войска второго Украинского фронта вышли на реку Днестр. А там уже вскоре замелькал и Прут, показалась государственная граница. Открылась дорога к Карпатам.

Это все за три зимних месяца. Мы зимой считали и март. Он мало чем отличался от января, особенно его первая половина.

И опять наши солдаты терзали себя вопросами:

— Когда же мы?

— Ждите, скоро,— говорили им.— А пока бейте немца здесь.

И мы били. Я не знаю, насколько наши бои были целесообразны с точки зрения общих интересов нашей армии. Было понятно — нельзя давать немцу покоя. Каждый день где только можно истреблять его живую силу. Но каждый бой был обоюдоострым. Теряли силы и мы.

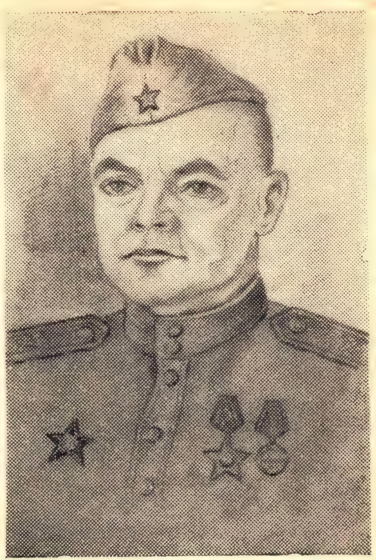
Что такое подвиг

Мы воюем третий год, и как бы быстро ни развертывались дальше события, все равно до Берлина придется шагать не меньше года. Еще нет, по существу, второго фронта, мы деремся с гитлеровской Германией одни. Значит, нам следует беречь человеческие жизни, отличать разумный подвиг от неразумного, чтобы правильно воспитывать в солдатах понятие героического.

Я мало писал об артиллерийском разведчике Николае Ивановиче Семакине, не писал, видимо, потому, что он не совершал как раз тех броских подвигов, о которых говорилось выше. Он просто честно и умно воевал. Когда нужно — действовал осторожно. Когда появлялась возможность — рисковал, когда приближалась

А. П. Лекомцев

Н. И. Семакин

Рисунки Л. Мяготина

опасность — немного отступал. И все это с одной целью: побольше нанести вреда гитлеровцам и сохранить свою жизнь.

На фронте, помнится, не раз бывалые вояки подсмеивались над теми, кто за два года не имел ранения.

— Чего же ты делал? За других прятался?

Объяснения в данном случае не действовали. А если к тому же тебя обошли наградой, то совсем не шел ты в счет сто́ящих солдат. И какой-нибуть горлопан-разведчик или автоматчик с нашивками о ранении и орденом кричал на скромного бойца:

— Маменькин сынок. Казанская сирота. Учись у меня воевать.

— А чему у тебя учиться?

— Во! Не видишь — три ранения.

— Их можно получить и по глупости.

— Что? Ишь ты! Философ. Посмотрим-понаблюдаем тебя в деле.

Так примерно относились порой фронтовые волки и к Семакину. Сдерживала их от грубостей физическая

сила артиллерийского разведчика — «герои» побаивались его саженных плеч.

И вот однажды произошла такая история.

В телефонную трубку передали одно слово:

— Немцы!

Как электрическим током тронуло тело и разум. Через секунду все были на ногах. Не первый раз гитлеровцы подкрадывались к рубежу взвода. Были и до этого жаркие схватки, но каждая, как и сейчас, всегда казалась будто первой.

На ходу проверяя автомат, удобнее рассовывая по карманам и пристегивая к ремню гранаты, бежал впереди всех артиллерийский разведчик Николай Семакин. Наблюдательный пункт его батареи находился при этом стрелковом взводе.

В траншее Семакина встретил командир пехотинцев.

— Ну, пушкари, спасайте! — бросил он разведчику и побежал дальше.

Семакин знал, что делать в таких случаях: в подобных передрягах приходилось участвовать не раз. Но до сих пор с ним всегда находился офицер, командир батареи. Сейчас же его не было, ушел на огневые позиции. Старшим на наблюдательном пункте остался он, разведчик Семакин.

Солдаты готовились к отражению контратаки немцев: одни спокойно, деловито, другие суетливо и нервно. Готовился и Семакин, всматриваясь в ночную темень, стараясь угадать направление главного удара врага.

Связь работала. Морозная ночь. Кругом лес. В небе обрывки серых неприветливых облаков. Кажется, можно было расслышать, как бьется сердце, как дышат товарищи.

А немцы где-то рядом. Рассыпавшись среди деревьев, они приближались к окопам взвода. Семакин продолжал всматриваться и прислушиваться. Попросил связиста передать приготовиться огневым расчетам.

А сам все соображал, куда же все-таки положить первый снаряд? Каков замысел немцев? Окружить взвод? Ударить справа и слева? Или вторгнуться в лоб? Ага, вон оно что. Хотят просунуть рыло в стык между нашим и соседним взводами. Это слева. Превосходно. Давайте, давайте.

К Семакину подбежал командир взвода:

— Чего же ты медлишь?

— Сейчас, товарищ младший лейтенант. Дайте приладиться.

— Потом будешь прилаживаться. Сыпь куда попало.

— Зачем куда попало, мы в самую точку.

И подбодрившись, поплевав на руки, как делал, бывало, берясь дома за топор, приказал связисту:

— Репер номер пять, основному орудию один снаряд!

Прогремел выстрел. Проворнее зашевелились между деревьями черные точки. Некоторые побежали в сторону, другие назад, а пять точек продолжали приближаться к стыку.

Разбегающихся останавливали приказные голоса. Точки не уменьшались, а увеличивались.

— Ах ты, екуня-ваня,— рассердился Семакин и приказал связисту грохнуть по той же цели всеми орудиями батареи.

Тишину разорвало несколько выстрелов. Со стороны немцев, наконец, раздались автоматные очереди. Заговорили «ишаки», но, боясь задеть своих, клали мины за расположение взвода.

Вступили в бой таившиеся до сих пор наши автоматчики и пулеметчики. Тишины в лесу как не бывало. Кругом стоял шум, свист, вой, визг.

Находясь в траншее рядом с пехотинцами, Семакин продолжал передавать одну команду за другой. В небольшую паузу связист сообщил разведчику:

— Хвалит тебя командир, Николай Иванович.

— Давай, давай, передавай команды,— отмахнулся Семакин.

Он то увеличивал, то уменьшал прицелы, искусно управляя выстрелами, выискивая для снарядов скопления немецких солдат. И каждый раз, когда после разрыва слышались вопли, Семакин отпускал по адресу немцев свое спокойное и неизменное:

— Ага, екуня-ваня, не нравится. А мы вам еще подбросим.

Бой шел по всему фронту обороны взвода. В одном месте немцам удалось приблизиться к нашим траншеям. Там разгорелся гранатный бой. Семакину тут делать было нечего, и он еще яростнее обрушился огнем батареи на тех, кто спешил на помощь своим силам прорыва.

Батарея входила в дивизион Поздеева, и тот, догадавшись, что дело на передовой принимает серьезный оборот, решил подключить в бой еще две батареи с флангов, а Семакину приказал корректировать огонь всех трех батарей.

— Есть, товарищ капитан, командовать тремя,— ответил разведчик, на миг взяв трубку у связиста.

И вот уже немцев отсекают от нашего переднего края двенадцать пушек, прицелы которых направляет один человек. Он по-прежнему внешне спокоен и невозмутим, нетороплив и несуетлив. Передает команды, не оборачиваясь к связисту. Не кричит, а говорит обыкновенно. Голову не прячет, выискивает новые цели.

В ответ на наш огонь немцы усилили свой. Свалка у одного взвода втянула в драку чуть ли не целый немецкий батальон. Пробравшихся в траншеи гитлеровцев наши уничтожили за пять минут. Другие, накрытые огнем трех батарей, валялись на подступах к взводу, раненые уползали к своим, забыв обо всем на свете. Для последних Семакин на закуску поставил заградительный огонь.

— Спасибо, брат Семакин,— кричал после боя командир взвода.— Не думал, что ты такой. Все «екуняваня», а поди-ка, какого екуню подпустил фрицам. Еще раз спасибо от взвода, буду ходатайствовать о награждении.

— Связиста надо наградить,—обтирая пот с лица, сказал Семакин.— У меня есть орден, а у него медали нет.

— И то верно,— согласился командир взвода.— Обоих представлю.

Что же совершил артиллерийский разведчик Николай Семакин в описанном бою? Подвиг или не подвиг? Своей крови он не пролил, своими руками ни одного немца не убил, жизнью как будто не жертвовал, не кричал, никого ни к чему не призывал. Он просто хорошо и умно работал, как бывало в своем колхозе, старался все сделать на славу, добротно.

— Вот таких солдат я и уважаю,— сказал мне Поздеев, когда мы с ним беседовали потом о Николае Ивановиче Семакине.— Хозяин войны. Крепко держит фронт в своих руках.

И я подумал тогда: а ведь верно — хозяин. Не гость, не рыцарь на час, не артист, не свидетель, а именно хозяин, которому незачем рисоваться и бахвалиться.

Таких воинов я знал в дивизии много. Относился к ним и другой мой земляк, командир саперного взвода Андрей Иванович Лысов. Тоже внешне не показательная личность. Скромный, спокойный, невзрачный, которых называют обычно работягами. А дела вершил этот скромница подлинно героические, взрывая в тылу врага мосты и склады, дороги и машины.

Работяги. Труженики. Сердцевина нашей армии. Костяк ее, основа.

Конечно, сказанное не исключает права и порой даже доли солдата на исключительный подвиг, на самопожертвование. Имена Зои Космодемьянской, Гастелло, Талалихина, Матросова и многих других стали нарицательными в армии и в народе и произносятся с глубокой любовью и признательностью. И все-таки это подвиг одиночек. Успех же войны решался подвигом миллионов. Один подвиг дополнял другие, а может быть, и рождал их. В этом не было никакого противоречия.

Мы продолжали занимать оборону. Оборону активную, наступательную, но все-таки оборону.

Сердце зовет

Мы проходили университет войны. Теперь мы знали законы обороны и летней и зимней. Знали свои промахи и уязвимые места. Стали более критически относиться к своим делам, и это шло на пользу. Подобного не было в наших рядах в первые дни и месяцы войны.

Мы завидовали успехам соседних фронтов. Порой нам казалось, что нас обходит военное счастье. Другие забирают областные города, форсируют реки, а мы все находимся на затычках и подчистках, если не считать боев за Великие Луки.

— Эх, и надоело торчать в лесу,— вздыхал, бывало, неунывающий Алексей Голубков.

— Здесь пропасть можно не за понюх табаку,— поддерживал друга Ипатов.— Алешу чуть не убили, меня мало-мало не отправили на тот свет.

Разнообразие в жизнь дивизии внесли девушки-снайперы. Они тогда были в моде, хотя, по правде сказать, я никогда не понимал, почему на снайперов надо было учить обязательно девушек, а не парней.

Девушкам вообще было трудно на фронте, во много раз труднее, чем мужчинам, а девушкам-снайперам осо-

бенно. Лежать часами на снегу, находиться всех ближе к немцам, подвергать себя первой опасности — все-таки было сверх человеческих возможностей женского пола. А главное, в этом не было, пожалуй, особой необходимости, потому что тут же рядом, в тылах и штабах любой дивизии, подвизались сотни абсолютно здоровых мужчин.

Но так или иначе девушки-снайперы вносили новую струю. Какую? Ну хотя бы чувство стыда, особенно у тех солдат, кто побаивался передовой, бегал от боевого охранения, старался отстать в наступлении. Таким говорили:

— Учись у девчат.

Их было несколько, примерно одного возраста, по восемнадцати-двадцати лет. Поля Стахеева, Саша Кирякина, Валя Фатеева, Лида Угрюмова, Валя Ильина, Катя Ванчурова, Зоя Чиркова, Зина Жандаренко, Шура Аксенова. Их не баловали наградами. Причины опять уходили в представление о сущности подвига. За участие в атаке, неважно какое — прямое или косвенное, можно было получить орден. За десять или двадцать уничтоженных из-за засады фрицев — медаль или ничего.

Но девушки не унывали. Это были главным образом молодые работницы и колхозницы. Терпеливые, трудолюбивые, скромные. Им старались создавать в батальонах мало-мальский уют, выделяли отдельные землянки, заботились об обмундировании. И конечно, оберегали от приставаний тыловых дон-жуанов.

Тут ревностными защитниками девушек выступали опять Голубков и Ипатов. Они устраивали над ухажерами злые шутки. То протягивали на пути их тонкую стальную проволоку, то, разыгрывая немецких разведчиков, заставляли ложиться в снег. А у одного незадачливого кавалера ночью отобрали даже пистолет.

Знали об этом немногие. И прежде всего артиллеристы. Я расспрашивал о таких озорных историях Степана Алексеевича Некрасова. Он вначале отнекивался, а потом отрубал:

— И правильно делают Голубков с Ипатовым. Надо штаны спускать с таких прилипал.

— Так пистолет, говорят...

— Не отдавай, если ты настоящий офицер.

Некрасов оставался Некрасовым. В этом была цель-

ность его натуры, за которую его любили в полку и которой подражали.

После мартовских успехов украинских фронтов на юге появились Тираспольское и Одесское направления. Начались налеты нашей авиации на железнодорожный узел Кишинев и военные объекты города Яссы.

В начале мая закончились военные операции в Крыму. Красная Армия вышла к нашим государственным границам с Румынией и Чехословакией, перенесла бои на территорию Румынии.

Это были настолько значительные и захватывающие события, что они опять отнимали покой наших солдат. На переднем крае участились стычки. Начали излишне рисковать разведчики. В одном из поисков погиб Николай Рыжков, бог по доставанию языков.

Некоторые командиры полков начали поговаривать о подарках: то к Первому мая, то к какой-нибудь дате из жизни дивизии, то просто в честь блестящих побед наших войск на юге. И вот сейчас решили вышвырнуть немцев из деревни по левую сторону озера. Предстояло форсировать речку, взобраться на взгорье. Дальше идти никто не думал, приказа не было, а тут решили проявить местную инициативу.

Особенно ратовал за такие почины заместитель начальника политотдела, маленький, юркий подполковник.

— Солдатам надо давать работу, а то застоятся,— говорил этот подполковник.

— Так убьют же многих.

— На то и война.

— Но деревня-то сейчас не нужна.

— А репетиция?

— Третий год репетируем.

— Вы не понимаете ситуации.

И бой был разыгран. Заместитель начальника политотдела со своим ординарцем целый день пробыл на НП командира артиллерийского полка. Так как ему делать абсолютно было нечего, он преспокойно поспал несколько часов, а потом, взяв у заместителей командиров полков список отличившихся в бою солдат и офицеров, принялся писать донесение в политотдел армии.

Деревня не была взята. Дивизия лишилась батальона живой силы. Зато на неделю была обеспечена боевым материалом дивизионная газета.

Это еще раз подтверждало старую истину — перестоявшейся в обороне дивизии наступило время действовать. Все на войне имело свое чередование и не терпело трафарета.

В полном разгаре весна. Третья весна на фронте. Теперь она нас радовала. Мы примечали все: и первые ландыши, и цвет черемухи, и прилет гусей. Один дивизионный поэт даже напечатал в газете стихотворение «Цветок в воронке».

Места в наших лесах, в смысле лирики, чудесные. Если бы не война, можно приезжать сюда как на курорт.

Отдышались, немного оперились жители окрестных деревень. Наш начпрод выделяет им из фуража по ведерку овса на посев.

Многие солдаты и офицеры опять побывали дома в отпусках. Ездили и наши ижевцы. Новостей — короб. А главное, ждут не дождутся домой своих отцов, мужей, братьев, женихов женщины и ребятишки.

— А то замуж, говорит, выйду,— с ласковой шуткой рассказывает о своей жене Володя Захаров, которого в суматохе дней я совсем выпустил из виду.

Это тоже зовет к действиям. Сердца бунтуют и требуют.

В начале июня войска союзников высадились на северном побережье Франции. Говорят, участвовало четыре тысячи кораблей и одиннацать тысяч самолетов. Правда, трудно понять, для чего потребовалась такая уйма транспорта.

— Для фарса,— высказался по этому поводу Голубков.— На бога хотят взять. Смотрите, дескать, как мы помогаем вам.

— А ты прав, Алеша,— на бога,— кивает в знак согласия с другом Ипатов.— А помощь — на мизинец. Хитрый-митрий американец.

— Но и нас на мякине не проведешь. Вот как вдарим летом, так хватятся за затылки.

— От зависти умрут.

— А хрен с ними, пусть подыхают. Все равно от них как от козла молока.

— Верно, Алеша. Себе на уме американец, а Россия, мол, бог с ней.

Кто-то сказал: если хочешь узнать, где находится стрелка барометра войны,— иди послушай солдат. Тут

тебе все растолкуют лучше всяких штабов и политотделов. В этом замечании есть суть. Мне приходилось убеждаться в этом не раз.

Значит, высадились союзники. Тем более теперь надо жать и жать. Охотников на дележ медвежьей туши собирается немало. А ведь медведя-то бьем скоро три года одни мы.

Мои очерки печатаются в республиканских газетах Удмуртии. По ним в колхозах устраиваются даже митинги. Продолжаю получать массу писем — откликов. Просят больше писать о земляках и присылать портреты героев. Это тоже торопит нас.

НА ПРИБАЛТИЙСКОЙ ЗЕМЛЕ

ЖАРКОЕ ЛЕТО

Богатырским шагом

И вот опять пришло лето, четвертое с начала войны. Было первое, тревожное и страшное. Было второе, несколько обнадеживающее, но все еще тоже грозовое. Потом было третье, поворотное. И наконец, пришло четвертое, наше победоносное, предфинишное. Давно забыты разговоры о возможных фронтальных контратаках врага. Тем более о возобновлении его наступательных операций. Инициатива на всем протяжении советско-германского фронта полностью и бесповоротно перешла в наши руки. Теперь уже не Гитлер диктует нам свою волю, а диктуем мы, держим его прогнивший строй под страхом неизбежной

гибели, наносим один за другим смертельные удары, подбираясь к логову зверя.

Этим настроением жила в тот незабываемый июнь вся наша армия. Жила им и наша дивизия, ожидая, как всегда, новое задание на прорыв. Что мы обязательно опять пойдем на прорыв — никто не сомневался. Мы уже трижды выполняли такие задания. Собственно, других мы и не знали. Так было в калининских лесах, под Великими Луками, под Невелем.

Но куда нас бросят теперь? Этого точно никто не знал. Мы могли только догадываться. Поскольку дивизия входила в Прибалтийский фронт, то наиболее вероятным было, что мы пойдем освобождать Литву. Эта маленькая республика в годы войны крепко подружилась с нашей Удмуртией. В наших Дебессах, откуда ушел на фронт мой друг учитель Алеша Поздеев, с сорок первого года находился приют литовских ребятишек. Об этом писали солдатам их родственники, писали и сами литовские дети. Пока мы были далеко от Литвы, сообщили как бы между прочим. Теперь же посыпались письма с фамилиями и адресами родителей эвакуированных детей: не встретите ли по дороге таких-то и таких-то.

Об этом мне рассказывал Александр Прокопьевич Лекомцев.

— Вот поди ж ты, как поворачивается судьба,— размышлял старшина,— гора с горой не сходится, а люди-то находят друг друга. Наш народ приютил в лихую годину литовских детей, а мы, солдаты этого народа, идем теперь освобождать от гитлеровского рабства их землю и их родителей. А потом, смотришь, вернутся сюда вскоре и ребятишки. Такой дружбе жить века.

Хорошо, мудро рассуждал старшина, многое познавший на войне. Он оставался все таким же неунывающим, хлопотливым командиром, каким был и в бытность председателем колхоза, и в первые дни войны. Сейчас он вместе со всеми готовился к новому походу и смотрел далеко вперед.

Готовился и весь дивизион, в котором служил Лекомцев. Собирался в долгожданную дорогу Григорий Андреевич Поздеев. Он теперь был майором. Ему явно надоело сидеть на одном месте.

— Так можно разучиться воевать,— говорил с сожалением майор.— Сегодня драться за высотку, зав-

тра за опушку и все с одного места. А душа просит простора.

— А главное, мы еще в большом долгу перед Родиной,— поддерживал командира дивизиона Степан Алексеевич Некрасов.— Нам надо шагать да шагать.

Двадцать второго июня, после небольшого марша, дивизия вышла в район станции Сиротино. Это между Полоцком и Витебском, что-нибудь в двадцати километрах от последнего. Из четвертой ударной армии нас перевели в сорок третью, которой командовал генерал Белобородов, бывший командир нашего гвардейского корпуса под Великими Луками.

Исполнилось три года с начала войны. Прошло три долгих года, а как все было свежо в памяти. И сосновая Удмуртия, и дорога к Сычевке, Карабаново и Михали, атаки и прорывы, погибшие товарищи... Три года, равные трем десятилетиям, а может быть, всей человеческой жизни, сидели в наших сердцах немыми свидетелями пережитого.

Нынешний июнь выдался как никогда погожим и жарким. Кругом заливались соловьи и жаворонки. В рост человека стояла дозревающая трава. Дышали паром озера и речки. И опять воспоминания уводили в прошлое, довоенное и фронтовое. Они и радовали, и щемили сердце, и звали, и требовали...

На заре двадцать третьего июня среди личного состава дивизии были распространены листовки-призывы Военного совета фронта. В них говорилось о предстоящем наступлении, о его исключительной важности, о задачах каждого полка. По листовкам не проводилось ни собраний, ни митингов, просто каждого солдата и офицера просили внимательно прочитать. А потом, может быть, кто-нибудь из политработников и задавал два-три вопроса. Умел хорошо это делать обычно замполит Иван Коровин. Из госпиталя он опять вернулся в дивизию.

В нем не чаяли души связисты Голубков и Ипатов. К ним пристроился в последнее время третий, старше их, смирнее, тоже колхозник из Удмуртии, Александр Иванович Максимов. Ипатов хорошо знал его и раньше, в калининских лесах работали на пару. А потом Максимова перевели в другой дивизион, и вот теперь судьба свела их снова.

Ипатов познакомил Максимова с Голубковым. Тому степенный, пожилой, высокий ефрейтор понравился.

— Ты у нас будешь вместо отца,— сказал Голубков Максимову.— Если где начнем портачить, схватишь за руку.

— Зачем портачить,— улыбнулся ефрейтор.— Вместе будем воевать, помогать друг другу.

— Правильно, Александр Иванович, как говорится, один за всех...

— Вот, вот — все за одного.

— А господь бог за Иисуса Христа.

— Ха-ха-ха.

А замполит о новой троице отозвался так:

— Двоих я знаю — дойдут до Берлина, смотрите, чтобы не подкачал и третий.

— Зачем качать,— защитил сам себя Максимов.— Я солдат, мне надо приказ. А есть приказ — все будет зараз.

— Вот как у нас, товарищ капитан,— заключил по-своему Голубков.— Приказ — и фрицу в глаз.

— Ну, ну, если так — дружите да побольше выкалывайте глаз,— согласился Коровин и добавил: — Листовку читали?

— Так точно, читали.

— Все ясно?

— Как божий день.

— Где будут связисты в бою?

— С разведкой, товарищ капитан.

— Что делать?

— Наблюдать, докладывать, корректировать огонь, убирать засады...

— Пять с плюсом. Собирайтесь.

Это были особые сборы. Они были и похожими на прошлые, и в то же время непохожими. Сейчас все выглядело намного внушительнее, грознее, масштабнее. В помощь дивизионной артиллерии стояли в укрытиях не только «катюши», но и новые самоходные орудия. Готовые к рывку, лоснились на утреннем солнце чернолаковые танки. На взводе выстроились в шеренгу новенькие грузовики. Они пригодятся и для переброски пехоты, и для подтягивания орудий, и для сбора трофеев.

С иголочки обмундирование на солдатах. Поскрипывают ремни на офицерах. Отменные завтраки приготовили старшины. Мало порции — бери добавок. Мало одного — бери два. Выпей свою маршальскую, закури напоследок, подтянись, соберись и с богом.

А в лесу соловьи. А в небе жаворонки. В душе весна. Хочется подставить ветру лицо — и идти, и бежать, и ехать вперед и вперед.

Эта минута настала в семь утра. Началось все так же, как начиналось много раз до сегодняшнего. Но во сто крат сильнее. Сказать, что это был невиданный артиллерийский налет и бомбовой удар — мало. Это была огневая симфония небывалой в истории войн мощи. Разгневанный металл рвал в куски каждый метр вражеской обороны, настигал все живое в любой щели.

Затаив дыхание, ждали конца этой канонады пехотинцы и танкисты. Руки их немного дрожали от переизбытка чувств. Дух захватывало от грандиозности предстоящего.

Опять раньше времени свертывали провода связисты. Броню танков облепляли автоматчики. К машинам прилаживали пушки артиллеристы. Завершали вступительное слово к атаке «катюши».

А потом пошло, затрещало, заскрежетало. Как сорвавшиеся с поводка пограничные волкодавы, ринулись вперед тупорылые танки. За ними пешая и механизированная пехота. И сразу смешалось понятие нашего и ихнего переднего края. Кто-то в одном месте думал еще сопротивляться, но его просто обходили справа и слева, устремлялись в его тыл. Кто-то оставался засыпанным в блиндаже, чтобы через минуту поднять руки или превратиться в блуждающую банду в наших лесах.

Мы перевоплотились в ветер, в ураган, сметающий все на пути и устремленный все дальше и дальше на запад. Такого никто из нас никогда не видел и не мог видеть. Это было сгустком нашего трехлетнего опыта, мастерства, ненависти.

В первый же день наши войска продвинулись на глубину шестнадцать километров, расширив прорыв до тридцати. Перерезана железная дорога Витебск—Полоцк. Взят районный центр, большой поселок Шумилино. Южнее нас войска третьего Белорусского фронта углубились в оборону противника на тринадцать километров и перерезали железную дорогу Витебск—Орша.

Наконец-то очередь дошла и до твоего избавления, многострадальная белорусская земля. Наша дивизия пока решает частную задачу, помогая окружению витебской группировки врага. Выполнив ее, мы открываем себе оперативный простор в Прибалтике.

А пока темп и темп. Без отдыха, без сна, без еды, без курева вперед и вперед к Западной Двине. Быстрее сжимать кольцо, создавать очередной котел, бить и бить проклятого оккупанта.

Многое в этом наступлении повторяется из рейда от Невеля до полоцких лесов. Встречные бои, засады, заслоны, тараны. Опять приходится браться за автоматы нашим тыловикам. Опять далеко вперед отрываются от основных сил разведчики. Но все эти картины сейчас выглядят ярче, более выпукло, грандиозно.

— Вот так война — за день ботинки истрепал,— довольный, рассказывает Михаил Иванович Ипатов.

— А мне, понимаешь, почти нет работы,— шутливо жалуется санинструктор Николай Кузьмич Козлов.— Перевязал десяток солдат, так и тех не смог в тыл отправить.

— Бегут? — интересуется Александр Иванович Максимов.

— Бегут, не хотят отставать от своих.

— Тяжело отставать. Три года вместе — одна семья.

Им приятно, трем землякам, на минутном привале переброситься парой-другой слов. Да, они три года вместе. Жалко, нестерпимо жалко перед концом испытаний оставить родную солдатскую семью.

А за привалом опять дорога и дорога. Деревни, хутора, большаки, опушки лесов. Впереди шумят танки. За ними пылят автомашины. Рядом с пехотой опять артиллеристы. Все разыграно как по нотам. Но неправильно думать, что все идет без сучка и задоринки. И того и другого предостаточно. Но это уже теперь нас не страшит и тем более не может задержать.

Через Западную Двину

Где мы за три года форсировали реки? Да, пожалуй, нигде. Что мы знаем о преодолении таких преград? Очень мало. Готовы ли мы были к выполнению такой задачи? Теоретически — да, практически — не полностью.

Конечно, главное в успешном форсировании рек — захватить с ходу плацдарм и сохранить от разгрома переправы.. Их в большинстве случаев сохраняли. Помогал темп наступления. По мостам проходили первые танки, но тут же на переправы обрушивался артиллерийский огонь врага.

А потом: мосты были не на каждом километре, наступление же шло по всему фронту. И вот здесь многие подразделения сталкивались с немалыми трудностями.

Пока шел сбор подручных средств, пока прилаживали к плотам пулеметы и минометы, устраивали в лодки не умеющих плавать, противник на противоположном берегу поднимал голову. Начиналась переправа, а вместе с ней оказывались ненужные жертвы.

В этот раз, у Западной Двины, такие порядки возмутили заместителя командира дивизиона Ивана Коровина.

— Разведчики и связисты — вплавь!

Он бросился в реку первым, еще чуть прихрамывающий после ранения. У берега столпились Голубков, Ипатов, Максимов, Семакин.

— Я потяну провод,— как о бесповоротно решенном сказал Голубков.

— И я с тобой,— добавил Ипатов.

— Ребята, дозвольте мне с замполитом,— попросил Максимов.— Мы с Николаем Ивановичем Семакиным...

В это время окликнули Голубкова:

— Командир отделения связи — в штаб.

— Ну? — встрепенулся Голубков.— Кто же?

— Я, Николай Иванович и ты, Алеша,— первым отозвался Ипатов.

— Ребята, дозвольте,— стоял на своем Максимов.

И Голубков уступил. С проводом для корректировки артиллерийского огня поплыли через Западную Двину связист Максимов и разведчик Семакин.

— А ты следи,— приказал Голубков Ипатову.— В случае чего...

И вот два полураздетых пожилых солдата с катушкой провода и автоматами устремились за своим замполитом. А он уже был почти на середине реки и махал призывно рукой.

Западная Двина — неспокойная река. Это не Ока и, пожалуй, даже не Кама. Берега ее круты, поток воды стремителен, глубина бездонная. Плыть страшно трудно. И тем более со снаряжением и оружием. И еще под минами.

Они начали шлепаться тут же, как только наши подошли к реке. Вначале падали без прицела, по всему берегу и руслу реки. Наши переправлялись повсюду. Урон поэтому был незначительный.

Но вот немцы, должно быть, заметили подкатившие к береговому кустарнику пушки. Они сосредоточили огонь на этом месте. Немцы также, конечно, поняли, что через реку вместе с пехотинцами где-то, а вероятнее всего напротив пушек, переплывают артиллерийские разведчики и связисты. Они для них наиболее опасны. Если пехоту можно сдержать, то последних и не заметишь. Зато заметят немцев они и наведут через провода свои пушки на цель.

Мины стали падать чаще и гуще. За Коровиным плыл Максимов. Он умел держаться на воде лучше Семакина, этот колхозник из деревни Озерки Пудемского района, с берегов Чепцы. Семакин стал отставать. Его тянул ко дну автомат. Мешали гимнастерка и брюки. Максимов это заметил и подождал друга.

А мины продолжали падать, у самой воды раскалываясь на сотни смертоносных осколков. Максимов без слов взял у Семакина автомат, приказал заплыть вперед и стал приговаривать:

— Не маши часто руками, Николай, береги силы.

А через минуту:

— Постарайся почаще нырять.

— Держись, держись, Иваныч.

Откуда только брались силы у немолодого многосемейного человека, с гибелью которого на этой своенравной реке могли остаться без кормильца несовершеннолетние дети. Почему до этого часа, три года никто не знал об этой богатырской выдержке удмуртского крестьянина и некоторые были склонны даже считать его за слабого и не совсем здорового.

А он плыл и плыл, навьюченный не менее чем пудовым грузом. Да еще находил силы помогать товарищу, не терял присутствия духа, твердо верил, что доберется до цели.

Недалеко от берега Семакина подхватил под руку Коровин. Обернулся к Максимову:

— Вытерпишь, старина?

— Раз приказ — все вытерпим,— кивнул связист.

А мины, проклятые мины продолжали преследовать. За троими с тревогой и нетерпением следили с нашего берега. С него уже били по немцам прямой наводкой. Но снаряды достигали только зримых и близких целей, глубина вражеской обороны оставалась неуязвимой. А оттуда лупили по переправе.

За троими наблюдали в бинокль. Прибежал к берегу освободившийся в штабе Голубков.

— Провод не перебило?

— Пока тянут.

Он взял у Ипатова бинокль.

— Мать честная, один прет два автомата и катушку.

— Я говорил,— довольный своим земляком, похвастался Ипатов.— Александр Иванович может еще не это.

— Откуда же в Удмуртии пловцы? С Волги — другое дело.

— А у нас с Чепцы.

— И то верно. Вот молодец папаша.

А он плыл уже на пределе сил. Все чаще лезли в голову родные Озерки, жена, дети, односельчане.

Мимо уха просвистел осколок. Поцарапал висок. На миг в голове помутилось.

— Тонет,— бросил тревожно Голубков.

— Нет, это он хитрит,— с полной уверенностью уточнил Ипатов.

И как бы в подтверждение этих слов Максимов, действительно, опять появился над рекой. Силы его оставляли. Он держался на нервах. И еще на воинской присяге и приказе командира.

Капитан Коровин вытащил на берег разведчика Семакина. Тот распластался на земле и минуту не мог шевельнуться. Потом повернулся к воде и вместе с замполитом стал тянуть Максимова.

Мины не задели ни провода, ни людей. Их стало меньше падать: пушкари, должно быть, накрыли несколько расчетов. Теперь надо было спасать пехоту и переправу от вражеских пулеметчиков и артиллеристов. Скорее искать цели, быстрее передать первую команду.

Трое уже не плывут, а ползут, перебегают.

— Ну как, товарищи, выдержим? — хочет подбодрить солдат замполит.

Он сам устал как черт. Заныла раненая нога. Мокрое обмундирование липнет к телу. Совсем не его дело было первым лезть в воду. Но таков уж характер у заводского-тульского.

Они ползут навстречу открытой опасности, в обход окопавшегося у переправы и за ней противника. По проводу уже передана команда «приготовиться», наш берег видит, как разматывается на спине связиста катушка.

Памятник на братской могиле воинов Советской Армии в г. Лепеле Белорусской ССР. Здесь захоронены и воины 357 стрелковой дивизии

Голубков продолжает восхищаться земляками своего друга.

— Ну, Миша, такими солдатами надо дорожить.

— Хорошие люди. Письма им пишут из колхозов — зачитаешься,— с удовольствием поясняет Ипатов.

— Золото, а не люди.

— Дороже золота.

А у троих свой разговор.

— Я хорошо знаю Ипатова,— говорит на ходу замполит Коровин.— А вы, значит, тоже из Удмуртии?

— Тоже, товарищ капитан.

— Смотри-ка. Удмурты кому сродни: башкирам или мордве?

— Мордве больше.

— А при царе — вымирающее племя?

— Почти что.

— О, ребята, для вас Советская власть — мать родная.

— Для всех она мать.

И сразу о другом:

— Смотри, Семакин, в роще батарея.

— Вижу, товарищ капитан.

— Давай, двигай.

И вот уже наши расчеты получают наводку. Грохают залпы. Сотрясается перед глазами троих безвинная роща. Взлетают на воздух куски металла и человеческие тела.

После рощи очередь за овражком. Там минометчики. Потом за сараями хутора — там окопались самоходки. По одному проводу работают два дивизиона. Семакину не привыкать командовать массированным огнем своих батарей.

Он уже отошел, этот здоровый на вид разведчик. Только гимнастерка и брюки на нем еще не высохли. От них идет пар, как и от обмундирования остальных. Все трое босые, без пилоток, без ремней, без документов: попал к фрицам — и не докопаются, кто такие.

А они не так-то уж далеко от троих. Кое-где в двухстах-трехстах метрах. Но приблизиться к берегу им не дают наши пушки. Да и прорвавшиеся танки наводят панику. Надо отступать, а не хочется. А может, и хочется, да нет на это приказа. Вот и держится гитлеровец, пока его не прихлопнет снарядом.

Наши корректировщики накрывают одну цель за другой. Семакин говорит прицелы, Максимов повторяет их и передает по проводу, Коровин хвалит обоих.

— Молодцы, товарищи. Вот спихнем еще пару самоходок, и переправа вне опасности.

А по ней уже загрохотали машины и повозки. Почувствовав ослабление огня, наши двинулись вперед. По всему берегу вверх и вниз от переправы начали выле-

зать из воды мокрые пехотинцы. И опять пошла, зашумела людская лавина, ломая все на своем пути.

Голубков передал Максимову:

— Ну, папаша, спасибо тебе за работенку. Отличная работка. Давай сматывайся, мы двигаем к вам.

Услышав об этом, Александр Иванович сразу обмяк. Враз навалилась неестественная усталость, опять закружилось в голове. Плохо стало и Николаю Ивановичу Семакину. Навивать провод на катушки пришлось замполиту Коровину.

Он дал немного отдышаться солдатам, не донимал их и разговором, а когда наши запрудили уже весь берег, который час назад еще был в руках врага, сказал просительно:

— Ну, товарищи, пошагали. Недалеко наши.

И они пошли, трое босых, мокрых, грязных, навстречу тем, кого они спасли от лишних жертв, кому помогли быстро и точно расправиться с сопротивлением противника и снова выйти на оперативный простор.

Наступление развернулось еще более стремительно. После Западной Двины пали города Чашники и Лепель. В районе Лепеля наша дивизия освободила тысячи советских людей, обреченных на уничтожение в концлагере. Вскоре мы подошли по пятам врага к реке Березине. Форсировали ее уже с ходу. А за ней начали отбивать одну деревню за другой, поселок за поселком, пока шестого июля не вышли на границу с Литвой. В это время войска третьего Украинского и первого Белорусского фронтов освободили от гитлеровцев город Минск. Наш путь лежал теперь на Вильнюс.

В тылу врага

Майор Поздеев был доволен смелыми и мужественными действиями связиста Максимова и разведчика Семакина. Последний как артиллерист был его воспитанником. Максимова он знал меньше, но его подвигом на реке был восхищен и горячо поддержал ходатайство замполита Коровина о награждении ефрейтора орденом Славы.

Вот, наконец, и мы дождались марша, с каким шли и идут сейчас войска Украинских фронтов. И мы начали отмеривать за день по тридцать и сорок километров, жалея время на обеды и привалы, готовые не спать и не есть до изгнания врага из всей Прибалтики.

Теперь, когда мы были на ее земле, нам опять приходил на память детский дом литовских ребятишек в наших удмуртских Дебессах. И мы, не имея возможности задерживаться на хуторах и в городишках, все же нет-нет да и спрашивали жителей:

— Не ваш ли детский дом живет в нашей Удмуртии?

— Нет, наш на Волге.

— А наш в Кировской области.

Но и от этих ответов нам было приятно — мы освобождали из неволи свою родную Советскую республику, равную среди равных в великом Союзе народов.

Как и в Белоруссии, нас встречали партизаны и жители хуторов и поселков. Несли в подарок цветы, хлеб-соль, приглашали на обед, выносили на дорогу бидоны с молоком и с медовым квасом. С восторгом и удивлением засматривались люди на ладные фигуры наших солдат, девушки дарили носовые платки и кисеты, мальчишки выпрашивали красные звездочки.

А мы шли и шли на запад и северо-запад, не имея времени ни поговорить с людьми как следует, ни посмотреть, как они живут. Не было у нас минуты и на трофеи. За нашими спинами оставались целые склады и железнодорожные составы с продовольствием и одеждой, а мы не имели порой курева и крепких ботинок. И не потому, что этого не было у наших тыловиков, а потому, что мы слишком быстро двигались и обозы не поспевали за наступающими цепями.

Наступающие растекались по стольким дорогам, что оборона немцев трещала по всем швам. Клин вбивался за клином. Один длиннее другого. Немцы оказывались от нас то справа, то слева, то сзади. Мысль об окружении окончательно парализовала их силы. Они беспорядочной бродячей толпой катились и катились к морю.

Но это не значило, разумеется, что нам нечего было делать. Одно пленение отставших немецких подразделений отнимало уйму сил и времени. Гитлеровцы сопротивлялись. Стремились вырваться из кольца с боем. Стычки разгорались днем и ночью.

У командования дивизии родилась идея послать в тыл отступающего противника пехоту и артиллерию на машинах. Цель: дезорганизовать отход немецких подразделений к одному литовскому городу. Рассеять и истребить их силы, не дать закрепиться на выгодном рубеже.

Из пехоты вызвалась в рейд рота Виктора Ратникова. Из артиллеристов — дивизион Григория Поздеева.

— Только добровольно,— подчеркнул генерал.— Действуйте с начала до конца по собственной инициативе. Возможно, не будете иметь вовремя поддержки. Возможно, придется биться в окружении. Прошу все взвесить и обдумать.

— Я все взвесил, товарищ генерал,— ответил Поздеев.— Хочу испытать свои знания.

— Берегите солдат, побольше уничтожайте врагов. Пока они от нас ускользают.

— Постараюсь.

— Успеха, майор,— по-отцовски напутствовал генерал.

И вот колонны машин устремляются по проселочным дорогам во фланг отступающей по большаку крупной немецкой части. Погода — теплынь. Все цветет и благоухает. Машины идут по хуторам, лесным опушкам, порой просто по полевым тропам. На ходу сшибают мелкие гарнизоны противника, уничтожают заблудившиеся банды. И вперед, вперед.

В кузовах машин вместе с артиллерийскими расчетами автоматчики. Маневр и прост и сложен. При встрече с противником в центр, на прямую наводку выдвигаются пушки. Пехота выдвигается на фланги. При точном попадании снарядов она довершает разгром немецкой колонны на большаке. При затянувшемся бое не дает окружить артиллеристов.

Машин около десяти. В кабине первой — майор Поздеев. Вот кончается лес, за ним — ржаное поле шириной с километр, а за полем — большак.

Немцы перед глазами. Длинная нестройная колонна, растянувшаяся более чем на километр. Впереди офицеры, за ними стрелковые роты, потом артиллеристы, машины, повозки хозяйственных подразделений.

Принимается решение ударить с фланга в голову колонны и с тыла — в хвост. Машины быстро рассредоточиваются и на предельной скорости вылетают к целям. Разворот орудий, перебежка автоматчиков, увод в укрытие машин, и пошла писать губерния.

Поздеев и Ратников остались с половиной своих сил, атакующих с фланга. Для налета на хвост посланы старшина Лекомцев и старший сержант Воронцов.

И вот загрохотали орудия, затрещали автоматы. Первый удар в голову колонны, второй по ее тылу. Полетели вверх тормашками немецкие машины и повозки. Откуда-то взвились в воздух гусиные перья, должно быть, из рассеченных перин и подушек.

Уцелевшие немцы ударились в сторону, сменив западное направление на северное. Там лес, долго преследовать противника нельзя, надо уничтожить его как можно больше на большаке. И наши пушки работали без останову.

Большак, ведущий к городу, был усеян сотнями трупов, разбитыми машинами и повозками и практически стал непроезжим. Можно было поворачивать обратно, задача решена.

Но в это время на большаке с востока, с околицы большого села на взгорье, показалась новая колонна отступающих немцев. У них все было предусмотрено правильно — отступали с интервалами. Но о второй колонне майору Поздееву и лейтенанту Ратникову ничего сказано не было.

Поздеев припал к биноклю. Немцев не меньше полка. У них, безусловно, походная артиллерия. Плюс спереди не совсем добитая часть, которая может оправиться и оказать помощь. Расстояние между разбитой головой отступавших фрицев и деревней на взгорье не менее двух километров. Справа — сплошь ржаное поле, слева — лес.

— Что будем делать, Виктор? — спросил Ратникова Поздеев.

— Драться,— бросил одно слово лейтенант.

— Тогда на два фронта,— уточнил Поздеев.— Оставляй взвод на месте для отражения возможной контратаки разбитых, остальных — лицом на восток, по сторонам дороги. Пушки маскируются во ржи и начинают бить по деревне. Ясно, Витя?

— Ясно. Не допустить окружения. Вынудить немцев отступить в лес, на север, а большинство, по возможности, уничтожить.

— Правильно. Начинаем работать.

И это была, действительно, отличная, филигранная работа, которой руководили смелость и дальний расчет. Пушки, рассредоточившись по фронту, укрывшись во ржи, взяли деревню под такой налет, что там пошел дым коромыслом.

Но, как и предполагал Поздеев, немцы не пожелали уйти в лес и болота, а приняли бой и начали обходить наших справа, по ржи. Завязалась смертельная схватка. Пушки били и по деревне, и по ржи шрапнелью. Их поддерживали автоматчики.

Этот бой отдаленно напоминал бородинское сражение в миниатюре. Напоминал в том смысле, что силы обеих сторон были почти на виду. Под огнем находились командиры, особенно наши. Поздеев стоял у орудий, попеременно переходя от одного к другому. Отрыть траншеи не успели, укрытий абсолютно никаких не было. Вражеские снаряды рвались тут и там, сотнями осколков, как ножом, срезая ржаные колосья. Нередко они ранили и солдат.

Это был более жаркий и более внушительный бой, чем под Карабановом и Михалями. Поздеев с минуты на минуту ждал, что его ударит с тыла только что разбежавшаяся немецкая часть. Но та молчала. Это давало возможность бить всеми орудиями на восток.

Артиллерийская и автоматная дуэль продолжалась до вечера. Чем бы она кончилась ночью — позорным бегством отступающих немцев или боем наших в окружении, трудно сказать. Спасли положение основные силы дивизии, успевшие за день пройти тридцать километров и выйти к злополучному большаку. Удар был молниеносен и жесток. От прорывающихся на запад немцев осталось мокрое место. Путь по большаку на город был открыт.

Генерал разыскал Поздеева и Ратникова. Крепко пожал руки офицерам и сказал:

— Вот и мы научились бить противника в его тылу. Не так, значит, страшен черт, как его малюют. Так или не так?

— Так точно, товарищ генерал.

— А раз так, спасибо за службу. Представляю к наградам. А сейчас до утра спать.

Так приходит бессмертие

Идея ускоренного марша за счет рейдов по тылам противника увлекла солдат и офицеров дивизии. Не просто следовать за отступающим противником, сшибая его засады и заслоны, но и перерезать пути отхода в глубине его обороны. С этой целью подразделения дивизии стали двигаться

по нескольким направлениям с правом широкого маневра и инициативы.

Была уже середина июля. На лесных полянках наливалась земляника. Улыбались цветы на покосах, совсем как на берегах нашей Камы.

Тринадцатого числа была освобождена столица Литвы Вильнюс. Это еще более придало нашему наступлению суворовский дух. Бои на окружение, блокирование, рассечение стали приобретать массовый характер. Одна из таких схваток разыгралась у стен маленького городка, раскинувшегося на возвышенности.

Такие места всегда превращались немцами в опорные пункты. Тем более, если перед городком или местечком протекала река, если это место было стыком дорог, если в городке находились церковь или большое каменное здание, если он был обсажен рощами и т. д. Все эти приметы имел и городок, к которому с ходу приблизились наши подразделения, оставив немцев и в своем тылу, и на флангах.

Остановка в таком случае, кроме осложнений наступательных боев, ничего дать не могла. К немцам, окопавшимся в городке, с часу на час могли подойти отставшие и блуждающие по лесу колонны. Мы могли оказаться между двух или даже трех огней. Нельзя было медлить ни минуты.

А путь был прегражден. Из-за церковной ограды и с колокольни били не менее десяти-двенадцати пулеметов. Батальоны офицеров Стрюкова и Шатохина залегли под самым городом, не успев переправиться через речку. Место ровное. Ржаное поле. От него до берега небольшой луг. За речкой сразу же окраина городка — первые домики и некрутой подъем по дороге к церкви. Лежать без дела на таком месте — самоубийство, но и наступать в лоб не лучше.

Пехоту поддерживал артиллерийский дивизион замполита Коровина, которому очень часто не везло на командирах. И сейчас временно инициативу за исход операции пришлось взять ему, замполиту, только что аттестованному майору. Рядом оказался и парторг полка Степан Некрасов. Они вдвоем, пригласив пехотных командиров, уединились в кустики на совет.

Вообще особых трудностей блокирование городка не представляло. Можно было применить обычные клещи, заход с флангов и тыла, навязать противнику круговой

бой. Но это была палка о двух концах. Во-первых, все равно были бы неизбежны наши потери, нести которые сейчас очень некстати. Во-вторых, мы могли проиграть время — нарваться на подходившие с тыла немецкие части.

— Так как, товарищи? — последний раз обратился к офицерам как старший по званию майор Коровин.

— Бить в лоб,— упрямо повторил комбат Стрюков.

— В лоб и с одного фланга,— добавил комбат Шатохин.

— А по-моему, отправить за ограду церкви небольшую штурмовую группу,— высказался Некрасов.— Ведь все дело, в конце концов, в церкви, а не в городке вообще.

Он хорошо помнил, смелый и умный парторг, как действовали наши штурмовые группы в боях за Великие Луки. Группы небольшие, подвижные, созданные из самых опытных и смелых воинов.

Некрасова горячо поддержал Коровин. Еще бы ему не поддержать идею о штурмовых группах, одному из авторов их. Он сказал пехотинцам так:

— Вы немного обождите со своими планами. Готовьте солдат к броску, а мы, артиллеристы, подолбаем церковь. И одновременно пошлем за ограду лазутчиков. Посмотрим, что из этого получится. Я думаю, что все обойдется хорошо.

Надо было подобрать налетчиков. Коровин стал вспоминать, кто остался в дивизионе из участников уличных боев в Великих Луках. Оказалось немного. На глазах были связисты Голубков и Ипатов. Отважные, любимые солдаты майора.

Он подошел к ним. Связисты, как всегда, находились с командирами батарей. Связи сейчас не требовалось, пушки работали с прямой наводки. Голубков, Ипатов и Максимов изнывали от безделья.

— Безработица, товарищ майор,— встретил замполита улыбающийся Голубков.

— А поработать хочется? — спросил Коровин.

— Нельзя даром есть хлеб.

— Верно, сержант, нельзя. Война — не курорт.

И он изложил солдатам только что созревший план о налете за ограду церкви. Голубков и Ипатов загорелись. Максимов по привычке ничем не выдал своего состояния. Коровин заключил:

— Дело добровольное. Никаких приказов. Приказ один — что подскажет сердце да партийный билет.

— Мы идем,— став сразу серьезным, отрубил Голубков.

— Кого возьмешь с собой? — поинтересовался замполит.

— Ипатова.

— А не мало вдвоем?

— Много — хуже. Не подкрадемся скрытно.

— Но хотя бы втроем или впятером.

— Нет, товарищ майор. Возьмем для стрема еще Максимова и все.

— А он согласен?

— Я пойду с ребятами, товарищ майор. Не отстану.

— Верю, старина, верю. Ну что ж, втроем так втроем. Удачи, товарищи. На вас вся надежда.

Трое поползли по ржаному полю, как тогда по берегу Западной Двины. Майор Коровин долго провожал их взглядом, пока они не скрылись. Проводил и затосковал, занервничал, то и дело поглядывая на ручные часы. Приказал батареям усилить отвлекающий огонь, выставить более сильные дозоры в тылу и на флангах. Рядом с ним находился Некрасов.

— Ничего, товарищ майор, ребята надежные.

— А если убьют — на мне вина.

— Война всему вина. Трое спасают сотни жизней.

— Только это и оправдание: трое спасают батальоны.

У него не было сомнений в успехе предпринятого маневра. Он верил троим, как себе. Даже верил малознакомому ефрейтору Максимову, с которым пережил тревожный час на Западной Двине.

Тройку вел Голубков. Перебирались цепочкой, след в след. Автоматы, гранаты, ножи. Не разговаривали, полностью доверяя старшему.

Заходили с правого фланга. Он был открыт. По нему тянулись к городку два большака — с востока и северо-востока. Где-то вдалеке, за десять или двадцать километров от городка, по большакам отступали немецкие колонны. Их-то и ждали эти, зацепившиеся за церковь.

Мысли троих работали лихорадочно. Солдаты шли на опасное дело. Хотя все три года войны тоже были сплошь опасными, но этот выход был особенным. Ка-

ким именно особенным и как он обернется, не хотелось думать. Скорее скрытно к церкви. Минутная разведка — и за ограду. Что там ждет налетчиков? Конечно, не объятия и не поцелуи. Ждет враг. Его огонь, его ненависть. Кто кого — от этого будет зависеть исход операции.

Дула немецких пулеметов обращены на юг, где залегли наши подразделения. Голубков намеревается ударить с востока или северо-востока. Это с фланга или почти с тыла. Немцы ни при каких обстоятельствах не решатся, да и не смогут быстро повернуть пулеметы. Значит, против Голубкова и его товарищей может выступить с автоматами только охрана и прислуга. Решать все дело будут, таким образом, внезапность, быстрота и слаженность действий. Парализовать немецких пулеметчиков, внушить мысль об окружении, ослабить их огонь и позволить подняться нашим.

— Ну,— выдохнул Голубков, ни к кому не обращаясь, стоя недалеко от ограды с восточной ее стороны.

Он жадным взглядом стал шарить по каменной стене, по закрытым воротам, по колокольне. Все внимание немцев устремлено на юг. Конечно, на флангах разведчики. Но они, судя по всему, не заметили Голубкова и его товарищей. Тем более нельзя медлить.

— Ну,— еще раз вздохнул Голубков и посмотрел на товарищей.— Соберемся с духом. За ограду мы с Ипатовым. А ты, Александр Иванович, лежи на стреме, чтобы какая-нибудь сволочь не ударила нам в спину. Все понятно?

— Возьмите и меня с собой, ребята,— попросил Максимов.— Трудно будет двоим.

— Не будем спорить. Делайте, как сказано.

— Алеша, а может, возьмем и дядю Александра? На большаке тихо.

— Нет, Миша, пошли вдвоем.

— Ну, раз приказ, так приказ. Пошли.

Говорят, подвиг бывает связан с особо красивыми переживаниями человека. К нему в эти минуты приходят крылатые мысли, его обуревают большие чувства и весь он становится как бы другим, потусторонним, неземным. Я не знаю, так или не так бывает с людьми перед свершением исключительного. Но я знаю, что трое у церковной ограды белорусского городка в тот июль-

ский день переживали самое обыкновенное. Они верили в себя безоговорочно, потому также верили и в успех операции. Никто из них не заикнулся о письме домой, не передал старшине на временное хранение документы, не пожалел ни о чем.

Памятник на братской могиле воинов Советской Армии в г. Лынтупы Белорусской ССР. Здесь покоится прах Героя Советского Союза сержанта А. К. Голубкова

Лаза в ограду не было. Пришлось перепрыгивать через стену. Оба это сделали, как кошки. Максимов с болью в сердце и понятной солдатской завистью проследил за действиями товарищей.

Остальное произошло в считанные минуты. За оградой началась пальба. Слышались выкрики Голубкова:

— Хенде хох, фашистская сволочь!

— Батальон, окружай!

И батальоны, действительно, как только за оградой начался переполох, а за десять минут до этого прекратили работать артиллеристы, поднялись с земли и устремились в городок. Максимов все это оценил моментально и, не в силах больше лежать в бездействии, за укрытием, тоже побежал к ограде. Он перемахнул за нее третьим.

Голубков и Ипатов продолжали поливать автоматными очередями пулеметные расчеты. По церковному двору кругом, как крысы в ловушке, бегали немецкие солдаты. Максимов принялся бить по ним, на минуту выпустив из вида товарищей.

Это оказалось роковым. Самым страшным для гитлеровцев был, разумеется, Голубков, действовавший за троих и пятерых. Его-то и решили убрать немцы, про-

должая еще на что-то надеяться, хотя улицы городка уже сотрясались от солдатского «ура».

По Голубкову ударил пулемет с колокольни, по данным нашей разведки подавленный, но сейчас почему-то оживший. Очередь прошила бесстрашного сержанта по верхней части туловища. Он качнулся, повернулся в сторону колокольни и лицом к лицу столкнулся с подбегающим фрицем. Тот, должно быть, решил добить раненого, но не успел и не сумел.

Голубков нажал на спусковой крючок. Магазин оказался пустым. Это моментально сообразил немец и занес над сержантом кинжал. Голубков известным приемом самбо выбил у врага оружие, вытащил свою финку и, вонзив ее в горло самодовольной жертве, вместе с ней повалился на землю.

Ничего этого не смогли увидеть Ипатов и Максимов, разгоряченные боем. Они тоже были ранены, но не обращали внимания на кровь. Когда же в церковном дворе затопали сапоги своих, кругом послышались возгласы «за Голубкова», «отомстим за сержанта», на крики бросились Ипатов и Максимов. Они застали друга в той позе, в какой он оставался в последние минуты жизни — лежащим на немце.

— Алеша, товарищ,— бросился со слезами Михаил Ипатов и прислонился окровавленным лицом к мертвому.— Прости меня, Алеша, не уследил, не уберег.

Рядом с Ипатовым опустился на колени Максимов и тоже поцеловал уже холодный лоб русского товарища. Им никто не мешал. К ним подошли Коровин и Некрасов, командиры пехотинцев. Солдаты останавливались и бежали дальше.

Теперь уже за городком, то усиливаясь, то затихая, разносились призывные голоса:

— За сержанта Голубкова — огонь!

— Отомстим за коммуниста.

— Удмурты, рассчитаемся за русского товарища.

Это катился на запад и северо-запад наступательный вал. Его не смогли сдержать пятнадцать немецких пулеметов, валявшихся теперь, как металлический лом, у разбитой каменной стены. Эту сатанинскую силу заставили замолчать трое советских солдат, один из которых теперь навечно должен был остаться в списках почетных граждан этого маленького, уютного, зеленого городка на литовской границе.

Отомстим за героя

Да, сержант Алексей Голубков, артиллерист и слесарь из Костромы, стал первым официальным Героем Советского Союза дивизии. Весть о представлении его к такой награде в один час разнеслась по батальонам и дивизионам и подняла солдат на небывало отважные дела. О подвиге связиста рассказывали политработники и писали газеты, с теплотой и болью делился своими чувствами комдив. Парень с Волги стал как бы олицетворением души всей дивизии, ее трехлетнего опыта, мастерства и мужества.

Обыкновенный молодой рабочий человек, немножко озорноватый, лукавый, ершистый, но неизменно прямой и открытый, честный и человечный, излишне лихой и отчаянный, стал примером для подражания тысяч бойцов. Поступок одного человека явился как бы сводом морального кодекса солдата, ненаписанной книгой поведения советского воина на фронте.

Тосковали о друге, не находя себе места в первые дни, его удмуртские товарищи.

— Как мы теперь без Алеши,— вздыхал его лучший друг Михаил Ипатов.

— Давай ближе будем вдвоем,— советовал Александр Иванович Максимов.— Двое станем работать за троих.

— Трудно Алешу заменить.

— Трудно, а надо. Война не кончилась.

— Да, еще не кончилась, а пора бы кончиться, тогда бы и Алеша остался жив.

А дивизия меж тем рвалась неудержимо на северо-запад, к Балтике, торопясь скинуть врага в море. Это была месть и за героя Алексея Голубкова, и за сотни погибших его товарищей.

Города с окончанием на -ай, -яй. Аникшчай, Акменяй, Ликаняй. И наконец, красивый, почти игрушечный Биржай. Дивизия влетает в него с марша. Немцы не успевают разрушить в городе ни одного забора. Они отступают по трем большакам — центральному, разрезающему Биржай пополам, и боковым. Оставляют в городе склады боеприпасов и продовольствия, свои магазины, пивоваренный завод. На последний не мешало бы заглянуть, четвертый год солдаты не пробовали пивка, русского национального напитка. Но нет времени, приходится все оставлять на попечение тыловиков, может, они догадаются потом побаловать малость солдатушек.

В таких случаях ребятам всегда вспоминается Алеша Голубков. Этот бы не прозевал, выкроил минутку, не упустил хороший трофей и, сколько бы ему ни читали нудных нотаций о мародерстве и прочем, все равно сделал бы по-своему. За эту русскую хитрость и находчивость тоже уважали ухаря-волгаря, а теперь вот жалели, что его нет среди наступающих.

Жизнь на войне. Я как-то размышлял о ней, а сейчас, через три года, она стала для меня, как и для всех, настолько обыденной, будто другой мы и не знали. Пропали телячьи восторги первого года, красивые призывы и пустые фразы, ханжество и лицемерие. Все встало на свое место, каждому дана оценка не по словам, а по делам. Мишура давно отсеялась, краснобаи растворились по тылам, грубияны призваны к порядку, и главной фигурой на войне стали Теркины-Голубковы, мудрые, смелые и честные советские люди.

Да, в Биржае, в этом райском городке, нам не удалось задержаться. Нас встречали толпы мирных жителей, опять дарили подарки и угощали, а мы шли и шли, только помахивая пилотками.

— Эх, нет Алеши,— в сотый раз вспоминал Ипатов.

— Держись, Миша, нельзя так,— успокаивал друга Максимов.

Они написали на родину Голубкова всю правду о его гибели. Писали несколько дней, урывками, с раздумьями, со слезами и все-таки написали.

— Тяжело будет дочке читать,— вздыхал Ипатов.— Если такое письмо моим ребятишкам...

— И моим было бы нелегко,— говорил Максимов.— Но все равно не надо скрывать. Пусть наши дети растут такими, чтобы не допустить больше на земле кровопролития.

А пока это кровопролитие продолжалось. Дивизия устремилась за Биржай по центральному большаку. По боковым должны были следовать соседние. Командарм торопил и обещал:

— Давайте, давайте, занимайте впереди плацдарм. Поддержим, не оставим одних.

А впереди, в тридцати километрах, был другой городок на маленькой речке. Немцы обязательно постараются закрепиться на этом рубеже, взять реванш за Биржай. Эти планы как раз и хотел разрушить силами ударной дивизии командарм.

Верил этому маневру и наш генерал. Он смело вел полки к цели. Основной кулак дивизии устремился вперед на машинах. Там — комдив. Всех увлекла заманчивая перспектива за один день овладеть двумя городами, у всех в памяти была история гибели героя-связиста Алексея Голубкова.

Но война всегда была чревата неожиданными поворотами. И хоть мы дрались четвертый год, хоть и сидели нынче на плечах немцев, знали все ходы и выходы, а все-таки допускали порой и промахи. Таким опрометчивым шагом оказался и последний прорыв нашей дивизии за Биржаем.

Мы вместе с командармом излишне понадеялись на силы своей дивизии и не побеспокоились как следует о флангах. Обещание поддержать оказалось невыполненным. Соседи застряли на боковых большаках. Немцы, сбежав из Биржая, закрепились по всему фронту. Нужны были танки, а они выполняли другую задачу.

Словом, отмахав тридцать километров, подойдя ко второму городку, мы наткнулись на сильное сопротивление. Враг встретил дивизию с трех сторон и вынудил ее отступить в лес. Такое решение генерал принял, не желая нести напрасные потери и все еще надеясь на помощь соседей.

Но помощи не было ни к вечеру первого дня, ни во второй день, ни в третий. Дивизия оказалась отрезанной от своих и повела бой в окружении.

Странно было сознавать себя запрятанными в мешок в дни всеобщего похода Красной Армии на запад, в дни боев уже за границей Родины. Но действительность в данном случае была сильнее сознания. Следовало эту действительность разрушить.

Я никогда не забуду те пять дней и ночей в начале августа сорок четвертого года. Они были нелегкими, бессонными, голодными, наполнены беспрерывными боями. Нас теснили со всех сторон, теснили жестоко, в отместку за наши вчерашние удары. Берлинское радио даже передало об уничтожении нашей дивизии.

Но мы не были уничтожены. Мы оборонялись с львиной стойкостью. У нас было много раненых, их нечем было перевязывать, медсанбат остался в тылах. Раненые сражались наравне со здоровыми. У нас не было продуктов и соли. Мы ели полусырое мясо убитых лошадей. Костров разжигать не разрешалось. Двигаться

полагалось скрытно. Кругом работала наша разведка, нащупывая места для выхода из окружения.

Мы пытались прорваться с боем трижды. И трижды откатывались в лес. Нетрудно понять, каким было наше состояние. Мы были злы, как звери. Наши разведчики совершали смелые налеты на передние цепи немцев. Выходили на хутора, ловили языков, поджигали машины, но все это было частными укусами. В этих рейдах отважно действовали Ипатов и Максимов, все еще не в силах забыть своего русского друга.

По ночам над нами появлялся «кукурузник». Он делал несколько рейсов. Сбрасывал ящики с патронами и мешки с сухарями, узлы с бинтами и медикаментами. Это была помощь, но конечно же, недостаточная.

А немец тем временем опять пошел на Биржай боковыми большаками. По центральному стали курсировать танки. Бои шли днем и ночью. И в одну из ночей в звездное небо взвился огромный столб огня — это немцы подожгли сказочный Биржай.

Он горел до утра. Город, о котором мы собирались после войны увезти домой самые светлые воспоминания, сметался с земли. Это, должно быть, переполнило чашу терпения и командарма. Он отвел силы с других участков и повел войска в стремительное наступление. Получив о нем сигнал, ринулись на прорыв и мы.

Война полна отчаянных схваток. Но такой, какую мы навязали немцам седьмого августа, я не видел ни до, ни после этого. Мы штурмом прорвали кольцо окружения, шагая по трупам фашистов. Рядом со стрелками тянули свои пушки артиллеристы, то и дело выпуская снаряды с прямой наводки. Тут же тряслись походные кухни, старшинские повозки, штабные машины. В боевых цепях — комдив, начальник оперативного отдела майор Васильев. Он уже был в это время коммунистом, признанным авторитетом среди офицеров.

Я шагал рядом с Поздеевым. Я не смел заговорить с ним: у командира дивизиона не было свободной минуты. Он, как и все, был небритый, худой, грязный. Кажется, не был только зол. Он выносил из пятисуточного ада нерастраченным свой оптимизм и, будучи чертовски усталым, находил в себе силы говорить солдатам:

— Товарищи, подтянитесь. Осталось немного.

— Александр Прокопьевич, берегите раненых, сейчас будем переходить большак.

— Товарищ Семакин, прошу вперед, вон к тому хутору.

Доцент оставался доцентом. К благородству не приставала грубость. Человек оставался человеком, как бы ни хотели убить в нем людское гитлеровские звери.

Мы шли навстречу своим, еще раз наученные горьким опытом, с еще раз проверенной наукой ненависти, еще более прозорливые для последних завершающих боев с гитлеровской Германией.

Нас встречали командующие армией и фронтом. Они вручали нам награды, благодарили за мужество и стойкость, вдохновляли на новые подвиги.

НАКОНЕЦ-ТО БАЛТИКА!

У города Бауска

Нас выводят во второй эшелон, и мы оказываемся у города Бауска. Это по направлению к Риге, на границе Литвы с Латвией. На освобождение Таллина и Риги сейчас сосредоточены все силы Ленинградского и Прибалтийского фронтов. Они последние столицы союзных республик, находящиеся под оккупацией.

На всем протяжении советско-германского фронта идет боевое наступление нашей армии. Мы вышли к Дунаю. Бои у Бухареста и Плоешти.

Наша дивизия несколько дней вынуждена поджидать подхода своих к Риге с юго-восточных подступов. Там, как и на таллинском направлении, идут жестокие бои. Когда войска немножко приблизятся, ударим и мы, чтобы прижать отступающего противника к морю.

Мы занимаем оборону перед небольшим латышским городом. Он раскинулся на том, восточном от нас берегу Мемеля, неширокой и спокойной реки.

Передовые цепи пехоты — в прибрежных траншеях. Огневые позиции артиллеристов — на опушках рощиц и на задах хуторов. Тылы еще дальше, в совсем спокойных местах.

Немец, если его не трогать, не беспокоит. Давно нет налетов «юнкерсов» и «мессеров». Молчат дальнобойные орудия. Враг ждет. Он понимает, что дни его сочтены. Надо бы давно поднять руки, но в Берлине еще истерически кричат Гитлер и Геббельс, и их слушает пока немецкая армия.

Кажется, мы ни разу не находились в такой спокойной и, если можно сказать, благоустроенной обороне. Конечно, это не значит, что по переднему краю можно разгуливать во весь рост. До рот и взводов, как всегда, приходится добираться ползком. Но и в этом случае можно нарваться на немецкого снайпера.

Иногда фриц пускает в ход «ишаки». Наскучит — прошьет наш передний край пулеметной очередью. Поэтому осторожность остается прежним непреложным законом, и тот, кто с ней не считается, жестоко за это расплачивается.

Вовсю стараются старшины. Когда и не покормить солдат как следует, как не в обороне. Тем более завелись кое-какие трофейные продукты. Надо и помыть в баньке ребят, починить им ботинки и брюки.

Много дел у политработников. Надо обобщить прошлые бои. Изучить подвиги героев дивизии. Побольше читать с бойцами газет и книг. Рассказывать о прошлом и настоящем прибалтийских республик.

И еще одно дело у агитаторов. В ходе прошедших боев на хуторах и в местечках некоторые бойцы насобирали фашистских газет и листовок. Одни на курево, другие для интереса. Теперь за это никто не преследует Читай, если хочется. Сам видишь, куда катится гитлеровская Германия.

Солдат особенно удивляет и возмущает большая ежедневная газета «За Родину», издающаяся на русском языке в Риге. Чего только там не печатается. Кто только в этой газете не подвизается. Публикуются отрывки из повестей и романов с такими названиями, как «В когтях у большевиков». Уголовники и троцкисты, белогвардейцы и кулаки, фабриканты и торговцы — вся шваль прошлого, выкинутая из советской страны, нашла пристанище на страницах продажной и насквозь лживой газеты.

Нужно ли об этом разговаривать с солдатами? Проще всего, конечно, сделать вид, что никаких фашистских газет и листовок в мире не существует и о них наши воины не знают. Но газеты и листовки, к сожалению, издаются огромными тиражами, притом на отличной бумаге, в превосходном полиграфическом исполнении, и мимо них, хочешь не хочешь, порой не пройдешь. И наши агитаторы политотдела майоры Векслер и Пинхенсон ведут с этими газетами непримиримую, актив-

ную борьбу, идут с разбором их в блиндажи и землянки, и это приносит превосходные результаты.

В батальонах и дивизионах шла подготовка к предстоящему наступлению. Оно опять предполагало быть необычным. Во-первых, с форсированием реки. Во-вторых, с немедленным штурмом города. Пусть небольшого, не Великих Лук, но все-таки города, притом на возвышенности, с кирхой и водокачкой. Это было не шуткой, не пустяком, и надо было подготовиться к бою по всем правилам военного искусства.

Я, по установившемуся правилу, в такое время обходил своих земляков. Их осталось немного, тем дороже для меня были сохранившиеся.

Однажды забрел на ротную кухню и встретился с поваром Петром Федоровичем Наговицыным. Я писал о нем мельком, но рассказать что-либо существенное не было случая. И вот в этот раз услышал такую историю. Оказывается, ни в одной роте и ни в одной батарее, ни у одного повара дивизии солдаты не имели и не имеют в супах лаврового листа, кроме как у Наговицына. У него же всегда перец и горчица. Я удивился такой щепетильности земляка и спросил Петра Федоровича, как это ему удается.

— Достал раз и храню,— неопределенно ответил Наговицын.

— Но ведь в боях всякое бывает.

— Меня котел спасает.

— Как это так?

— Просто: прячусь за котлом и все. А раз при сильной бомбежке забрался прямо в котел.

— В кашу?

— Пустой на счастье был.

Оказалось, что Петр Федорович всю войну проездил с одной походной кухней. Убило не менее десяти лошадей, пять раз котел дырявило осколками и пулями, несколько раз ранило самого повара, а он опять приводил в порядок котел и себя и снова вышагивал вместе со всеми на запад. Случайность? Солдатское счастье? Вряд ли. Опять хватка и мудрость рабочего человека. А Петр Федорович Наговицын был именно таким. До войны работал колхозным конюхом в деревне Поторочино Балезинского района нашей республики. На войне остался тем же тружеником, став смекалистее и хитрее.

Каждая такая встреча уносит мысли в прошлое. Сей-

час, перед концом войны, они особенно настойчиво стучатся в мозг и сердце.

Я обхожу одного земляка за другим и везде слышу:

— Что пишут из дома?

— Ждут с победой.

— Как с урожаем у нас нынче?

— Хлеба удались.

— К весне бы на трактор.

Скучают солдаты, а потому сгорают от нетерпения поскорее рассчитаться с упрямыми фрицами. Ждут не дождутся боя. Безработица, как говорил Голубков, невмоготу.

Бой за Бауску начался пятнадцатого сентября. Он прошел именно так, как предполагалось. Город взяли в клещи. Заставили замолчать кирху и водокачку, каменные дома по берегу. А после пошло уже легче. Конечно, кое-кто и покупался в Мемеле, кое-кого и ранило, кое-кто сложил голову, но потери были все-таки небольшие в сравнении с прошлыми прорывами.

В это время войска Ленинградского фронта освободили Таллин. Войска нашего вплотную подошли к Риге. Поднажали и мы. За Бауской взяли города Иоцаву и Балдоне. Это уже почти пригороды Риги. Незаметно из Литвы перескочили в Латвию. На вид республики очень схожие. Особенно летом и сухой осенью. Разве только в Латвии больше лесов и болот, чаще выпадают туманы.

Итак, мы опять вбили клин, решили пусть частную, но ударную задачу: помогли основным силам наступления. Хорошо бы теперь побывать в Риге. Накрыть ту редакцию гитлеровских холуев, которая стряпала грязные газеты и листки. Посмотреть, как будут фрицы и их лакеи прыгать в Балтийское море.

Но нашу дивизию, кажется, опять переводят на другое место. У Риги сил, значит, достаточно. А нам прокладывать новые коридоры к новым целям.

Выстрел из-за угла

Шестого октября дивизия прорвала оборону немцев северо-западнее Шяуляя и маршем пошла к Балтике.

Это произошло в середине дня. Было начало сухого и еще теплого в этих краях октября. С полей все убрано. Добротные, на каменных фундаментах чистенькие хутора. На коньках островерхих крыш журчащие флю-

гера. Ветряные домашние электростанции. Колодезные журавли. Превосходные асфальтированные дороги.

Артиллерийский разведчик Николай Иванович Семакин шел с головным отрядом пехоты. Утром был бой. Немцев выбросили из одного опорного пункта, и они откатились к самому морю. Поэтому сейчас было относительно тихо, и разведчики любовались окружающим, таким чинным и чопорным, крепким и богатым.

— Неужели так все литовцы живут,— усомнился кто-то из солдат.— Здесь будто и войны не было.

— Да, порядок полный, можно сказать, кулацкий.

Зашли в один хутор, во второй, в третий. Пусто. В домах все перевернуто. Или тут прошли грабители, или сами хозяева бежали куда-то второпях. Что за чудеса?

И вдруг перед разведчиками вырос пограничный полосатый столб. Они остановились как вкопанные.

— Мать честная,— повторил любимое изречение Голубкова Михаил Ипатов.— Мы же вступаем в Пруссию.

— И в самом деле. Рядом же море, порт Клайпеда.

— Это все равно не Германия, а Литва.

— А пограничный столб?

— Фашисты его поставили.

Началось необычное, непривычное, небывалое. Солдаты начали целовать друг друга, кидать в воздух пилотки, кричать «ура!». Никто этого не видел и не слышал, кроме их самих, их глаз и ушей, их истосковавшихся сердец.

Ипатов срочно передал по рации о чрезвычайном событии замполиту Коровину.

— Граница, товарищ майор,— кричал он, забыв о всяких кодах и нумерациях.— В Германию вошли.

То же самое сообщил своему командиру Николай Иванович Семакин. Дали о себе знать и пехотинцы.

И вот, когда схлынул наплыв первых чувств, прошла минута удивления, среди разведчиков наступила тишина. О чем задумались солдаты после трех лет походной жизни? О многом. О грустном и радостном, о тяжелом и светлом, а больше, пожалуй, о своих родных местах, о семьях. Милые, дорогие. Если бы вы знали сейчас, что творится в наших душах. Мы первыми вступили на землю, где хозяйничал враг. На нашу литовскую землю, насильно отобранную прусскими помещиками. Вот почему пустые хутора. Вот почему кругом бродят стада беспризорного скота — не успели увезти и убить.

Восторг и гордость, высокое сознание выполненного долга распирали наших разведчиков. Так продолжалось, может быть, пять или десять минут, пока старший из пехотных офицеров не отдал команду шагать вперед.

Теперь пошли осторожнее. Здесь час назад были враги. Они убежали недалеко, всего лишь в порт Клайпеду, в двадцати километрах отсюда, чтобы срочно погрузиться на транспортные суда и смотаться в Германию. Зачем? Что их там ждет? Над этим, наверное, никто не думал, каждый дрожал за свою шкуру, боясь народного возмездия, гнева своих батраков.

Так вот вы какие, ворота в гитлеровскую Германию! Вот где находилось острие германского штыка в июне сорок первого, перед налетом на страну Советов. Удобное место. Рядом море. Завози что хочешь и сколько хочешь. Держи подводный флот. Готовься к войне день и ночь, и никто не узнает об этом.

Порты работают до сих пор. Конечно, действуют и подводные лодки. На них и надеется прибалтийская группа немецких войск, потому и пытается сопротивляться, должно быть, смутно представляя свое будущее.

Об этом размышляет каждый солдат, вышагивая по проселочным тропам. Мало ему в боях приходится думать о жизни. А она вон какая интересная и запутанная. Надо знать все или как можно больше: он, солдат, не просто рабочий войны, а ее хозяин, повелитель врага и его могильщик.

Разведчики заходят еще в один хутор. Огромный дом со множеством окон, террасой, с высокими дубовыми воротами, таким же забором, по верху которого протянута колючая проволока.

— Не дом, а крепость, как раз для нашего штаба,— бросает один из разведчиков и начинает стучать в дверь.

Во дворе раздается собачий лай. Голос немецкой овчарки, видимо, спущенной с цепи. У солдат разгорается интерес — кто в доме. Заглядывают в окна — занавешены. Опять стучатся — ни звука. Заходят с задов — встречает волкодав. Хотели задобрить — не удается. Одного бойца поранил.

Разведчики начинают злиться. Выставили кругом дозоры, а сами пытаются все-таки пробраться в дом. Наверное, он помещичий. Раз оставлена собака, значит,

есть в доме какая-нибудь человеческая душа. Надо узнать, скоро подкатит командир дивизии, потребует доклада.

И разведчики опять штурмуют запоры особняка. Наконец, им удается пробраться во двор, полный всевозможной домашней живности. Кудахтают куры, гогочут гуси, мечутся, как ошалелые, телки. И тут же огромная рыжая овчарка, забравшись на крыльцо, обнажила клыки.

— Вот так номер,— вздохнул Ипатов и сделал шаг.

Собака бросилась на него, прокусила руку и снова отпрянула. Молча подошел молоденький лейтенант, прицелился из пистолета и убил овчарку. Та подохла не сразу. Дверь в дом распахнулась. В ней с распростертыми руками появилась обезумевшая, седая немка. Она обвела помутневшими глазами странных вооруженных людей, с удивлением уставилась на их пилотки с красными звездочками, посмотрела на присмиревшую навек собаку и взвыла неестественным громким и гневным голосом:

— Советские бандиты! Что вам надо на нашей земле?!

— Смотри ты, какой агитатор,— указывая на немку, кивнул товарищам Ипатов.

— Она сумасшедшая,— заключил Максимов.

— Ну не скажи,— не согласился Семакин.

Появился опять молоденький лейтенант, уходивший на осмотр двора. Он смело вступил на крыльцо, попытался отстранить старуху и пройти в дом. Немка загородила дорогу лейтенанту, вытаращила обезумевшие глаза и снова завыла:

— Бандитам нет места в моем доме.

Лейтенант оттолкнул старуху, шагнул через порог, и тут произошло непредвиденное. Немка изловчилась, как молодая, достала из-под кофты никелированный браунинг и выстрелила в затылок молоденькому лейтенанту. Тот поклонился, будто здороваясь с кем-то в доме, и рухнул на пол.

Лейтенанта вынесли во двор, старуху связали. Связисты заработали на рации.

Вскоре прибыл генерал. По большаку, по проселочным дорогам уже пылила дивизия. Комдив посмотрел на все происшедшее, выслушал рапорт, снял фуражку над убитым лейтенантом, помолчал и заключил:

— Всем ли понятно, что нас ждет в этом логове зверя?

— Так точно, товарищ генерал,— ответил за всех очень изменившийся за последнее время Ипатов.

— А раз всем — выше бдительность. На хуторах, в лесу, в каждом укромном месте могут быть фашистские лазутчики. А сейчас — вперед.

— Дом надо осмотреть, товарищ генерал.

— Осматривайте, схороните лейтенанта и догоняйте своих.

Дом, в котором произошла описанная трагедия, принадлежал крупному немецкому помещику. Сам он с семейством на собственном пароходе скрылся из Клайпеды еще вчера. Оставил в доме в качестве сторожа выжившую из ума старуху, которой было все равно где и как умирать. А может быть, помещик надеялся и на возврат лучших времен. Может быть, дом предназначался для будущей явки посланцев из-за кордона. Кто знает. Во всяком случае, дом был не разграблен, даже оставлен альбом семейных фотографий, полный снимков военных пруссаков, видимо, родственников помещика.

Все это проверили и ко всем этим выводам пришли Ипатов с Максимовым. Они про себя даже решили, что приведут в этот дом штаб своего дивизиона, как только разыщут замполита Коровина, а может, даже штаб полка, если согласится их знакомый парторг Степан Алексеевич Некрасов.

Но, конечно, в страшный дом больше никто не вернулся. Дивизия уходила вперед, к Клайпеде, тылы оставались во власти трофейных команд, которым было сейчас особенно много работы.

Трофеи не давали покоя и солдатам боевых подразделений. Вечером, когда батальоны и дивизионы устроились на привал и заняли оборону, мало кто удержался от того, чтобы не свернуть голову курице или петуху, потому что этого добра, как уже сказано, блуждало кругом видимо-невидимо. Не растерялись, конечно, и старшины. Они закатили солдатам такой обед, чуть ли не из пяти блюд, какого, пожалуй, никто из нас не пробовал за всю войну. В котлы пошли и поросята, и телята, и индюшата, и гуси. Все это крутилось буквально под ногами, мычало и гоготало от жажды и неприсмотра, тыкалось в запертые ворота, металось в разные стороны, нарывалось на мины и попадало под артилле-

рийский обстрел. Через день или два с этими трофеями был наведен порядок, скот собран и отправлен в тыл, а пока все было так, как я описал, и от этого невозможно было спрятаться и отказаться.

А меж тем рассказанное представляло собой только эпизоды, детали. Главное состояло в покорении фашистского гнезда, а может быть, в полном его разорении. Поэтому — никакого благодушия, которое может родиться в человеке после сытного обеда и ночи, проведенной на помещичьих перинах. Это давало чертовскую нагрузку политработникам и командирам, которым тоже хотелось побаловать измученных боями солдат, но которым надо было и готовить их к новым испытаниям.

Даешь Клайпеду

Наше вторжение в захваченную немцами Литву еще более оживило военные действия на Прибалтийском полуострове. Соседи справа вышли к Балтийскому морю, взяли Палангу и отрезали пути отхода немцев в Пруссию из районов Риги и Либавы. Образовывался совершенно очевидный новый котел, судьба которого была предрешена.

Перед нами же была поставлена задача взять город-порт Клайпеду, скинуть врага в море и, таким образом, лишить прибалтийскую группировку немецких войск важной транспортной магистрали. Задача, как видно, выпала архитрудная, может быть, самая трудная из всех, какие приходилось нам решать за три года войны.

Предстоящая операция несколько напоминала великолукскую. Разница состояла в том, что здесь немец был только полуокружен, за ним оставался тыл с моря и правый фланг к Либаве. Значит, наступать предстояло, главным образом, в лоб, с надеждой на достаточный бомбовой удар с воздуха и танковый прорыв с фронта.

Мы знали, что порт Клайпеда был сильно укреплен. Он ежедневно принимал по нескольку военных судов с живой силой и техникой. Его охраняли береговая артиллерия, зенитные подразделения, авиация и подводные лодки. Порой даже вызывало удивление, зачем все эти хлопоты Гитлеру. Советские войска вот-вот ворвутся на территорию основной Германии, там бы и укреплялся бесноватый, а он оттягивает силы к Прибалтике.

Но так или иначе, а схватка предстояла. Развязывание ее торопили, как всегда, и штаб армии, и штаб фронта, и Москва. Дивизия опять, в который раз, бросалась на опаснейший прорыв.

Генерал Кудрявцев к этому привык, но и он сейчас чувствовал себя очень неважно.

— Ваше мнение? — спрашивал комдив начальника оперативного отдела Васильева.

— Клайпеду сейчас не возьмем,— как всегда, безапелляционно отвечал майор.

— Почему?

— Не хватит сил.

— Что же делать в таком случае?

— Вначале сужать котел и подвести немцев к морю

— А почему не наоборот? Вначале выбить из-под ног фундамент, а потом сшибить крышу.

— Не те силы у нас, товарищ генерал.

— Сил могут подкинуть.

— Это будут пока напрасные жертвы.

Вот за эту откровенность и любил комдив начальника оперативного отдела, как уважал его до этого и генерал Кроник. Майор давал пищу для размышлений, а не был простым исполнителем приказов.

Наступление наших войск шло по всему советско-германскому фронту. Уже штурмовался Карпатский хребет, очищался от гитлеровцев Белград. Что-то делали, мало известное и неощутимое, союзники. Жаркие бои вели войска Прибалтийского фронта. При всех обстоятельствах нельзя было отставать и нам.

Штурм Клайпеды начался двенадцатого октября. Перед портом была сплошная линия обороны. Каждый оборонительный пункт был приспособлен для кругового боя, а между пунктами очень часто стояли врытые в землю танки.

Под Клайпедой мы впервые увидели немецкие «фердинанды», о которых тогда было много разговоров на фронте. Они будто бы не боялись ни снарядов, ни гранат.

Была, как положено, проведена артиллерийская разведка. Скрытно выведена на прямую наводку часть пушек. Сформированы штурмовые группы. Созданы специальные отряды гранатометчиков против «тигров». Согласованы взаимодействия с летчиками, танкистами и гвардейскими минометчиками.

Кажется, все было готово к успешному штурму. Он начался так же, как и прошлые. Хорошо поработали летчики, вызвав в порту несколько пожаров. С душой потрудились артиллеристы. Дело оставалось за пехотой и танками.

Но как только они тронулись с мест, на них налетел шквал огня. Добрая половина его, наверное, относилась к «фердинандам». Они без страха начали выползать на прямую наводку. Их встречали наши пушки, но это не давало желаемых результатов.

И еще одну новинку применили немцы в оборонительных боях за Клайпеду. Они выставили сотни снайперов и не только с фронта, но и с флангов. Мы же этим приемом не пользовались в наступлении совсем.

День не принес дивизии успеха. Ночью началась перегруппировка сил. Подвозились на передовую снаряды. Пробиться машинам было очень трудно. Применили перевалку. Полпути до надежного укрытия работали шоферы, остальной путь преодолевали ездовые.

Я встретил в ту ночь своих земляков шофера Захара Лебедева и ездового Владимира Захарова. Оба были страшно возбуждены. Оба сделали уже по нескольку рейсов. Захаров потерял коня, работал на втором, Лебедев сменил две пробитые покрышки.

Захарова, как помнит читатель, я знал и раньше, с образования дивизии. Лебедева встретил только под Клайпедой. Спросил, не знает ли он кого еще из земляков. Шофер назвал несколько фамилий. Оказывается, удмуртов было много и в соседних дивизиях, видел их Лебедев и в других армиях.

— Разбрелись земляки,— говорил шофер.— А теперь скоро по заграницам разойдутся. Вот нам только вряд ли придется попасть туда.

— А мы уже за границей,— попытался успокоить я земляка.

— Какая это заграница. Вот бы в Берлине побывать.

— Возьмем Клайпеду — и туда.

— Хорошо бы. А пока я поехал, ждут.

У Захарова не было минутки переброситься словом. Обычно веселый и разговорчивый, он сейчас только цыкал на лошадь и что-то шептал для себя. Задание ему дали опаснейшее. Вроде того, с каким погиб в калининских лесах пожилой лейтенант, когда выручал снарядами знаменитую четвертую батарею.

Офицеры политотдела дивизии (слева направо): А. А. Минин, А. А. Молоков, Д. М. Пинхенсон (сидят), Т. Г. Хомченко, С. Г. Шаповалов, В. С. Кисиль, Б. А. Векслер.

— Береги себя, Володя,— сказал я земляку, должно быть, ненужные в это время слова.

— О себе я не думаю,— отмахнулся Захаров.— Там в траншее сидит майор Поздеев. О нем я думаю. Два раза его засыпало днем.

— Ранило? — насторожился я.

— Нет. Но достается им там дай бог.

— Такое дело выпало нам, Володя.

— Вот и я говорю, зачем думать о себе, о деле надо думать.

Он опять цыкнул на гнедого, и повозка, нагруженная ящиками, тронулась по полю без дороги к передовой.

Ночью пришло известие, что наши войска находятся на окраине Риги. Его передали в роты и взводы. Не спали политработники и командиры, старшины и тыловики, работал круглые сутки медсанбат.

Горячее времечко выпало моим знакомым связистам. Им приходилось теперь то и дело ползать между наблюдательными пунктами и огневыми позициями. За первый день боев каждый сделал почти по двадцать выходов на линию. Оба потеряли пилотки, обоим простре-

лили в нескольких местах шинели, но сами оставались невредимыми.

— Хрен им с дулей,— грозился в сторону немцев Михаил Ипатов.— Все равно не дамся. Мне надо за двоих воевать.

— Ты только спокойнее, Миша,— советовал другу Александр Иванович Максимов.

— Был я спокойный, теперь не хочу.

Следующий день начался, пожалуй, так же, как первый, разве только сильнее вдарили летчики и беспрерывно работали артиллеристы. Пехоте было приказано следовать за огневым валом, не отрываясь от него.

Но и эта мера не принесла успеха. Нашим пушкам отвечала сильным огнем береговая артиллерия немцев. Дополнительно к этому за ночь в порту выгрузилась, говорят, новая дивизия противника. Правда это или ложь, никто точно не знал, но новые повадки некоторых фрицев заметили многие. Они шли прямо на наши танки, встречали в рост атакующие роты и, сделав несколько выстрелов, погибали. Их окрестили у нас смертниками.

Все это навевало грустные размышления. Немцы дрались очень стойко и, не было нужды скрывать, умело. В данном случае нам было не грешно и поучиться. Это звучало, на первый взгляд, парадоксально. Мы, армия победителей, перенесшая бои на землю противника, будем у него учиться. Если сказать бы тогда такое вслух, можно свободно заработать ярлык изменника. Поэтому вслух этих мыслей никто не выражал, но про себя думали многие.

Но это, конечно, не могло улучшить наше положение. Бои под Клайпедой становились все больше похожими на мясорубку. Та и другая стороны стояли на месте, не уступая метра. И в то же время обе стороны несли бесконечные потери. Если немцам, на краю гибели, это было все равно, то нам, накануне победы, было далеко не безразлично.

Я опять размышлял в эти дни о природе и существе подвига. Дивизия дралась под Клайпедой героически. Но было ли то подвигом? Должно быть, это противоречие мучило и командующего армией, не давало покоя и другим полководцам. Через несколько дней бои под Клайпедой утихли, и наша дивизия опять была выведена во второй эшелон.

Все равно не уступим

Чертовски обидно было отходить от Клайпеды. На юге советские войска уже форсировали Дунай, вели бои на территории Чехословакии, а мы в Прибалтике не смогли взять один город. Конечно, город на последнем рубеже немецкой обороны сильно укрепленный, город-крепость и город-порт, но все-таки один город, за который, тем более, мы уже положили немало сил.

Мы опять отводились во второй эшелон, нам снова предстояла дорога к черту на кулички. Путь почти в двести километров.

А на фронтовой двор пришел уже ноябрь. Пропали солнечные деньки. Уж не поспишь в лесу под деревом, не посушишь портянок на бруствере. Заморосил зануда-дождик: мелкий, въедливый, беспрерывный. Будто и не мочит особенно, а побудешь под ним час-другой и смотришь: весь напитался влагой, шинель стала двухпудовой, за воротником мокро, курево отсырело, вещмешок превратился в тряпку, ноги по колено тонут в грязи.

А шагать надо. Надо тянуть машины и подводы, тылы, медсанбат. И не мешкать, не ссылаться на трудности. На все даны предельные сроки. Укладывайся в них, как тебе угодно.

Утешением для всего личного состава в эти дни был Указ Президиума Верховного Совета о награждении дивизии и ее полков боевыми орденами. Дивизия награждалась орденом Суворова второй степени, 1190 стрелковый полк — орденом Суворова третьей степени, а 1188 полк — орденом Красного Знамени. Известие об этом снова подняло настроение солдат и офицеров. Марш продолжался более ходко и споро.

И все-таки это была дьявольски трудная дорога.

— Наверное, Суворов через Альпы легче переходил,— грустно шутил Володя Захаров, вместо снарядов опять тащивший на своей подводе всякое хозвзводовское барахло.

Я, как всегда на маршах, часто встречался со своими земляками. Давно не приходилось видеть Николая Кузьмича Козлова. За это время его могли сто раз убить, а он опять был целехонький, если не считать нескольких осколочных царапин.

— Здорово, санинструктор,— искренне обрадовался я встрече с отважным воином.— Как воюется-можется?

Командир дивизии генерал-майор А. Г. Кудрявцев прикрепляет орден к знамени части

— И не говорите, товарищ капитан,— вздохнул Козлов.— Десятки раз отправлял себя на тот свет, а он не хочет принимать.

— Правильно делает, значит, умный в раю заведующий.

— Уж не знаю, какой он там, а пока судьба милостива.

— Нам надо жить и жить, Кузьмич, до победы недолго.

— И я так думаю, и жена, и детишки.

Человек на войне. Чего только не испытал тот же Николай Кузьмич Козлов, с виду похожий на усача Лекомцева. Перевязка раненых на поле боя и вынос их в укрытия — это, так сказать, само собой разумеющееся. А сколько раз приходилось встречаться с глазу на глаз с гитлеровцами. Другой здоровый, а притворится раненым или убитым. Чуть прозевал — он тебе очередь в спину. А иной начнет умолять увести его в плен, клянется в своем рабочем происхождении, в ненависти к Гитлеру. А у сан-

инструктора своих раненых полно. Он ведет или тащит их на ротный перевязочный пункт, а за ним порой плетутся немцы — надеются на Красный Крест.

Однажды в ночном бою Кузьмич приволок к своим здоровенного раненого фрица. Не разобрал при снегопаде. А как втащил в землянку, так и ахнул:

— Ах ты, сукин сын...

Вот уж было насмешек за этот промах. Не давали проходу, поди, с месяц. Соберутся на перекур солдаты и зубоскалят при Кузьмиче.

— Ты не знаешь, кто таков санинструктор Козлов?

— Как не знать, он вместо своих немцев спасает.

— Не может быть.

— Честное пионерское. Одного на руках принес, как младенца.

— Сколько же ему платят за это фрицы?

— Говорят, генеральскую зарплату.

— Вот это да! После войны кулаком станет.

Как ни упрашивал Кузьмич пощадить его за промашку, солдатский перец не отставал от него, пока, наконец, санинструктор не вынес с поля боя одного полковника.

Добрый, отходчивый у Кузьмича характер, а в бою неуступчивый, твердый, как кремень, отважный. Как бы ни было ему трудно и опасно, не уйдет с поля боя, не спрячется, не проволынит, пока не соберет всех раненых, если даже их будет сто. Проползает всю ночь, обшарит все канавки и кустики, доберется до самого носа немцев, а вытащит каждого человека. Многим раненым, кроме первой медицинской помощи, помогал писать письма. Порой сам хоронил убитых, носил по неделе с собой их документы, пока не подвертывался случай передать их по назначению.

Такой был наш однополчанин, колхозник из Удмуртии, делами которого нельзя было не восхищаться. И под Клайпедой он вел себя геройски, рассказывая об этом по привычке скупо и односложно.

— Тяжелые были бои, пожалуй, как в Великих Луках.

— Сколько вынес раненых, Кузьмич?

— Не считал. Много.

— Сколько ночей не спал?

— Четыре.

— Отлежался бы в машине.

— Там раненые.

Н. К. Козлов.
Рисунок Л. Мяготина

— Свалишься по дороге.

— С людьми не свалюсь, один упал бы, а с дивизией — нет.

Вот так и шел этот немолодой солдат по непролазной прибалтийской грязи, о сюрпризах которой мы и не думали никогда. Все лето и осень любовались погожестью, все сравнивали здешние места со своей Удмуртией, а тут, пожалуйста, наслаждайтесь.

Мучились все, а больше всех, пожалуй, маленький коллектив редакции дивизионной газеты. С ним у меня была особая дружба. Я о нем писал маловато, а в нем тоже были отважные солдаты и офицеры. Газету делали наборщики, среди которых был подлинный виртуоз своего дела криворожский парень Соломон Фурман. Много труда и смелости вкладывали в общее дело журналисты Михаил Фрумкин и Василь Қисиль. Помогал всем шофер, он же и повар, курский колхозник Бадакин, который, бывало, все вздыхал о своей бездетной жене—«наверное, спит с другим».

Если у всех на марше была одна задача — побыстрее шагать, то у редакционных работников была и другая — выпускать в положенное время газеты. А для нее, как всегда, нужен был оперативный материал, нужны остановки — на ходу не наберешь и не напечатаешь. Поэтому спать почти не приходилось, но журналисты и наборщики, как и все, стойко переносили эти невзгоды.

Да, нам нужно было все перенести, закалив себя еще крепче, все переоценив и переосмыслив, подготовиться к завершающим боям. Что они будут именно такими, никто не сомневался. Это подтверждал весь ход войны. Это же вдохновляло нас и звало вперед.

Нет, мы не могли простить немцу последнюю клайпедскую историю. Нам надо было взять за нее реванш.

А дождь сыпал и сыпал, как из сита, будто стараясь вогнать нас в грязь. Она уже давно превратилась в сплошное месиво, в котором тонули и лошади, и машины. Пошли, как на грех, леса. Почти совсем не попадались хутора. С рассвета до сумерек в дороге. А ночью сиди где-нибудь на лужайке без костра.

Вконец замучались старшины. На них жмут командиры полков и батальонов — давайте в положенный срок горячую пищу. А кухня застряла где-нибудь в овраге. Другая перевернулась в болоте, у третьей подохла от усталости лошадь.

Встретишь мельком усача-Лекомцева:

— Где твои, Александр Прокопьевич?

— Утром были вместе, а сейчас шут знает где.

— Впереди, где же еще.

— Впереди-то три дороги.

— Так уговор, должно быть, есть.

— Есть-то есть, а дорога не пущает, приходится свертывать.

— Выходит, в пору и поварам дать рации.

— Выходит.

А сам нахлестывает лошадей. В каждой упряжке — пара. Лошади, ничего не скажешь, холеные. Бывший председатель колхоза понимает в них толк. А все-таки первобытная тяга, попробуй угонись на ней за суворовцами.

Так мы шли несколько дней, проклиная все на свете и, прежде всего, конечно, немцев. Ну, погодите, твари. Вот подкуют морозы землю, выпадет снежок. Опять сойдемся, теперь уж напоследок. Рига наша, освобождено много городов за столицей Латвии, прибалтийский котел сжимается с каждым днем.

Мы уже начинаем понимать, что идем как раз на сжатие этого котла на последнем, прибрежном полуострове, именуемом Курляндией. Никаких городов нам больше занимать не придется, потому что их вообще больше не остается на нашем пути. Будем прижимать немца к морю силами всего фронта, пока, наконец, не скинем его с нашей земли. Сколько это может продолжаться? Война перенесена на территорию противника. Идет бомбежка Берлина и других городов Германии. Не может же Гитлер держаться еще год. Ну, три-четыре месяца, полгода.

Так думаем мы, сгорая от нетерпения снова ринуть-

ся в бой, скорее кончить все бои. Ох, как надоело все. Будь трижды проклята фашистская Германия. Сгинь с лица земли. Очисть воздух от своего смрада. Дай людям планеты жить в мире и согласии.

Но мы знаем, ты не сделаешь это добровольно. А потому жди нашего возмездия. Оно идет. Оно близко.

Оно в нашем терпении и в нашей силе.

ПОСЛЕДНЯЯ ЗИМА

Курляндский пятачок

Вот, наконец, мы и встали в оборону. Начало декабря. Мокрый снег. Густая тяжелая грязь. Так называемая пересеченная местность. Хутора и местечки на возвышенностях перемежаются лесами и болотами, редкими большаками. У немцев нет сплошной линии обороны. На узких и наиболее выгодных участках созданы лишь огневые мешки. Минометы, танки и даже пушки кочуют. Отсюда нет прицельного огня. Снаряд и мину можно ожидать где угодно.

У нас вроде бы позиционная оборона, а на самом деле нет никакой обороны. То наступаем, то отражаем контратаки. Уж вдарить бы так вдарить, но не по чему. Углубиться в тыл противника, оставляя его на флангах, тоже невыгодно. Вот и колошматим друг друга как придется и где придется.

Но мы знаем, что наша главная задача — сужать кольцо окружения курляндской группировки. Значит — наступать, находить уязвимые места обороны противника и расчленять его. В этих условиях первостепенное значение приобретает артиллерийская разведка.

Я часто встречаюсь в эти дни и с Некрасовым, и с Поздеевым, и с Семакиным, и с Коровиным. Последний стал заместителем командира артиллерийского полка. Будто бы повзрослел, начал напускать на себя излишнюю серьезность, а в душе остался все тот же заводской-тульской. Чуть забудется — и пошел балагурить, шутить, отпускать анекдоты. А не то, как в Великих Луках или на Западной Двине, уйдет с разведчиками. Вернется как ни в чем не бывало, скажет с улыбочкой:

— Эх, и брусника на стороне фрица, как смородина. Надо скорее забирать эти позиции.

И начнет показывать командирам дивизионов, где у немцев замаскированные огневые точки, танки, штабы, кухни.

Больше, больше нам надо данных о противнике. А так просидим в этой дыре до морковкиного заговенья.

А жили мы действительно в дырах. Кто подальше от передовой — в палатках. Кто ближе — в землянках. Да и их не откопаешь полного профиля: метр глубины — и вода.

А морозец постепенно закручивает. Дуют и дуют ветры с Балтики, но и они становятся не в силах совладать с зимой. Инеем, как сахарной пудрой, покрываются деревья. Хрустят, как сухарики, мхи под ногами. Кругом опускается будто бы безобидная тишина. И тут же летит все вверх тормашками. Снаряд, другой, третий — и нет ни пудры, ни сухариков в помине.

Вспоминаю, где же мы так жили во время войны. Выходит, в калининских лесах, зимой сорок первого и второго годов. Плохо мы тогда жили. Но сейчас же идет четвертый год войны, инициатива полностью в наших руках, гитлеровская Германия доживает последние месяцы. Значит, выше голову, лупи и лупи гадюку-фрица, тесни его к морю.

И мы тесним. Режем оборону немцев, устраиваем им маленькие котлы, отбиваем километр за километром. Конечно, нас можно было обвинять во всех смертных грехах. Другие, дескать, двигаются семимильными шагами, скоро достигнут Берлина, а мы топчемся на месте. Такие упреки бросали нам солдаты других фронтов, присылая письма товарищам в Прибалтику.

А в действительности мы дрались нисколько не хуже воинов других фронтов. Нас не упоминали теперь в сводках Совинформбюро или же мы значились в безымянном перечислении, как ведущие бои местного значения. Но что это были за бои, мог понять только тот, кто хоть денек участвовал в них.

Описывая события под Клайпедой, я уже упоминал, какое, по существу, безрассудное внимание оказывал Гитлер своей прибалтийской группировке. В западные порты полуострова продолжали без конца поступать транспорты с продовольствием и вооружением. Того и другого выбрасывалось огромное количество. Многое гибло под огнем наших бомбардировщиков. Мы никак не могли понять конечной цели гитлеровской Германии.

Неужели, потеряв Берлин, Гитлер надеялся задержаться в Прибалтике.

А пока, в конце сорок четвертого и начале сорок пятого года, было именно так. Курляндский пятачок держался, как заговоренный.

Особенно доставалось связистам. Линии приходилось менять постоянно и, как всегда, разумеется, под обстрелом. Прокладывали провод обычно четыре связиста. Один разматывал, второй шел с аппаратом, а двое сзади подвешивали линию. Для подвески использовались шесты, деревья, кустарники. Если появлялась возможность проложить линию под водой, по болоту, связисты использовали и это обстоятельство. По воде и болоту меньше движения. Промокнешь раз, зато сбережешь провод от излишних обрывов.

Кроме основных линий от батальонов и дивизионов к штабам, прокладывались обходные пути через шлейф. Каждое подразделение имело до четырех каналов связи.

Профессорами этого дела по-прежнему считались наши неутомимые Ипатов и Максимов. У них всегда были в запасе кабель и телефонные аппараты. Они умело использовали оголенные провода, вплоть до колючки. Суррогат обычно шел в дело на первом этапе обороны.

Ипатов и Максимов умели хранить в образцовом состоянии имущество связи. Они могли определить любую неполадку телефонного аппарата и никогда до времени не снимались с точки. На заземлении связисты не пользовались, как другие, гильзами патронов, жестяными банками, а всегда имели металлические штыри с туго привернутыми и припаянными контактами. Линию вешали на высоту до трех с половиной метров. Через каждые пятьсот метров устраивали так называемые контрольные колодцы. С подвешенной линии для удобства проверки ее спускали на уровень одного метра петлю. Для лучшего нахождения контрольных колодцев, особенно в ночное время, на деревьях делали зарубки. Для проверки линии вместо телефонных аппаратов использовали наушники.

Такими мастерами были Михаил Иванович Ипатов и Александр Иванович Максимов. Кто-нибудь из молодых солдат порой спросит их:

— А зачем все делать с такой аккуратностью — все равно не на век.

— Не на век, так на бой,— отвечали связисты.— А бой как раз может стать и концом века, твоего или моего, если дело вести тяп-ляп.

— Так не проводом же дерутся.

— Зато через провод.

— А я все равно не полезу зимой в речку.

— Сорвешь задание?

— Не сорву, а как-нибудь...

— Схитришь?

— Я жить хочу.

— А другие из-за тебя пропадай.

— Каждый за себя.

— Вот я тебе как дам «каждый за себя», тогда узнаешь. Собирайся и пошли на линию.

И ведут новичка по бурелому и полям. Купают и заставляют тонуть. Иногда попотчуют и тумаком. Особенно не стал стесняться их за последнее время Ипатов. Он без конца рассказывал молодым о своем друге Алексее Голубкове.

— Ему Героя присвоили, а ты: «как-нибудь». Так полагается только блох ловить, а на войне, брат, будь солдатом.

А Максимов наедине удивлялся переменам в друге:

— Какой ты стал, Миша...

— Какой? Все такой же.

— Не такой. Злой ты стал, Миша.

— Мало я злой, Александр Иванович. Надо больше.

— На своих не изливай зло только.

— А какой он свой, если трус.

— Учить надо.

— Поздно. Война скоро кончится.

Так они и жили, два осиротевших друга, два неутомимых связиста, без которых не обходился ни один бой. Часто бывали с ними и другие наши земляки. Пропадал на передке в сырых, а порой и затопленных водой траншеях разведчик Николай Иванович Семакин. Рядом с ним почти всегда находился командир дивизиона Григорий Андреевич Поздеев.

Вот была офицерская должность — командир артиллерийского дивизиона. Другие командиры, скажем, командир батальона и его помощники, командир полка со своим штабом так или иначе имели возможность в любой обстановке, а в обороне особенно, находиться под крышей. Командир же дивизиона почти всегда пропа-

дал под открытым небом. Ему нужны были цели, как можно больше целей на стороне противника. На это работали разведчики и связисты. Но какой заботливый и творчески мыслящий командир не захочет помочь им, сам принять участие в разведке. Ведь спрос в конце концов с него. Вот и сидит такой командир день и ночь на наблюдательном пункте под носом немцев, в какой-нибудь наскоро вырытой щели или, наоборот, на макушке столетней сосны. Любил сидеть и майор Поздеев.

Потому его дивизион и выдвигался всегда на линию главного удара. Верило старшее командование: там, где Поздеев, победа обеспечена. Поэтому же этот дивизион не раз бросали в тыл противника на самостоятельные операции.

То же самое было и здесь, в Курляндии. Самые опасные и, как называли мы, кляузные дела поручались батареям Поздеева. Поэтому они почти всегда кочевали. Их так и прозвали кочевниками. Вот где-то справа зашевелился немец. Кого послать на усмирение его? Дивизион Поздеева. Хватит ли этих сил? Хватит, а не хватит — майор сам найдет выход. А выход один — стой насмерть, бей наверняка, держи дивизион в железном кулаке. Случится, попадешь в окружение — и там стой, не пищи, и боже упаси, не пяться. Дивизион Поздеева за всю войну не знал ни одного отступления, не считая прорыва всей дивизии и армии летом сорок второго года из калининских лесов.

Во многих дивизионах сменилось немало командиров, а Поздеев оставался неуязвимым. На первый взгляд в этом не было логики: самый отважный дивизион и самый живучий командир. Но на самом деле в этом была большая закономерность: потому и был живучим командир, что смело и умно воевал его дивизион. Таким он после трех с половиной лет войны пришел и на Курляндский пятачок добивать последних, тотальных гитлеровцев.

Их не забудет Родина

После долгих блужданий по лесам и болотам, беспрерывных боев с кочующими подразделениями немцев мы вышли, наконец, к волостному центру, большому селу Пампали. Тут уже предстояли настоящие схватки. Скинуть врага с этого оборонительного рубежа было очень важно. За Пампалями опять леса и болота, пусть туда откатывается фриц и пусть там кочует.

Пампали — это стык четырех шоссейных дорог. Село на своеобразном, очень правильной формы кургане. Под южным скатом его — речка, северный — открытый, западный — лесистый, такой же — восточный.

Мы подошли с востока. Заняли оставленную немцами первую, на подступах к селу, оборонительную линию. Пехота рассредоточилась по трем склонам холма. Артиллерия расположилась на восточной опушке леса.

Уводить пушки в глубь леса не было смысла. Они встали почти на прямую наводку, прикрытые первыми елочками перед полем. Намного труднее было подыскать наблюдательные пункты. Село на холме, значит, из-под холма мало что разглядишь. Без сомнения, село превращено в сильно укрепленный оборонительный пункт, почти с круговым обстрелом. Успех атаки на холм может быть обеспечен прежде всего огнем артиллерии. В противном случае повторится как под Сычевкой.

Начались поиски наблюдательных пунктов. Их надо было, конечно же, выдвинуть как можно ближе к переднему краю. На нейтральной полосе росли редкие деревья, в основном сосны. Находилось несколько неразрушенных сараев, нежилых хуторов. Эти цели могли быть пристрелены. Но другого выхода не было. Сидеть на опушке леса под холмом — абсолютно бесполезное занятие. Зайти пехоте с тыла без подавления огневых точек в селе — тоже не принесет успеха. Значит, разведывать и разведывать цели с востока, а потом обрушить на холм прицельный массированный огонь.

По опушке леса ползали все командиры артиллерийского полка. Расчеты были приведены в боевую готовность, но цели пока отсутствовали. Было намечено несколько точек на нейтральной полосе для наиболее вероятных наблюдательных пунктов. Ночью к ним проложат дорогу саперы, с ними же выдвинутся артиллерийские разведчики, начнется изучение обороны противника.

А он, немец, конечно, уже знал, что его полуокружили советские войска. Может быть, не догадывался какой численности, но то, что против него стоит сила, понимал преотлично. И конечно, хотел эту силу ослабить. И поэтому открыл с первых же минут нашего подхода к Пампалям методичный пушечный и минометный огонь. Эти цели засекались по звукам. Надо было подтвердить их зрительной разведкой. И не только эти цели. Черт знает, что у немцев в Пампалях.

В ту зимнюю и студеную ночь, наверное, не спал никто из артиллеристов. Наблюдательные пункты занимали командиры батарей и дивизионов, разведчики и связисты. Вместе со всеми были Ипатов и Максимов.

Майор Коровин, по старой памяти, все еще был привязан к своему бывшему дивизиону и как-то больше на него обращал внимания. И в эту ночь, не имея возможности выбраться сам, он попросил парторга полка майора Некрасова взять второй дивизион под свой контроль.

— Давай, Степан Алексеевич, помоги ребятам на первых порах. Второй да Поздеева дивизионы выдвинуты в голову.

— Сделаю,— пообещал Некрасов и тут же ночью собрался на передний край.

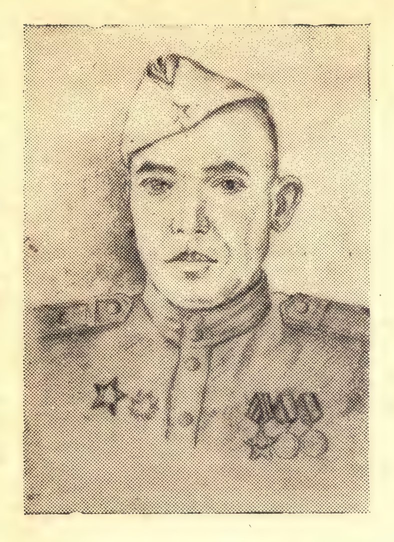
Вот тоже был человек, которого все еще, как говорили, миловал бог. Не раз терял кровь при ранениях, а чтобы шлепнуть человека начисто, немцам не удавалось. И не потому, что парторг был из трусливого десятка или из породы тех политработников-чистоплюев, которые отсиживались обычно при штабах полков. Это был мужественный и умный вояка, умевший читать передний край, как азбуку, и потому, конечно, не подставлявший голову зря под пули.

Вот и сейчас он шел лесной тропинкой и размышлял, как бы с меньшими потерями взять Пампали. Обидно, черт возьми, терять человеческие жизни в какой-то курляндской дыре, когда наши в Чехословакии, Румынии, Польше и вот-вот ринутся на Берлин.

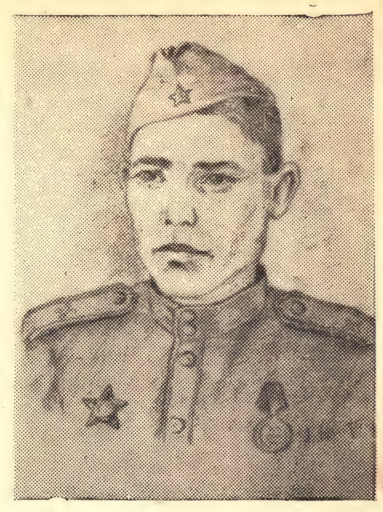
Наблюдательный пункт второго дивизиона обосновался на скотном дворе заброшенного хутора. У него был кирпичный фундамент и такие же опорные столбы. Сохранился кусочек крыши. Отсюда неплохо просматривалась юго-восточная окраина села.

Недалеко от второго дивизиона расположились батареи Поздеева. Его наблюдательный пункт выбрал место на северо-восточной окраине Пампалей, на опушке небольшой рощицы.

Когда Некрасов добрался до НП второго дивизиона, там уже, как говорят, все было обжито. Установлена на крыше стереотруба, проведена связь, выделены дежурные, а свободные от смены разведчики уже зарылись в солому покимарить. Все это по-хозяйски налаженное дело понравилось парторгу, и он спросил разведчиков и связистов:

А. И. Максимов

М. И. Ипатов

Рисунки Л. Мяготина

— Ну как, ребята, долбанем по утру фрицев?

Ответить ему не успели, так как дежурный разведчик зашептал скороговоркой:

— Товарищ майор, шевелятся. И шум моторов.

Некрасов моментально взобрался на крышу. Ночь светлая. Невооруженным глазом видно лучше, чем через стереотрубу. Да, на одной из улиц села безусловное скопление каких-то черных движущихся точек. Слышен и шум моторов. Это или танки, или автомашины, как правильно оценил разведчик. Отступать немцы не могут, значит, под прикрытием ночи получают подмогу.

На НП нет командира дивизиона, он проверяет наблюдательные пункты батарей. А цель, кажется, превосходная. Упускать возможность грешно. Некрасов просит соединить НП со штабом полка. Трубку берет Коровин. Выслушав, передает командиру полка Кравецу, тот приказывает немедленно обрушить по обнаруженной цели огонь всего дивизиона.

И вот начался кордебалет, известный уже по многим боям. Все начеку, готовы выполнить любую команду. Четко корректирует огонь дежурный разведчик. Его слова передает на огневые позиции Максимов. Все

идет как положено. На юго-восточной окраине Пампалей вспыхнуло несколько факелов, раздались два мощных взрыва. Вроде бы можно атаковать пехотой, но такой команды пока нет. Работают только артиллеристы.

Прерывается связь. Ипатов стрелой вылетает на линию. Она пролегает от сарая к опушке леса по открытой местности, не то по картофельному полю, не то по лугу. Снег неглубокий. Обрыв найден быстро. Связь снова работает. Можно возвращаться в сарай. Но Ипатов этого не делает. Он знает, что идет бой. Немцы открыли ответный огонь и стараются нащупать по звуку огневые позиции наших батарей. Попутно они кладут снаряды и по нейтральной полосе, догадываясь, что где-то на ней расположились наши разведчики.

Бой начинает принимать форму артиллерийской дуэли. Снаряды все чаще и чаще падают на поле, где ползает по снегу связист Ипатов. Наши не уступают, значит, еще не расправились с целями.

Ипатов то и дело прикладывает к линии наушники: работает. Его действия точны, он хладнокровен, ни о чем, кроме линии, не думает. Но вот где-то опять обрыв. Ага, ближе к опушке. Кошкой туда. Обрыв устранен.

Лежать на одном месте опасно. Связист ползает, прячется в ямках, в ложбинках.

Но вот опять обрыв. Потом еще и еще. А пушки лупят. Значит, нащупали золотые цели. Давай, давай, ребята. Связь я вам обеспечу.

Но что это: кто-то будто ударил по плечу. Оглянулся — никого. И тут же под шинелью стало тепло. Ясно — ранен. И не пулей, а осколком. Двинул одной рукой, другой — действуют. Пошел дальше.

Уже около двадцати минут Ипатов находился на линии. Его ранило еще раз, в ногу. Он продолжал ползать, ожидая, что вот-вот кончится артиллерийская дуэль.

А она продолжалась. Ко второму дивизиону пристроился Поздеев. Начался налет, как при наступлении. Ипатова ранило третий раз. Теперь он вспомнил про свою деревню Старый Безум в Юкаменском районе Удмуртии, про жену, детей. Вспомнил и заскрипел зубами.

— Ах ты, лешак такой. Ведь все равно не убьешь меня, напрасно стараешься.

Его убило через минуту, почти прямым попаданием. Максимов трижды окликнул связиста на другом конце провода, подул в трубку и обратился к Некрасову.

— Товарищ майор, Ипатова убило, разрешите мне на линию.

— Почему убило? — рассердился парторг.

— Я знаю, как работает Миша. Если бы был жив, связь держалась,— ответил Максимов, уже готовый к выходу из сарая.

Разговаривать не было времени. Дивизион своим огнем преследовал разбегающиеся по селу танки и автомашины. Некрасов сказал:

— Ну что ж, Александр Иванович, иди. Будет туго, я выйду на линию.

Второпях у Максимова где-то на первых шагах за сараем выпала ножовка. Когда он подполз к Ипатову, тот был уже холодным. Максимов бросился к проводу, не нашел в карманах ножовки и, зубами расчистив концы, соединил их. Связь опять заработала. Можно бы поплакать над прахом друга, но продолжался бой, и Максимов, так же как Ипатов, начал ползком курсировать по линии.

О чем он думал в эти минуты? Как ни странно, в его мозгу не находилось места ни для каких других мыслей, кроме забот о сохранности провода. В проводе сейчас было сосредоточено все существо солдата, гражданина, мужа и отца. Будет функционировать связь, все будет хорошо, порвется, всем будет плохо.

Он продолжал ползать. Так же как Ипатов, был ранен. Так же как он, ругал про себя немцев. Наконец, так же как друг, стал вспоминать свою деревню и семью. Дважды проползал мимо мертвого Ипатова. Останавливался на миг, собирался с силами и снова полз.

При очередном обрыве он опять зубами очищал концы провода. Хотел соединить их и не успел. Осколок ткнулся в грудь. У него во рту был один конец провода. Почувствовав, что силы покидают, он взял в рот второй конец и, стиснув оба мертвой хваткой, вытянулся на снегу.

Мертвых связистов вытаскивал с поля боя парторг Некрасов. Он нес их, взяв одного в правую, другого в левую руку, высокий, сильный, непокоренный мститель. Он шел во весь рост, презирая разрывы немецких сна-

рядов и, когда вступил с трупами в сарай, коротко и тихо бросил:

— Всем дивизионом залп за связистов — героев Ипатова и Максимова!

Ты будешь жить, майор

Вот так умирали солдаты. Молча, без вздохов и возгласов, зажав в кулак страдания и ненависть. Я опять в этот день много думал, что же все-таки представляет из себя героизм на войне. Вот ушли из жизни скромные и трудолюбивые крестьяне-удмурты, одетые в шинели. Три с половиной года, изо дня в день, не зная устали и покоя, люди честно выполняли свой долг. Особо никуда не рвались, не были ни богатырями, ни храбрецами, но от положенного дела никогда не отказывались. Раз приказ — будет зараз, как говорил один из них, старший, более рассудительный и осторожный. И он выполнил последний приказ без страха, как выполнял много раз до этого. Может быть, об этом будет написано в политдонесении заместителя командира дивизиона или полка: «в боях за село Пампали погибли такого-то числа такие-то связисты-коммунисты». А может быть, не будет сказано ни слова, потому что никто не видел, как работали в ту ночь эти связисты и можно ли их работу считать героической. Просто-напросто старшина снимет их с довольствия, писарь вычеркнет из списков, пошлет по домашнему адресу стандартную похоронную и делу конец. А мне эти люди всегда будут казаться великими и бессмертными, потому что я видел, как они любили жизнь и ради нее шли на все.

Хоронили Ипатова и Максимова на рассвете, когда немного умолкла ночная канонада. Пришел проститься с солдатами, которых он хорошо знал, майор Коровин. Парторг Некрасов произнес надгробную речь. Товарищи дали в память о боевых друзьях очередь из автоматов. И снова началась на переднем крае обычная суетня, официально именуемая боями местного значения, а на солдатском языке — дать перцу фрицу.

Растревоженные ночным налетом немцы с утра начали поливать наши боевые порядки усиленным артиллерийским и минометным огнем. Прилетели однажды на бомбежку самолеты, но увидев, должно быть, что кругом лес, больше появляться не сочли нужным.

А наши пока помалкивали. Вели разведку, подвозили снаряды, окапывались. Село выглядело днем вымершим. Редко-редко покажется в траншее или за избой голова фрица. Но и в этой обстановке наш всевидящий Семакин засек выбежавшую из одного подвала маленькую собачку. Она повертелась возле полуразрушенного дома, проскользнула в следующий подвал, появилась опять и скрылась у своих хозяев.

— Штаб тут, товарищ майор,— высказал свои предположения разведчик командиру дивизиона.

— Пожалуй, ты прав,— согласился Поздеев.— Наблюдай.

Он опять был верен себе, майор Григорий Андреевич Поздеев. Ночью вмешался в разгром танков и автомашин, не сомкнул ни на минуту глаз, а с утра, сполоснув лицо холодной водой, опять бодрствовал у стереотрубы. Надо же, черт возьми, забрать у немца эти Пампали, загнать его подальше в лес, чтобы потом вытурить и оттуда, гнать и гнать до самого моря.

За Пампали воевали дня четыре. Раза два поднималась в атаку пехота, но без успеха. У немцев сохранилось все-таки несколько танков, и как только из траншеи вылезали наши, те тут же пускали навстречу свои «тигры».

Бои превращались в игру кошки-мышки. Надо было с этим кончать. Ни к чему доброму такая затяжка привести не могла. Что-то следовало придумать.

Мысль подал майор Поздеев. Обыкновенную, собственно, мысль, выношенную опытом прошлых боев. Он предложил подтянуть пушки ближе к переднему краю, некоторые замаскировать на прямую наводку. И главное, корректировать огонь не с земли, а с дерева, с высокой сосны, с которой село было видно как на ладони.

— Так тебя же, как глухаря, снимут в первую минуту,— усомнился в замысле командир полка.

— Почему? — не согласился Поздеев.— У меня будет защитой ствол.

— А если снесут снарядом всю сосну?

— Вместе с ней полечу на землю и все.

— Ну давай, пробуй.

— А вы поддерживайте.

И вот опять началась долбежка Пампалей. Ах, как это замечательно — управлять огнем пушек с дерева. Дал залп и в точку. Второй — еще в точку. Ясно видно,

какой недолет и перелет, куда и как перебегают немцы, что и откуда подтягивают. Вот где надо сооружать все наблюдательные пункты артиллерийских дивизионов, если бы везде на переднем крае росли сосны и тополя.

Командир полка не обманул и помог огоньком других дивизионов. Кажется, подготовилась к атаке после артиллерийского налета и пехота. Налет должен был вот-вот кончиться. Но уж очень большое оживление началось на улицах Пампалей, жалко прекращать огонь. Поздеев попросил еще десять минут для поражения вновь обнаруженных важных целей. Командир полка разрешил.

Счастье боя! Что это такое? Можно ли наслаждаться разрушениями и смертью, творимыми твоими руками и твоим разумом? Оказывается, можно. Нет, ты не становишься в эту минуту варваром, наоборот, в тебе просыпается повышенная привязанность к своей поруганной земле и тебе хочется бить и бить врага не переставая. Это чувство становится особенно жгучим, когда бой развертывается успешно и ты видишь результаты своих стараний.

Так было и сейчас. Огонь дивизиона, наверное, никогда не был столь прицельным, как сегодня. Лицо Поздеева сияло. Вот когда его работа на войне была в полном смысле творчеством и соприкасалась с наукой. Он на какой-то миг даже подумал, что стоит на кафедре и читает курс полевой артиллерии в военной академии.

А пушки били и били. Их огнем заинтересовался генерал Кудрявцев.

— Кто работает? — спросил он командира полка.

— Майор Поздеев.

— Передайте ему мою благодарность.

Благодарность генерала Поздеев получил уже, когда пехота поднялась в атаку. Он коротко бросил в трубку «спасибо» и, разгоряченный всем происшедшим и происходящим, ловко спрыгнул с дерева и приказал гнать пушку следом за солдатами.

Он и сам, как мальчишка, побежал рядом с орудийным расчетом. Зачем? Его ли это дело? Эти вопросы в те минуты его не занимали, надо было во что бы то ни стало выкинуть немцев из Пампалей. После стольких трудов его дивизиона было бы преступлением не отбить село. В нем говорила профессиональная гордость военного и ученого, гражданина и коммуниста. На кой же

черт тогда было израсходовано столько снарядов, поражено столько целей, если и после этого отсиживаться в лесу.

И он бежал, подбадривал бойцов, зорко всматриваясь вперед. Начали оживать то тут, то там пулеметы. Им отвечали наши. Пока не страшно. Подождем дичи покрупнее. Вперед и вперед.

И вот одна солидная дичь появилась. Опять сохранился-таки танк. Лупили, лупили их и не долупили. За танком, как полагается, автоматчики. Все так же, как давно под Карабановом и Михалями.

Воспоминания подхлестнули Поздеева. Перед глазами на какое-то время встали образы погибших товарищей. Это еще больше подтянуло майора. Он приказал развернуть пушку, сам встал за наводчика и всадил бронебойным в башню танка.

Танк покачнулся, но не остановился.

— Ах, так! — вскипел Поздеев.

Он приказал оттянуть пушку вправо и выпустил второй снаряд по гусенице. Танк задрожал, как в судороге.

Поздеев дал шрапнелью по немецким автоматчикам. Все это происходило одновременно с наступлением пехоты, в ее боевых порядках.

Разгром танкового экипажа и автоматчиков на какие-то минуты расчистил путь атакующим. Они приближались к Пампалям с трех сторон.

— Товарищ майор, отстаньте немного,— попросил командир орудия Николай Воронцов.

— Почему вы меня гоните? — обиделся Поздеев.— Сейчас войдем в село.

— Мы без вас,— попросил командира дивизиона Семакин.

— Нет, нет, Николай Иванович, давайте вместе,— стоял на своем майор.

И он продолжал бежать, возбужденный, молодой, красивый. В распахнутой шинели, в новенькой, только что полученной шапке-ушанке, в аккуратных яловых сапогах, с полевым биноклем, повешенным на шею.

— Товарищ майор, отойдите...

— Григорий Андреевич, просим вас...

А он свое:

— Давайте быстрее, товарищи. Еще немного, еще триста шагов.

Отчего он упал, как подкошенный, сразу никто не понял. Упал, ударившись затылком о лафет. Потом скатился на землю, не проронив ни слова.

Первым склонился над командиром разведчик Семакин. Он всмотрелся в лицо и увидел на лбу маленькую кровяную точечку.

— Снайпер! — крикнул он обступившим солдатам.— Пушку вправо, по крыше хутора.

Все расступились немедленно. Отбежал от мертвого майора и разведчик Семакин. Поздеев остался лежать на снегу один. И опять пошла работать пушка. С яростью, остервенением, с плачущими сильными солдатами.

— Огонь по фашистским убийцам!

— Смерть душегубам!

— За майора Поздеева!

А за пушкой, не в силах совладать с приливом бьющей через край ненависти, пошли артиллеристы на штурм Пампалей вместе с пехотинцами. Как бывало под Сычевкой, в Великих Луках, под Невелем, Клайпедой. И долго стояло в морозном воздухе грозное и мстительное:

— За майора Поздеева!

— Ты будешь жить, майор!

Долгожданная победа

Мое повествование подходит к концу. Много грустных историй пришлось рассказать. Чем можно было успокоиться тогда?

Конечно, все мы знали, что гитлеровская Германия находится на краю пропасти. Пала Варшава. Бои у Кенигсберга. С каждым днем сжимается кольцо вокруг восточно-прусской группировки немцев. В Ялте открылась конференция руководителей трех союзных держав.

Все это было так. Наше сознание было спокойно, но сердца усмирить мы не могли.

Майора Поздеева хоронил весь полк в уже отбитых Пампалях. Над гробом выступили командир дивизии, начальник политотдела, командир полка, солдаты-земляки. И еще сочли нужным сказать свое слово бойцы его дивизиона украинец Карпенко, белорус Пацай, узбек Каримов, казах Макибаев, чуваш Григорьев. Офицера-удмурта провожала в последний путь вся многонациональная дивизия.

Тяжелой была та минута прощания, оружейного и пушечного салюта. Кажется, тяжелее всех минут, какие пришлось пережить за долгие годы войны. Если в начале страшного лихолетья мы относились к смерти своих товарищей как к неизбежности, то теперь, перед победой, она представлялась нам обидным анахронизмом, никак не вяжущимся с происходящими событиями.

И все-таки смерть не отцеплялась от нас. Она вырывала из наших рядов как совсем молодых, безусых солдат, только что одевших шинели, так и закаленных и умудренных годами воинов. Потери тех и других разрывали наши сердца и звали к мщению.

Наступил новый, сорок пятый год, как все понимали теперь, последний год войны. Конца ее ждали с нетерпением. И нет, не береглись, не выжидали, когда загонят в гроб фашизм другие, а с небывалым остервенением и безудержностью сами шли на последние приступы.

После Пампалей дивизии пришлось вести еще несколько открытых боев. Занимая оборону в самых гиблых местах, в непроходимых и непроезжих лесах и болотах, полки перестреливались с немцами, изредка сшибали их с опушек и полянок, брали языков и так ждали, когда соседи, находящиеся на оперативно важных направлениях, погонят врага маршем к морю.

Но он, надменный безумец, держался за каждый клочок прибалтийской земли. По-прежнему шли и шли транспорты в Клайпеду и Либаву.

— Для чего это вы делаете? — спрашивали мы пленных немцев.

— Приказ фюрера,— следовал пустой ответ.

— Но ваш фюрер на краю могилы. Наши подходят к Берлину.

— Фюрер верит в бога.

— Но бог его не спасает.

— Если погибнет Германия, мы останемся в Пруссии.

Вот и попробуй с такими договориться. Они надеются, что после гибели фашизма в Германии Гитлер сможет еще сохранить свои корни в Восточной Пруссии. Потому и держатся за нее, вцепившись зубами.

Это нас и смешило и злило. Наши солдаты заимели моду чуть ли не каждой ротой доставать языков и через них прощупывать, так сказать, моральный дух не-

мецкой армии. Разыгрывались грустные и трагические истории.

Я встречался с немногими своими земляками и вспоминал годы войны. Какими были мы под Сычевкой, Великими Луками, Невелем, Полоцком, в летнем походе сорок четвертого года — какими стали сейчас, перед близкой победой.

— Да, испытали мы много тяжелого,— хмурясь, делился своими мыслями старшина Александр Прокопьевич Лекомцев.— Оставили на поле боя друзей и товарищей. И все-таки мы выходим из войны более сильными, чем входили в нее. Теперь трудиться и трудиться до седьмого пота на фронте мирного труда, за двоих и троих, за всех сложивших головы, растить их детей, заботиться об их вдовах.

— По-твоему выходит, Прокопьевич, что вроде и война кончилась.

— Можно сказать, что кончилась. Я уже написал домой, чтобы ждали к посевной.

— А если немецкий снайпер...

— Все равно не перебьет всех. Кишка тонка.

Солдату-крестьянину так же, как солдату-рабочему, не терпелось сменить автомат на топор и молот. Он уже смотрел дальше, думал о завтрашней судьбе вызволенной из-под фашизма Родины.

Я разговаривал с Николаем Кузьмичом Козловым, Владимиром Ильичом Захаровым, Николаем Афанасьевичем Воронцовым, Василием Лаврентьевичем Корепановым, Николаем Ивановичем Семакиным, Петром Федоровичем Наговицыным, Иваном Максимовичем Бахтиным и со всеми оставшимися в живых земляками и набирался во встречах с ними живительных соков. Несмотря на все невзгоды, народ оставался непреклонным и непобежденным. Продолжала расти и здравствовать и моя родная Удмуртия.

А меж тем уже пришел апрель. Взят, наконец, штурмом оплот Восточной Пруссии, город-крепость Кенигсберг. Советские войска стремительно приближаются к Берлину. Вот уже он окружен. Зверь загнан в клетку.

А на Курляндском пятачке еще двести тысяч недобитых гитлеровцев.

— Вот стервы,— сокрушался мой земляк Володя Захаров.— Бомбу бы, что ли, на них скинуть такую, чтобы от одного удара осталось мокрое место.

— Еще не изобрели такой, Володя.

— А надо бы. Для мира, а не для войны. Для охраны вечного мира на земле.

— Вот, может быть, после этой войны.

— Я верю, что такая бомба будет.

На переднем крае разгораются частые стычки. Не терпится артиллеристам — война кончается, а у них остаются снаряды. Зачем беречь. И не берегут, лупят днем и ночью.

— Что там еще за перестрелка? — поинтересуется генерал у командира 1190 полка подполковника Кусяка.

— Поздеевский дивизион, товарищ комдив.

— Все не может успокоиться?

— Не может.

— И то верно, пусть не успокаивается. Только ведите огонь с толком.

— Стараемся, товарищ генерал.

А толк один — истребить как можно больше фрицев, утолить хоть напоследок жажду мести. И передний край мстит, жестоко, вдохновенно, забивая последний кол в гроб подыхающего врага.

Бои идут уже в самом Берлине. Взято семьдесят тысяч пленных. Гитлер и Геббельс покончили с собой. Вот-вот конец войне.

Накал чувств на предельной точке. Волнуются солдаты.

— А что же мы? В Берлине такие дела, а мы сидим в обороне.

— Товарищ генерал, давайте наступать.

Небывалое дело: солдаты чуть ли не требуют от командира дивизии. И он не сердится, не возмущается, старый солдат и старый коммунист. Он прекрасно понимает своих подчиненных и благодарит их за то, что требуют от него боя.

В такие часы невозможно сдерживать учащенные удары сердца. И не надо сдерживать, не надо притворяться равнодушным, что тебя будто не касаются берлинские события. Касаются. Тревожат. Будоражат кровь, зовут к последним схваткам.

Ах, вы говорите, что будут потери. Вам хочется во что бы то ни стало выжить, но зачем же для этого прятать голову в щель? Разве не хочется остаться стоять на земле тем ребятам, что водружают под ураганным огнем красные советские флаги над столицей гитлеров-

ской Германии? Хочется, очень хочется. Но они знают, что жизнь можно только завоевать, а не вымолить. И они воюют, в последний час перед долгожданной победой, складывая свои головы ради того, чтобы остались жить другие.

Наступать было приказано и нашей дивизии. Седьмого и восьмого мая полки вели жестокие бои. В Прибалтику пришла весна, солнечная, погожая. Деревья покрылись нежными листочками. Но это не трогало сейчас наших солдат.

Все жили боями. Не спали, не отдыхали, не ели, тонули в болотах и речках, ползали по сырой, еще не нагретой земле с единственным желанием, с одним порывом: помочь товарищам в Берлине, принести свою последнюю лепту на алтарь общей победы.

Тут и там раздавались возбужденные голоса бывалых воинов, коммунистов и комсомольцев:

— Вперед! За победу!

— Добьем курляндского фрица!

— Смерть фашизму!

И солдаты шли, презирая все преграды. И падали под нашими ударами хутора и местечки. И не брали мы пленных, потому что они не сдавались до крайней минуты.

Это был последний, все воплотивший в себя порыв. Совсем не лубочными ухарями-героями выглядели в те дни наши солдаты. Они были грязные и небритые, чертовски усталые и голодные. Но они были зато несказанно счастливые, переполнены таким богатством чувств, какое испытывает разве ребенок, сделавший свой первый шаг в жизни.

Бои шли и в ночь на девятое. Все ждали важных известий, должных вот-вот последовать из Москвы. А до этого каждый стремился еще заколоть хотя бы пару фрицев. Сердобольная душа говорила в тиши: а зачем колоть, война идет последние минуты, давайте лучше брататься с немцами.

Давайте. Мы не против. Пусть выносят белые флаги Но они же не делают этого. Они яростно сопротивляются. Они поджигают хутора. Они расстреливают напоследок наших военнопленных. Увозят к морю мирных жителей. Так как же с ними после этого церемониться.

Смерть за смерть. Беспощадная месть. Вперед и вперед.

Я увидел бледного и осунувшегося Степана Алексеевича Некрасова.

— Что с вами, товарищ майор?

— Все в порядке. Иду договариваться о снарядах.

— Так, наверное, не нужно больше?

— Надо. Хоть на час, а надо.

И он ушел в темень майской ночи разыскивать начальника артснабжения Попова, чтобы получить для своего полка еще сотню-другую снарядов для последних ударов по гитлеровским фанатикам.

Но поздно ночью Москва передала долгожданное: о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии и установлении Дня Победы. У землянок политотдела и редакции дивизионной газеты выстроились конные и пешие нарочные. Им объясняли коротко:

— Капитуляция Германии. Конец войны. Сегодня, девятого мая, праздник Победы. Подробности утром в газете.

Нарочные мчались обратно в полки и батальоны, передавали услышанное и опять возвращались, теперь уже за газетой. А она, маленький листочек, только еще рождалась в отбитой вечером лесной землянке. У наборщиков от радости дрожали руки. В соседних землянках при коптилках писали свои вдохновенные стихи и статьи наши военные журналисты.

В три утра первые экземпляры газеты были готовы. Их из-под машины, пахнущие краской, забирали нарочные и стрелой уносились по лесным тропинкам к передовой.

Никто не спал в эту ночь. Весь фронт, вся страна, весь мир жили известиями из Москвы и Берлина. О них не могли не знать и немцы, запрятанные в курляндском мешке.

И вот с рассветом наши солдаты замерли в ожидании: поднимут или не поднимут белые флаги по ту сторону переднего края. Прошло пять минут, пятнадцать, полчаса, час. Уже из-за деревьев начали пробиваться солнечные лучи. А на передке тишина.

— Смотри, что делают,— удивлялся Николай Иванович Семакин.— Смотри, какие гордые.

— Ждут приглашения.

— Когда принесем условия капитуляции на блюдечке.

Вскипел, потеряв всякое терпение, майор Коровин. Позвонил генералу:

— Они и не думают сдаваться, товарищ комдив.

— Подождем еще немного.

— Нечего ждать. Мы открываем огонь.

Заместитель командира полка, наверное, первый раз за войну не послушался старшего начальника. Артиллеристы обрушили на передний край немцев шквал смертоносного огня. Их дружно поддержали прибывшие ночью «катюши».

— Вот, так-то оно лучше,— заключил Володя Захаров.— А то френди-бренди, кто мы. Сейчас начнут вылезать, как крысы.

И в самом деле. Не успел Володя закончить свое последнее фронтовое выступление, как тут и там на стороне немцев замелькали белые и серые тряпки, поднятые на палки и шесты. Из траншей, из-за хуторских строений, из леса начали вылезать помятые, грязные, зверообразные фигуры и, становясь в нестройные ряды, делали робкие шаги в нашу сторону.

Мы молча наблюдали. Было странное и непонятное состояние. Неужели с этого начинается конец войны? Неужели это победа?

Но тут начали раздаваться голоса наших солдат:

— Давай, давай, фриц, смелее.

— Складывай свои автоматы и барахло.

— Да только не порть воздух, едрена-матрена.

Потом пошли сами навстречу пленным. Бесцеремонно снимали с них оружие, каски, вещмешки, ремни. И опять приговаривали:

— Экие барышни-сударышни, привыкли, елки-палки, ездить на чужом горбу.

— Пошевеливайся.

— Становись!

А немцы свое:

— Гитлер капут.

— Криг капут.

Им в ответ:

— Теперь «капут», а раньше «хайль».

— Когда прижали к стенке, так наклали в штаны.

— А ну, едрена-матрена, не отравлять советский воздух.

Приехал генерал Кудрявцев. Немцы вытянулись в струнку. Комдив обошел строй серых измызганных людей, молча осмотрел трофеи и обратился к своим:

— Вести пленение без оскорблений. Будьте до конца достойны гордого звания советского воина.

Тут подал голос молодой озорноватый солдат:

— Их надо в речке искупать, от них дерьмом пахнет.

Кругом грохнул смех. Улыбнулся и генерал.

— Подождут до лагеря военнопленных.

Солдат опять подал голос:

— Пока сдаются сошки, а щуки не показываются.

— Скоро покажутся.

И опять, как бы в подтверждение последних слов, наши подвели к командиру дивизии первого пленного немецкого генерала. Он был стар и плюгав, но в полной форме и с наградами. Увидев советского генерала, может быть, первого в жизни, щелкнул каблуками и вытянулся по стойке смирно. Наш комдив не придал этому значения и приказал своим офицерам:

— Ведите!

А утро уже благоухало всеми прелестями весны. В воздухе появились веселые «илы» и «яки». Они махали над нами крыльями, делали фигуры высшего пилотажа, приветствуя победителей. Им начали радостно кричать, задрав головы, наши солдаты. Кто-то пальнул одну-другую ракету. За ними взвились в нежное голубое небо десятки разноцветных огней. И только тут, впервые за эти последние полчаса, всех объяло единое чувство восторга, хранившееся в тайниках души, зревшее долгие годы и, наконец, вызревшее и выплеснувшееся наружу.

Кругом раздалось мощное «ура!», затрещали очереди из автоматов. Солдаты начали обнимать друг друга, многие плакали слезами радости. И все это на глазах притихших и пораженных немцев, которые, может быть, только сейчас начинали понимать, в какую авантюру затянул их бесноватый ефрейтор.

Солдат поздравил с праздником победы генерал Кудрявцев и еще раз предупредил:

— Товарищи, без инцидентов. Дорожите до последних минут честью советского воина. С великой победой вас, боевые друзья.

И поплелись мимо нас колонна за колонной пленные немецкие солдаты. Их сопровождали, полные достоинства, наши ребята. Они где-то уже успели умыться, немного почиститься, лихо задрали набекрень пилотки и, оглядываясь на пленных, довольные, покрикивали:

— Равняйсь! Не путать ряды.

Мимо меня прошли земляки: двое Лекомцевых, Семакин, Воронцов, Наговицын, Захаров, Лебедев и многие другие.

— Поехали,— крикнул и подмигнул мне Володя Захаров.— Теперь недалеко и до Удмуртии.

Да, недалеко до Удмуртии, которая не только посылала свои полки на фронт, но и была кузницей оружия и родным домом для эвакуированных, подумал и я. А какой был долгий, тяжелый и страшный путь к сегодняшнему. Пусть же он никогда больше не повторится. У нас много иных путей, добрых и светлых, по которым мы пойдем, счастливые и гордые, утверждать на земле мир и дружбу, свободу и братство.

Вечная почесть героям, павшим за независимость нашей Родины.

Слава живым!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Четверть века прошло со времени событий, описанных в этой книге. За это время выросло новое поколение солдат — сыновей героев Великой Отечественной войны, которые славно несут эстафету боевых традиций.

Память о минувшем нетленна. И чем дальше мы отходим от него, тем ближе и дороже оно становится нам, нашим детям и внукам — наследникам боевой славы.

Советский народ свято чтит подвиг своих сыновей. В городах и селах, освобожденных от фашистской оккупации 357 стрелковой дивизией, именами героев войны названы пионерские дружины и школы, улицы и колхозы.

На полях деревень Калининской области Хлебники, Нахратково, Михали, Высокое, Кочережки, Волосатики были разбросаны могилы наших воинов. Жители совхоза «Медведицкий» перезахоронили останки героев в братскую могилу у деревни Хлебники и установили на ней монументальный памятник, за которым ухаживают пионеры Хлебниковской школы.

Пионерская дружина этой школы носит имя отважного героя старшего сержанта Михаила Тарасовича Вотякова, который совершил бессмертный подвиг в боях под Хлебниками, Михалями. Следопытам школы удалось связаться с ветеранами дивизии и собрать богатый материал для комнаты боевой славы. Установилась дружба с семьями погибших. Районная газета об этом писала: «Деревню Хлебники Оленинского района Калининской области и Удмуртию разделяют почти полторы тысячи километров. Несмотря на это, между ними развивается и крепнет дружба, начало которой было положено в суровые годы Великой Отечественной войны».

Особо бережно хранят память о своих освободителях жители Великих Лук. В одном из обращений к слету ветеранов дивизии великолукчане пишут:

«Дорогие товарищи!

Великолукский горком КПСС и исполком городского Совета депутатов трудящихся от имени жителей города Великие Луки приветствуют участников настоящего слета и в вашем лице всех ветеранов и воинов 357 ордена Суворова 2 степени стрелковой дивизии, всех трудящихся Удмуртии.

Более двадцати лет назад наш город был освобожден от фашистских оккупантов, и в этой борьбе активное участие приняли воины дивизии, сформированной на удмуртской земле.

В кровопролитных боях за освобождение древнего русского города родилась дружба великолукчан с народом Удмуртии. Великолукчане дорожат этой дружбой и горячо благодарят ветеранов дивизии за участие в освобождении города.

Великолукчане свято хранят память о тех, кто отдал жизнь за свободу и независимость нашей Родины в боях за город Великие Луки. На самом высоком месте города установлен памятник павшим советским воинам.

Но лучшим памятником является возрожденный из руин и пепла город. Благодаря огромной помощи партии и правительства, самоотверженному труду великолукчан город Великие Луки стал еще краше, чем был до войны...

Пусть наша дружба, рожденная в суровые годы войны, будет вечной»...

На великолукском памятнике славы навечно высечено имя 357-й. В краеведческом музее хранятся документы, кинокадры о боях этой дивизии. В великолукских школах созданы комнаты боевой славы 357 стрелковой дивизии. Бывшему командиру дивизии генерал-майору в отставке А. Л. Кронику присвоено звание почетного гражданина города Великие Луки. Одна из улиц города носит имя командира полка подполковника П. Ф. Корниенко. В Великих Луках частые гости — бывшие воины дивизии, следопыты школ Удмуртии.

И поныне помнят жители белорусского города Лепеля воинов нашей дивизии, не щадивших своих жизней, чтобы вызволить из концлагеря обреченных на уничтожение. Трудящиеся Лепеля установили памятник славы на братской могиле воинов.

Такой же монументальный обелиск воздвигнут на братской могиле в белорусских Лынтупах, где покоится

прах Героя Советского Союза сержанта А. К. Голубкова. Коллектив Лынтупской средней школы собрал материал о жизненном пути А. К. Голубкова. Имя героя носит одна из улиц города.

Вильнюсские школьники из 20 и 27 школ собрали уникальный материал о воинах Удмуртии, которые освобождали литовскую землю от фашистских оккупантов. Многим воинам дивизии следопыты помогли найти награды. Ветеранам дивизии удалось найти тех литовских детей, которые, будучи эвакуированными в Удмуртию, присылали нашим воинам на фронт посылки и письма. Издательство «Удмуртия» выпускает сборник очерков «Сестры» об этой великой дружбе двух народов.

Помнят и чтят воинов 357 стрелковой дивизии и в Латвии. Члены республиканского клуба боевой славы «Данко» собирают материал о воинах дивизии. Они нашли могилу легендарного майора Г. А. Поздеева и ухаживают за ней.

В столице Удмуртии городе Ижевске вот уже более десяти лет действует Совет ветеранов дивизии. На месте формирования соединения воздвигнут монументальный памятник боевой славы дивизии. Здесь проходят традиционные слеты ветеранов, куда съезжаются со всего Союза бывшие однополчане чтить память боевых друзей, славить повседневные успехи на трудовом фронте. Всякий раз слету идут десятки приветственных телеграмм и адресов из разных уголков необъятной Родины.

В ижевской средней школе № 66 открыт музей боевой славы 357 ордена Суворова 2 степени стрелковой дивизии. Силами коллектива школы и ветеранов собран огромный материал о боевом пути дивизии. За несколько лет существования музея в нем побывали тысячи экскурсантов не только из Удмуртии, но и из других областей и республик.

Стало хорошей традицией в каждый очередной призыв в Вооруженные Силы СССР посылать из Удмуртии новое пополнение в ту войсковую часть, в рядах которой в годы Великой Отечественной войны отважно сражались против фашистских поработителей многие наши земляки. Будущие солдаты перед отъездом в часть приходят в музей боевой славы при 66 школе. Отсюда коллектив школы и ветераны войны торжественно провожают их в добрый путь.

Судьба разбросала однополчан по всей советской земле. Но где бы они ни находились, они не забывают свою прославленную 357 стрелковую, не забывают Удмуртию — свою вторую родину, где формировалась дивизия. Отсюда, надев серые шинели, они тронулись в длинный и опасный путь, который закончился через четыре года на берегу Балтийского моря.

Не все дошли до конца. Но память о погибших свято берегут живые. О них главным образом эта книга — результат многолетнего коллективного труда здравствующих однополчан. Без их товарищеской помощи не появилось бы это повествование. Всем им автор приносит солдатское спасибо, а двойную благодарность соавтору — переводчику Алексею Ивановичу Никитину и вместе со всеми склоняет голову над прахом ушедших из жизни героев. Вечная слава им и вечная наша любовь.

Жизнь продолжается. Ее покой и безопасность охраняются наследниками боевой славы и закрепляются нашим повседневным ударным трудом на аванпостах коммунистического строительства.

ЛИТЕРАТУРА

о 357 ордена Суворова 2 степени стрелковой дивизии

Баграмян И. Х. Слово о 357 стрелковой. — «Удмуртская правда», 1965, 10 мая.

Баграмян И. Х. Славный боевой путь. — «Удмуртская правда», 1968, 23 февраля.

Великие Луки. 800 лет. Сборник статей. Лениздат, 1966.

Еременко А. И. Годы возмездия. 1943—1945. М., «Наука», 1969.

Дружинин Б. Древняя крепость. Очерк. — В кн.: Двадцать пять фронтовых тетрадей. Воениздат, 1964.

Иванова П. Е. Великие Луки. Справочник для туристов. Лениздат, 1968.

Кирюхин С. П., кандидат исторических наук. 43 армия в Витебской операции. Воениздат, 1961.

Кроник А. Л., генерал-майор, кандидат исторических наук. В боях за Великие Луки. Воспоминания. — «Военно-исторический журнал», 1963, № 11.

Кроник А. Л. Отважный воин Николай Романов. Очерк. — Бюллетень № 2 Военно-научного общества. Киев, 1962.

Кроник А. Л. Человек подвига. Очерк. — «Ленинское знамя», газета Киевского военного округа. 1964, 21 июня.

Кроник А. Л., генерал-майор. Марите звала вперед. Очерк.— «Радуга», 1969, № 9.

Ларин П. А. Эстонский народ в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Таллин. Издательство АН Эстонской ССР, 1964.

Полевой Б. Н. При штурме Великих Лук. Очерк.— «Литературная газета», 1963, 23 февраля.

Полевой Б. Н. В конце концов. Нюрнбергские дневники. — Роман-газета, 1969, № 6.

Фадеев А. А. Великие Луки. Очерк. — «Правда», 1943, 10 января.

Фадеев А. А. Из записной книжки. — В кн.: Фадеев А. А. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 5, стр. 171—174.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Михаил Андреевич Лямин

ЧЕТЫРЕ ГОДА В ШИНЕЛЯХ

Повесть о родной дивизии

Редактор *А. Г. Хорошавина.* Художник *И. Г. Спориус.* Художественный редактор *И. А. Булдаков.* Технический редактор *С. И. Хлебникова.* Корректор *Т. Е. Желейко.*

Сдано в набор 4/I—1970 г. Подписано к печати 27/IV 1970 г. Бумага $84 \times 108^1/_{32}$. Печ. л. 9,7 (16,4). Уч.-изд. л. 16,9. Тираж 60 000 экз. Заказ № 058. НП01887. Цена 65 коп.

Издательство «Удмуртия», г. Ижевск, Пастухова, 13.

Республиканская типография Управления по печати при Совете Министров УАССР, г. Ижевск, Пастухова, 13.

Кандава

Рига

Бауска

Шяуляй

Биржай

Полоцк

Лынтупы

Клайпеда

Невель

Лепель

Череповец
Вологда
Грязовец
Бологое
Ярославль
Великие Луки
Казань
УАССР
Лихославль
Муром
Калинин
Хлебники
Сычевка
Москва

ЧЕТЫРЕ ГОДА В ШИНЕЛЯХ